

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1983

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Чугаев В. П.</i> Советский Союз и зарубежные славянские страны	3
<i>Недорезов А. И.</i> Изменения социальной структуры и культуры общества — важнейшие аспекты ленинского плана построения социализма	10
<i>Тарасов Б. Н.</i> Политика Англии в отношении Югославии (июнь 1941 — ноябрь 1942 гг.)	17
<i>Копашева М. И.</i> Общественно-политические и культурные связи СССР и Чехословакии в середине 30-х годов	29
<i>Прибылов В.</i> Польша и проблема реорганизации Совета Лиги Наций в 1926 году	41
<i>Пащенко Е.</i> Славянские мотивы в творчестве Владимира Назора	57
<i>Свирида И. И.</i> Художественная культура эпохи формирования наций как историко-культурная проблема (на материале стран Центральной и Юго-Восточной Европы)	67
<i>Бегунов Ю. К.</i> Сказания о чернокнижнике Твардовском в Польше, на Украине и в России и новонайденная «История о пане Твердовском»	78

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

<i>Венедиктов Г. К.</i> К начальной истории славистической кафедры в Московском университете	91
<i>Франчук В. Ю.</i> Из переписки М. Г. Халанского с А. А. Шахматовым	100

1

1983

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Ермакова Д. А.</i> Летопись важнейших событий советско-болгарских отношений дружбы и сотрудничества. 1944—1980 гг.	111
<i>Любченко В. Г.</i> J. Cesar, Z. Snitil. Československá revoluce 1944—1948	112
<i>Ольшанский П. Севостьянов П. П.</i> Перед великим испытанием. Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 — июнь 1941 гг.	113
<i>Мельников Г. П.</i> Формирование раннефеодальных славянских народностей	115
<i>Ваганова Н. М. Н. Б. Яковлева.</i> Современный роман Югославии	116
<i>Кишкин Л. С. D. Křicová.</i> Ruska poezie v interpretaci Františka Taborského	118
<i>Ильина Н.</i> Славянское и балканское языкознание, вып. 6. Проблемы морфонологии	120
<i>Калиганов И. И.</i> Новая попытка реконструкции биографии Григория Цамблака	122

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

Советский народ и прогрессивная общественность всего мира широко отметили знаменательное событие современности — шестидесятилетие со времени образования Союза Советских Социалистических Республик. Рождение и развитие Союза ССР, первого в мире единого многонационального государства рабочих и крестьян, — результат победы Великой Октябрьской социалистической революции, огромной созидательной деятельности широких трудящихся масс под руководством ленинской Коммунистической партии.

Прошедшие 60 лет отмечены коренными социально-экономическими преобразованиями, построением в нашей стране развитого социалистического общества. СССР — крупнейшее в мире государство, его население превышает 270 млн человек, советский народ составляют более 100 равноправных наций и народностей. Ведущей силой советского общества выступает рабочий класс, тесно сплоченный с колхозным крестьянством и трудовой интеллигенцией. В исторически короткий срок Советский Союз превратился в одну из наиболее развитых в экономическом отношении держав мира. В стране создан мощный производственный и научно-технический потенциал, высокого развития достиг уровень культуры всего народа. Организующей и направляющей силой советских людей выступает Коммунистическая партия, которая видит свой высший долг в служении народу. Выполняя решения XXVI съезда партии, Центральный Комитет КПСС под руководством Политбюро ЦК во главе с Ю. В. Андроповым последовательно проводит курс на дальнейший рост экономического могущества СССР и всемерное повышение благосостояния советского народа, построение в нашей стране коммунистического общества, неустанно борется за разрядку международной напряженности, отстаивает дело мира во всем мире.

Мировая история не знает примера, когда бы за такой исторически короткий срок было сделано столь много для утверждения нового общественного строя, всестороннего развития всех наций и народностей Советского государства, для осуществления наиболее гуманных идеалов человечества. Именно поэтому, как отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик», *«образование и успешное развитие СССР имеет непреходящее международное значение, знаменует важный исторический рубеж в вековой борьбе передового человечества за равноправие и дружбу народов, за революционное обновление мира»* [1].

Образование Советского Союза сыграло огромную роль в исторических судьбах всех народов мира на всех континентах земли. Особенно ощутимым явилось воздействие первого социалистического государства на развитие зарубежных славянских народов — ближайших соседей Страны Советов, на протяжении многих столетий связанных с братскими рус-

ским, украинским и белорусским народами общностью происхождения, близостью языка и культуры. Исторически сложившиеся узы братской дружбы между нашими народами были буквально выстраданы трудящимися в огне освободительных боев против угнетателей за национальную и социальную свободу.

Коренные социальные преобразования и успешное решение национального вопроса в СССР не могли не оказать влияние на зарубежные славянские страны еще и потому, что большинство из них образовалось вследствие мощного революционного и национально-освободительного движения, развернувшегося под воздействием Великого Октября. Национальная политика, осуществляемая Советским государством, показала трудящимся массам всех зарубежных стран, что при социализме, в противовес капиталистической системе, возможно мирное, дружеское сотрудничество суверенных и равноправных наций — больших и малых.

В отличие от дружественной семьи народов Советского Союза, успешно строивших социалистическое общество, трудящиеся зарубежных славянских стран в межвоенное двадцатилетие вынуждены были жить в условиях эксплуататорского капиталистического строя. Буржуазия и помещики, захватившие власть в этих странах в результате сложного переплетения внутренних и внешних факторов, стремились не допустить развития революционного процесса, осуществления интернациональных связей трудящихся своих стран с Советским Союзом. После подавления мощного революционного движения 1918—1923 гг. их усилия были направлены на создание в союзе с западными империалистическими государствами «санитарного кордона» вокруг СССР, чтобы помешать распространению правды о первом в мире государстве рабочих и крестьян.

И тем не менее в этот период в странах Центральной и Юго-Восточной Европы начинают складываться основные предпосылки социалистических революций. Своеобразное переплетение противоречий, свойственных высшей стадии капитализма — империализму, с остатками феодализма, неуклонно вело к нарастанию революционного движения в этих странах. Общие устои капиталистического строя расшатывались также вследствие острых национальных конфликтов в Югославии, Чехословакии и Польше. Версальской системой договоров был определен многонациональный состав новосозданных славянских государств. В Чехословакии, Польше, где около трети населения составляли национальные меньшинства, остро стоял национальный вопрос.

Решение национального вопроса в СССР, достижения в социалистическом строительстве, особенно наглядные на фоне постоянных кризисов, потрясающих мир капитала, не могли не вызывать роста симпатий и сочувствия к нашей стране. Интернациональный долг советских трудящихся перед мировым пролетариатом состоял прежде всего в построении ими нового общества, способного превратить Советский Союз в образец для других народов. В. И. Ленин по этому поводу указывал: «...мы говорили и говорим: „Социализм имеет силу примера“. ...Надо показать практически, на примере, значение коммунизма» [2, т. 42, с. 75].

Успехи Советского Союза в социалистическом строительстве были восприняты рабочим классом и трудящимися зарубежных стран, как свои собственные. Широко известны многочисленные примеры многогранной и всесторонней солидарности и помощи международного пролетариата, в том числе и рабочих Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии, Стране Советов в великом деле созидания нового общества. Эти вопросы, начиная от участия зарубежных интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне до деятельности многочисленных организаций друзей СССР, глубоко и всесторонне освещены в современной литературе. В организации движения солидарности с СССР большую роль сыграл Коммунистический Интернационал. IV конгресс Коминтерна в 1922 г. принял специальную резолюцию «Пролетарская помощь Советской России», в которой призвал рабочих всех стран оказывать Советской России широкую помощь и поддержку [3]. V конгресс Коминтерна подчеркивал необходимость развертывания широкой пропаганды советских до-

стижений среди населения капиталистических стран. «Образование нашего Союза, — отмечалось на конгрессе, — должно стать могучим оружием пропаганды наших европейских партий, потому что оно дает им возможность противопоставить метод советского решения национального вопроса решению этого же вопроса в рамках буржуазных держав» [4].

Опыт Советского Союза стал важнейшим достоянием международного рабочего движения. В 1924 г. Георгий Димитров писал: «Идея Ленина о самоопределении народов вплоть до права отделения и государственного обособления более крупных национальностей бросила яркий свет и на сложную национальную проблему Балкан. Трудящиеся массы Балканских стран ясно увидели, что эта проблема вполне разрешима...» [5].

Вырабатывая практический курс строительства социализма, РКП(б) учитывала потребности развития как своей страны, так и всего мирового революционного движения. Партия считала важнейшей своей задачей «работать над созданием социалистического хозяйства в СССР и в то же время всемерно поддерживать отряды пролетарской революции во всех странах» [6]. Или, говоря словами В. И. Ленина, строя социализм, советский народ делал «...максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах» [2, т. 37, с. 304].

По-ленински понимая пролетарский интернационализм, советский народ оказывал всевозможную поддержку революционной борьбе в других странах. Это, безусловно, не означало и не имело ничего общего с «экспортом революции», как тщатся представить пролетарскую солидарность враги марксизма-ленинизма. Однако и не умаляло важности и необходимости оказания Советским Союзом всесторонней помощи трудящимся других стран в трудной борьбе с капиталом. Выполняя завет В. И. Ленина, трудящиеся Советского Союза постоянно подтверждали свою верность пролетарскому интернационализму конкретными делами. Они решительно выступали против фашистского террора в Болгарии, развернувшегося после июньского переворота 1923 г. и особенно после подавления Сентябрьского восстания, оказывали моральную и материальную поддержку болгарским революционерам [7]. Когда в апреле 1925 г. в Чехословакии состоялась одна из крупнейших стачек горняков и металлургов Моравской Остравы, ВЦСПС послал бастующим 50 тыс. рублей [8, с. 143]. С января 1924 по октябрь 1926 г. ЦК профсоюзов направили рабочим 23 стран около 500 тыс. рублей [8, с. 146]. В частности, большие суммы были посланы революционерам Болгарии, Польши. Только в 1929 — 1933 гг. Советская страна предоставила убежище 1984 политэмигрантам из 32 стран [8, с. 163], среди которых больше всего было борцов из Польши, Болгарии и Югославии.

Советский Союз оказал помощь международному пролетариату в теоретической подготовке партийных, профсоюзных и комсомольских кадров. В СССР функционировали международные ленинские школы при Коминтерне и при КИМ, два коммунистических университета — для трудящихся Востока и национальных меньшинств Запада. Вспоминая время учебы в Международной ленинской школе при Коминтерне, член Политбюро ЦК Болгарской компартии Цола Драгойчева писала: «Преподаватели, товарищи по учебе, многие советские люди проявляли ко мне огромное внимание, заботу, стремились восстановить здоровье, вселить бодрость, чтобы подготовить меня к тяжелым битвам за победу социализма в Болгарии» [9].

В Советском Союзе часто бывали, учились, получали революционную закалку видные руководители и деятели компартий зарубежных славянских стран: Ю. Лещинский-Ленский, Е. Рынг, Г. Димитров, В. Коларов, Й. Броз-Тито и другие. В нашей стране побывали и знакомились с опытом строительства социализма рабочие делегации многих стран, в том числе из Чехословакии, Польши, Болгарии. После такой поездки по Стране Советов в 1930 г. чехословацкий писатель и коммунист Юлиус Фучик воодушевленно писал: «Сейчас я разъезжаю по Советскому Союзу и собственными глазами вижу чудеса пролетарского энтузиазма. Я вижу грандиозное строительство социализма» [10].

Многогранная деятельность большевистской партии, Советского государства в межвоенный период была пронизана заботой о развитии мирового коммунистического движения, об укреплении международной солидарности всех стран. Этой цели служила и ленинская внешняя политика Советского государства. В основе ее лежала борьба за мир и социальный прогресс. Особую значимость имели многочисленные мирные инициативы СССР в 30-е годы, когда резко усилились реакционные тенденции в политике ряда империалистических государств, возросла опасность мировой войны. Важное значение имела идея создания системы коллективной безопасности в Европе. Осуществление этой идеи могло оградить страны Центральной и Юго-Восточной Европы от агрессии со стороны гитлеровской Германии. Однако неоднократные предложения Советского Союза заключить договоры о взаимопомощи с Польшей, Болгарией, Югославией наталкивались на противодействие реакционных правящих кругов этих стран. Советский Союз вел неуклонную борьбу за мир и социальный прогресс, повсюду поддерживал революционные и демократические силы, которые являлись его естественными союзниками в борьбе за упрочение нового общества. Он принял необходимые меры для выполнения своих обязательств по советско-чехословацкому договору 1935 г., когда возникла реальная угроза независимости Чехословакии со стороны фашистской Германии. Однако согласившись на мюнхенский диктат Англии, Франции и США, буржуазные правители Чехословакии пошли по пути предательства национальных интересов, что привело к тяжелым последствиям и неисчислимым бедствиям народов этой страны.

Вторая мировая война, чудовищные злодеяния фашизма в европейских странах поставили под угрозу само существование зарубежных славянских народов. Героическая борьба советского народа против гитлеровских захватчиков стала огромным морально-политическим фактором, который не только способствовал объединению свободолюбивых народов в борьбе против фашизма, но и привел к новой расстановке сил в Европе и во всем мире.

С самого начала мужественной борьбы советских людей против гитлеровских поработителей ярко проявилась солидарность славянских народов. Их боевое содружество нашло свое воплощение в совместных действиях Красной Армии с воинскими частями и народно-освободительными армиями братских стран. Представители всех славянских народов участвовали в партизанской борьбе советского народа и советские граждане — в движении Сопротивления зарубежных славянских стран. Решающим фактором в обеспечении боевого содружества народов Европы был резкий рост политической сознательности и активности трудящихся масс под влиянием побед советского народа и активизации деятельности коммунистических и рабочих партий, возглавивших антифашистскую борьбу своих народов. Поэтому в ходе антифашистской борьбы в ряде стран Европы возникли реальные предпосылки к изменению социального строя.

Советское военное командование с первых дней войны оказывало большую и всестороннюю помощь патриотам зарубежных славянских стран, других государств Центральной и Юго-Восточной Европы в организации и развитии партизанского движения против гитлеровских захватчиков. Значительное число специальных групп чешских и словацких, болгарских и польских патриотов, которые находились на территории СССР, уже в 1941 г. были отправлены на родину для развертывания партизанской борьбы [11, с. 223]. С начала 1944 г. при командовании Народно-освободительной армии Югославии постоянно действовала советская военная миссия, координировавшая поставки оружия и другого военного снаряжения для югославских бойцов [11, с. 224]. Только на Украине и в Белоруссии в отрядах партизан сражалось 350 югославов, более 800 чехов и словаков, до 5000 поляков. Одновременно советские люди боролись с фашистскими оккупантами в партизанских отрядах зарубежных славянских стран. Только в Польше воевали более 12 тыс. советских граждан, сотни их были в отрядах партизан Югославии и Чехословакии [12].

Советский Союз оказывал всестороннюю помощь иностранным патриотам в формировании, оснащении боевой техникой и вооружением, обучении польских, чехословацких, югославских и других частей и соединений на территории СССР. В годы войны при непосредственной помощи Советского правительства на территории СССР были сформированы польские, чехословацкие и югославские воинские части [11, с. 227]. На завершающем этапе второй мировой войны совместно с Советской Армией против общего врага — фашистской Германии сражались две польские армии общей численностью около 250 тыс. человек, 60-тысячный чехословацкий корпус, 100-тысячная болгарская народная армия [13].

Победы Советской Армии над гитлеровскими полчищами сыграли особую роль в исторических судьбах народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Они были спасены от физического уничтожения. Верные интернациональному долгу, советские люди шли на величайшие подвиги и самопожертвование. Более 600 тыс. советских воинов пало на польской земле, свыше 140 тыс. погибло, освобождая Чехословакию, 8 тыс. — при освобождении Югославии [14]. Великий подвиг советских людей навсегда сохранится в памяти всех славянских народов. Именно в связи с этим Й. Броз-Тито говорил: «Кровь бойцов Красной Армии, лучших сынов Советского Союза, пролита на огромном пространстве Европы и для того, чтобы и маленькие славянские народы были свободны, могли свободно жить и свободно развиваться в союзе с великой славянской державой — Советской страной» [15].

В результате решающих побед Советской Армии над фашистскими захватчиками и освободительной борьбы трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы были созданы предпосылки для народно-демократических и социалистических революций.

Образование мировой социалистической системы привело к коренному изменению в соотношении сил на мировой арене, открыло благоприятные перспективы для социального прогресса. В процессе становления новой мировой общественной системы стали складываться международные отношения, основанные на принципах марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

Подписанные между СССР и странами народной демократии договоры о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве в сложной послевоенной обстановке раздувания империалистами Запада «холодной войны» явились надежной гарантией мирного и свободного развития государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Исключительно важную роль играла в этой связи целенаправленная деятельность КПСС и Советского правительства, а также братских марксистско-ленинских партий.

Империалистические силы пытались не допустить укрепления социалистического содружества. В 1947 г. официальные органы США отказались выдать лицензию на вывоз уже оплаченного Польшей оборудования для фабрики пенициллина, а также блокуинга стоимостью в 5 млн долларов; Франция аннулировала поставку Польше автомобилей, отказалась передать построенные для нее танкеры и отдельные виды станков, которые также были полностью оплачены [16]. Таких примеров экономического давления на Польшу, Чехословакию, Болгарию, Югославию и другие страны в послевоенные годы можно привести немало. Экономическое развитие в таких условиях было делом нелегким. Но братская помощь Советского Союза способствовала срыву попыток империалистических держав экономическим давлением воздействовать на ход развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Видный деятель международного коммунистического движения Г. Димитров на примере Болгарии так показал роль Советского Союза в судьбах стран социализма. В 1948 г. он писал: «Без поддержки Советского Союза Болгария была бы растерзана и попала бы в лапы других, не менее наглых, агрессивных и коварных империалистов, чем гитлеровские разбойники. Без огромной помощи Советского народа наш народ умирал бы с голоду в тяжелые годы засухи. Наше хозяйство находилось бы и поныне в состоянии упадка и разорения. Без Советского Союза не

было бы вообще свободы и независимости народов Юго-Восточной Европы и процветания народной демократии, идущей по пути социализма» [17].

Фундамент отношений нового типа, основанных на принципах пролетарского интернационализма, был заложен в период образования СССР, затем упрочен и развит во взаимоотношениях стран социалистического содружества. Многоплановое сотрудничество социалистических стран в послевоенный период, постоянно обогащаясь и углубляясь, прошло ряд этапов. Вехами стали образование Совета Экономической Взаимопомощи, принятие Комплексной программы социалистической экономической интеграции, разработка целевых программ сотрудничества и др. Итогом развития социалистического содружества, в котором зарубежные славянские страны занимают достойное место, является дальнейшее укрепление позиций мирового социализма, превращения его в решающий фактор общественного прогресса. В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» отмечено: «Жизнь подтвердила ленинское предвидение, что новый общественный строй рождает совершенно иные международные отношения, свободные от дискриминации, господства и подчинения, характерных для капиталистического мира» [1].

В 80-е годы страны социалистического содружества выступают как наиболее динамичная сила современности. По темпам роста национально-го дохода братские социалистические страны почти в два раза опережают развитые капиталистические страны. А в целом за последние 30 лет страны — члены СЭВ развивались в три раза быстрее, чем западные государства. В то время как население стран социалистического содружества составляет всего 10% населения Земли, тут сосредоточено 33% мирового промышленного производства.

Особенно большую роль в динамичном развитии социалистического содружества играет Советский Союз. Наша страна имеет самый крупный экономический, технический и научный потенциал, обладает самыми большими природно-сырьевыми ресурсами. Велик ее авторитет на международной арене. Советский Союз при тесной поддержке других стран социалистического содружества вел и продолжает вести неутомимую борьбу за мир, за перестройку международных отношений на принципах мирного сосуществования государств с различным строем, за полное искоренение всех проявлений неравенства, несправедливости, дискриминации и угнетения. Социализм противопоставляет империализму совершенно иную позицию, в основе которой лежат принципы мира, равноправия, самоопределения народов, уважения независимости и суверенитета всех стран, а также честные, гуманные методы социалистической дипломатии. Такая политика оказывает возрастающее влияние на мировую обстановку. Большинство прогрессивных людей всего мира с большим удовлетворением встретили Программу мира на 80-е годы, принятую XXVI съездом КПСС и поддержанную всеми братскими странами, которая указывает реалистические, конструктивные пути ослабления угрозы войны, углубления разрядки, развития широкого сотрудничества народов.

В нынешней сложной международной обстановке возрастает значение координации действий братских стран социализма в борьбе против империализма, агрессии и войны, за мир, безопасность и социальное освобождение народов. От укрепления единства социалистического содружества, объединения усилий стран социализма в решении благородных задач борьбы за мир и международную безопасность, от сохранения разрядки напряженности зависит будущее современной цивилизации, прогресс всех народов нашей планеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. М., 1982.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
3. Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933, с. 327.
4. Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, ч. 1. с. 603.

5. *Димитров Г.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1957, с. 165.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1970, с. 210.
7. *Чернявски Г., Мичев Д.* Съветска общественост и революционност движение в България. 1923—1944. София, 1979, с. 229 и сл.
8. *Озеров Л. С.* Дело трудящихся всех стран. Международная солидарность трудящихся СССР и зарубежных стран в период строительства социализма в СССР. М., 1978.
9. Проблемы мира и социализма, 1972, № 12, с. 7.
10. Мир о стране Октября. Высказывания и отклики. М., 1967, с. 92.
11. Вторая мировая война и современность. М., 1972.
12. *Клоков В. И.* Боевое содружество славянских народов во второй мировой войне. Доклад на VIII Международном съезде славистов. Киев, 1978.
13. *Семиряга М. И.* Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1970, с. 40.
14. *Секистов В. А.* Против буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны. М., 1974, с. 57.
15. Славяне, 1945, № 4, с. 30.
16. Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. М., 1977, с. 502.
17. *Димитров Г.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1957, с. 571—572.

НЕДОРЕЗОВ А. И.

ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА — ВАЖНЕЙШИЕ АСПЕКТЫ ЛЕНИНСКОГО ПЛАНА ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА

Проблема принципиальных изменений в социальной структуре социалистических стран и взаимосвязи этих изменений с идеологическими и культурными процессами в переходный период от капитализма к социализму представляется особенно значимой в научном отношении.

Политическая революция пролетариата, открывающая путь к преобразованию всей системы производственных и имущественных отношений, кладет начало устранению прежней социально-классовой структуры и формированию принципиально новой структуры общества. Одновременно начинается ломка всей буржуазной идеологической надстройки и создание новой идеологии и культуры социализма.

Необходимость анализа этих взаимосвязанных между собой социальных и идеологических движений в обществе диктуется самим характером ленинского плана социалистического строительства, как плана комплексного, содержащего научное обоснование основных направлений такого строительства, а именно: экономического, социального и духовного. Этого же требует и сама марксистская методология изучения общества, предполагающая анализ «...не одной экономической, а всех сторон общественной жизни...» [1, т. 1, с. 161].

Поэтому наряду с исследованием создания материально-технической базы социализма важно раскрыть глубокие социальные сдвиги, происходящие в обществе, включая как качественное изменение составляющих его классов и социальных слоев, так и преобразование взаимосвязей между ними. Представляется важным выяснить новую роль классов как в общественном производстве, так и в формировании новой идеологии и культуры.

Возникновение новой социальной структуры социалистического общества оценивается в марксистской литературе как главное достижение реального социализма, а сама эта структура рассматривается в качестве мощного ускорителя всестороннего социального прогресса [2].

Для марксистов принципиальное значение приобретает вопрос об основном содержании и движущих силах истории социалистического общества на современном этапе его развития, этапе строительства развитого социализма, когда классовая борьба перестает быть основным движущим фактором его поступательного развития и в роли такового выдвигаются другие факторы социально-экономической и политической жизни. Среди них доминируют изменения в социально-классовой структуре, в первую очередь изменения во взаимосвязях между отдельными классами и социальными группами, в чем в конечном счете и проявляется сама сущность социальной структуры.

Существует еще один аспект, заставляющий нас обратить внимание на процессы изменения социальной структуры общества — это влияние указанных изменений на формирование и развитие социалистического содружества. Оно связано с устранением из общественной жизни основного носителя националистической идеологии — буржуазии, а также мелкобуржуазных прослоек и с утверждением интернационалистической пролетарской идеологии — основы духовной жизни социалистического общества. Ломая буржуазные отношения собственности, социалистическая революция делает решительный шаг к устранению идей эксплуататорских классов, а главное — основ господства буржуазной идеологии. Однако, как показывает опыт развития мирового социализма, для полного утверждения новой социалистической идеологии требуется длительный период глубоких качественных сдвигов в жизненных условиях людей, их образе жизни, всей общественной психологии. Указанные сдвиги имеют поистине историческое значение как для последующего внутреннего развития социалистического общества, так и для прогресса внешних связей между социалистическими странами.

Преобразование социальной структуры в социалистических странах является планово-организованным, сознательно-управляемым процессом. Его осуществление диалектически связано с характером, темпами и методами преобразований в сфере экономики, проводимых рабочим классом, с ликвидацией антагонистических противоречий в обществе, с изменениями характера производственных отношений, с культурной революцией, следствием которой является повышение культуры и цивилизованности всех классов и социальных групп населения, усиление их активного и сознательного участия в строительстве нового общества, в том числе и в управлении им.

Общественные преобразования, ведущие к новым изменениям в судьбе классов, а также к глубоким сдвигам в социальной структуре, осуществляются в зависимости от уровня развития производительных сил и характера преобладающих социально-экономических отношений. Они увязываются как с решением основного политического вопроса: расширение и упрочение социальной базы нового строя — союза рабочего класса и крестьянства, так и с соответствующей идеологической и культурной подготовкой таких преобразований. Глубокая взаимосвязь социальных и культурных процессов становится все более очевидной по мере развития социализма как общественного строя. Так, в период строительства основ социализма процессы культурного и идеологического порядка получают широкий простор, оказывая в свою очередь, глубокое влияние на изменения социально-экономического плана.

Набрасывая свой план строительства социализма после победы Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин подчеркивал, что в качестве неперемennого условия дальнейшего социального переустройства общества должно быть проведение культурной революции: «...полное кооперирование,— писал он,— невозможно без целой культурной революции» [1, т. 45, с. 376].

Таким образом, развитие культурных процессов не только теснейшим и непосредственным образом связано с перестройкой производственных отношений, но в определенные исторические периоды может даже предварять последнюю, равно как и преобразование социальной структуры. Во всех случаях культурная революция выступает как составная часть сложного процесса перестройки общества, имеющая свою функциональную направленность, а именно: преодоление буржуазной системы взглядов, буржуазного мировоззрения и формирование новой идеологии, социалистического образа жизни трудящихся масс. Особенность культурного процесса и его сходство со структурными преобразованиями состоит в том, что этот процесс и преобразования протекают как в переходный период, так и в период строительства развитого социализма.

Социалистическая культура по своему идейному содержанию и функциям принципиально отличается от культуры буржуазного общества. Однако культурное развитие народа при социализме немыслимо без при-

общения к полезным знаниям и духовным ценностям, накопленным предшествующими поколениями. Новая социалистическая культура включает в себя все ценное, прогрессивное, имеющееся в народной культуре прежних формаций. Она является закономерным развитием, как говорил В. И. Ленин, подчеркивая классовый характер этого процесса, «...лучших образцов, традиций, результатов *с у щ е с т в ю щ е й* культуры *с точки зрения* мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры» [1, т. 41, с. 462].

Что касается непосредственного процесса структурной перестройки общества в период социализма, то как в СССР, так и в других социалистических странах этот процесс протекал особенно бурно в годы глубокой ломки производственных отношений. Начало формированию качественно новой структуры общества в Советской России, а затем в странах народной демократии было положено такими радикальными мерами народной власти как национализация промышленности и кредитно-банковской системы, национализация земли в Советской России или проведение аграрной реформы в странах народной демократии.

В течение этого относительно короткого этапа осуществления революционных политических и социально-экономических преобразований были ликвидированы экономические позиции крупного промышленно-банковского, аграрного и торгового капитала, в том числе и иностранного. Из социальной структуры были устранены основные эксплуататорские классы. Пролетариат из эксплуатируемого, политически бесправного класса превратился в класс, не только владеющий средствами производства, но и осуществляющий руководство экономической, политической и духовной жизнью общества. Этот исторический поворот в судьбе пролетариата означал его принципиально новое положение в системе классовых взаимоотношений и связей, его ведущую роль не только в политической, но и в духовной жизни, что позволило ему начать культурную революцию — борьбу за устранение идеологического влияния буржуазии и утверждение социалистической идеологии, за преобразование всей системы духовного производства. Существенные сдвиги происходят в положении крестьянства, интеллигенции и других слоев общества. Качественные изменения в социальной структуре всегда носят комплексный характер, захватывая все ее элементы: классы, социальные слои и группы, принципиально меняя их отношения и связи. Эта тенденция получает дальнейшее развитие в период строительства основ социализма, который является следующим этапом структурной перестройки, формирования качественно новых в социальном и духовном отношении классов и социальных слоев общества.

В СССР решающими годами этого этапа были годы первой пятилетки (1929—1933), когда в результате осуществления социалистической индустриализации, коллективизации крестьянства и культурной революции снова качественно изменился социальный и духовный облик советского общества. Были окончательно ликвидированы остатки эксплуататорских классов, в том числе и самого многочисленного из них — кулачества. Возник новый класс — кооперированное крестьянство, связанное с общественными формами производства. Более чем в два раза увеличилась численность рабочего класса, причем особенно сильно возросло число рабочих в ведущих отраслях промышленности: металлургии, машиностроении, электротехнике [3]. Значительно повысился профессиональный и культурный уровень рабочего класса, изменился его духовный облик. Рабочие в 1939 г. составляли приблизительно одну треть населения страны [4]. Основное содержание всего переходного периода общественного развития, охватившего в СССР более двух десятилетий, следовательно, заключалось в коренном преобразовании общественных отношений, включая отношения производственного, социально-классового, экономического и идеологического порядка. Наряду с формированием новой социальной структуры, составной частью этого процесса было преобразование общественного сознания, утверждение социалистической идеологии во всех формах духовной жизни, вытеснение буржуазной, мелкобуржуазной, феодально-патриархальной и другой, чуждой социализму идеологии.

Достоянием народных масс стали достижения науки, искусства, духовной культуры в целом. На этом этапе были решены такие демократические задачи в области образования и культуры как ликвидация неграмотности (там, где она имелаась), введение всеобщего начального образования, расширение среднего и высшего образования, создание для всех наций и народностей возможностей развивать национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру.

Аналогичные явления в годы строительства основ социализма наблюдались и в большинстве социалистических стран Европы, что является наиболее убедительным свидетельством проявления закономерностей этого строительства. И здесь социалистическая индустриализация и кооперирование крестьянских хозяйств, мелкой торговли и ремесел привели к вытеснению частного сектора из народного хозяйства или к его резкому ограничению, к ликвидации остатков эксплуататорских классов, к усилению удельного веса рабочего класса в народном хозяйстве, общественной жизни, социальной структуре, к принципиальному изменению положения крестьянства.

В первой половине 60-х годов рабочий класс в большинстве социалистических стран занял ведущее положение в социальной структуре общества, превратился в основную производительную силу. Численность рабочих и служащих увеличилась в 1969 г. по сравнению с 1950 г. в Болгарии и Румынии в 2,7 раза, в ГДР — 1,2 раза, ЧССР — 1,5 раза, в Венгрии — 2,2 раза, Польше — 1,7 раза [5]. В большинстве стран доля рабочих и служащих составляла в середине 60-х годов около или даже свыше 60% (кроме Румынии и Албании), причем численность рабочих в таких странах, как Чехословакия, Венгрия, ГДР превышала половину населения.

Основным источником бурного роста рядов рабочего класса как в СССР, так и в социалистических странах Европы являлось крестьянство. Чрезвычайно важные социальные последствия имело включение в промышленное производство женщин, что привело к значительному повышению общей занятости населения, которая составляла по всей группе социалистических стран Европы (кроме Албании) в 1963 г. приблизительно 47% [6].

Существенно изменилось соотношение числа промышленных и сельскохозяйственных рабочих в пользу промышленных, возрос профессиональный и общеобразовательный уровень рабочего класса, увеличилась концентрация рабочих на крупных предприятиях, что повысило в самом рабочем классе значение его ядра — индустриальных рабочих. Что касается социалистического преобразования сельского хозяйства, то в этих странах, как и в СССР, на основе утвердившихся после кооперирования деревни социалистических производственных отношений сложился и консолидировался новый класс общества — кооперированное крестьянство. В новом социально однородном классе кооперированных крестьян были интегрированы все прежние социальные прослойки: полупролетарские слои, мелкое, среднее, отчасти и зажиточное крестьянство.

Социалистические производственные отношения, установившиеся в деревне, в корне изменили положение трудящихся деревни в системе общественного труда. Главным источником общественного продукта, создаваемого членами кооперативов, как и доли, получаемой ими, является труд в общественном хозяйстве. Принципиальное сходство двух форм собственности — государственной и кооперативной — и соответствующие им аналогичные социалистические производственные отношения, установившиеся как в городе, так и в деревне, привели к коренному изменению социальных связей в обществе, в первую очередь к качественному изменению важнейшей из этих связей — союза рабочего класса с крестьянством. В результате не только упрочилось морально-политическое единство общества, но и была заложена реальная основа для всестороннего и быстрого повышения материального и культурного уровня крестьянства, для повышения его роли в социально-экономической и политической жизни общества, для стирания существенных различий между городом и де-

ревней. Следовательно были созданы необходимые социально-экономические и политические предпосылки для успешного решения последующих задач культурной революции и ее завершения. Общественное производство явилось фактором, способствующим формированию у крестьянства новой социалистической идеологии, преодолению индивидуалистических взглядов и предрассудков, присущих крестьянину-собственнику. Оно создает реальные условия не только для повышения уровня грамотности и культурности деревни, но и для широкого получения крестьянством новых агротехнических и других профессиональных знаний и навыков.

Все это в конечном итоге является еще одним свидетельством диалектической взаимосвязи и взаимодействия процессов материального и духовного производства. В данном случае процессы духовного развития крестьянства являются составной частью формирования нового социалистического крестьянства, а следовательно, и новой социалистической социальной структуры.

Разумеется, сказанное о социалистическом крестьянстве не относится к крестьянству тех европейских социалистических стран, в которых процесс кооперирования деревни еще далек от завершения (Польша, Югославия). В деревне этих стран продолжают явления социальной дифференциации, правда, в более умеренной форме, чем в капиталистический период.

Важнейшим аспектом социальных сдвигов в годы строительства социализма, культурной революции является формирование новой интеллигенции. Известно, что интеллигенция в буржуазном обществе в качестве социального слоя занимает промежуточное положение и распадается на буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую прослойки в зависимости от того, чьи интересы наиболее сознательно отражает и на чьей стороне та или иная прослойка ведет политическую и идеологическую работу. При относительно небольшом удельном весе интеллигенции во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период, как и ранее в царской России, характерной чертой этой прослойки было преобладание групп, связанных с просвещением и здравоохранением (около 60 — 70 % общей численности) при незначительном удельном весе технической интеллигенции, работающей в промышленности и сельском хозяйстве [7].

Осуществление культурной революции, политического воспитания народа, а также строительства материально-технической базы социализма требует радикальных мер по изменению положения интеллигенции в обществе, улучшению ее структуры в соответствии с задачами общественного развития. Поэтому ускоренными темпами растет группа инженерно-технической интеллигенции. Поскольку значительная часть интеллигенции, связанная ранее с буржуазией, после социалистической революции отказывается служить народу и нередко оказывается в стане ее врагов, а также из-за резкого увеличения потребности общества в кадрах интеллигенции, народная власть наряду с использованием лояльно настроенных специалистов развертывает в широких масштабах подготовку интеллигенции в первую очередь из среды рабочих и крестьян. Эта задача в основном решается на этапе строительства основ социализма, т. е. также в рамках переходного периода.

Отмечая большое значение интеллигенции в формировании нового мировоззрения членов общества, мы должны подчеркнуть сложность и длительность этого процесса. Дело в том, что и при социализме имеются еще некоторые внутренние источники воспроизводства устаревших идеологических установок и мелкобуржуазного индивидуализма. Они заключаются в сохранении остатков прежнего разделения труда, различий между городом и деревней, между культурным уровнем отдельных слоев. Самому рабочему классу приходится преодолевать глубоко укоренившиеся традиции и обычаи старого общества, привычки к буржуазному способу производства и укладу жизни.

Отмечая настоятельную необходимость такого перевоспитания рабочих, В. И. Ленин писал, что «...перевоспитать надо в длительной борьбе, на

почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями» [1, т. 41, с. 101]. И далее, подчеркивая поистине гигантские задачи, встающие после завоевания власти перед рабочим классом, в деле общего политического перевоспитания масс, в деле коренного изменения их общего мировоззрения, В. И. Ленин писал, что при диктатуре пролетариата придется «...перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих, чиновников, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции...» [1, т. 41, с. 102].

Эта гигантская работа по перевоспитанию масс является осевой линией культурной революции на протяжении длительного времени. Она охватывает как переходный этап, так и период построения развитого социалистического общества. Каждый из указанных периодов составляет вместе с тем свой особый этап культурной революции, который хронологически совпадает с этапами общественного развития. Следовательно, культурная революция предстает перед нами как составная часть общего исторического движения общества по пути социализма. Она находится в органической взаимосвязи с процессом создания новой социально-классовой структуры. Иначе говоря, изменение социального и духовного аспекта общественного развития, становление качественно новой социалистической духовной культуры (включающей в себя как идеологию, так и мораль, и психологию людей), происходящее одновременно с коренным преобразованием социальной структуры, означает появление нового общества не только с иным социально-классовым составом и другими социальными связями, но и с качественно иным общественным сознанием, моралью и психологией, присущими его членам. Этот глубокий общественный переворот, происходящий в социалистическом обществе, знаменует его поступательное развитие по пути к коммунизму.

Последующее идеологическое развитие культуры и слоев нового общества на единой социально-экономической и идейной основе является важнейшей предпосылкой социальной интеграции, укрепления внутреннего единства общества и эволюции союза рабочего класса с крестьянством в союз рабочих, крестьян и интеллигенции.

Вместе с тем нельзя не видеть и определенной конкретно-исторической ограниченности решения культурных проблем, связанной с тем, что это решение происходит в рамках первой фазы коммунистической общественно-экономической формации, когда сохраняются еще существенные социально-классовые различия, в том числе и в сфере культуры, так как социализм предполагает дальнейшее всестороннее и равное развитие всех членов общества. Поэтому и культурному развитию присущи некоторые не только национальные, но и социальные особенности даже и на этапе зрелого социализма.

При рассмотрении процессов преобразования социально-классовой структуры и осуществления культурной революции мы останавливались в первую очередь на явлениях общего плана, характерных для всех социалистических стран. Разумеется, общее, закономерное не исключает определенной специфики как в процессах преобразования базиса, так и в изменениях надстройки. На некоторые специфические черты социальных процессов мы уже обращали внимание. Отметим здесь определенные различия в задачах культурной революции. Так, для таких стран, как Советская Россия, Болгария, Албания, Югославия, Румыния большое значение после установления диктатуры пролетариата имела ликвидация неграмотности, что явилось первейшей задачей культурной революции, поднимавшей массы к духовному творчеству. В Чехословакии, ГДР и Польше такой задачи не было. Имелись и другие различия.

Необходимо подчеркнуть, что при осуществлении культурных преобразований новые социалистические страны имели и имеют возможность

опираться на помощь и поддержку Советского Союза в деле подготовки новых кадров интеллигенции, в частности, технической, а также в создании и развитии материальной базы духовной культуры. Сам Советский Союз такой возможности не имел.

На этапе строительства развитого социализма еще более возрастает роль интеллектуального фактора в жизни каждой страны и усиливается тенденция к интернационализации духовного производства. Указанная тенденция отражает возрастающую общественную потребность в усилении интеллектуального потенциала общества путем интенсификации и углубления общественных, научно-технических и культурных связей и всех форм сотрудничества социалистических стран, особенно в условиях научно-технической революции. Усиление процесса социалистической интернационализации обуславливается сходством задач духовного производства, решаемых социалистическими странами: необходимостью вытеснения пережитков собственнической идеологии и индивидуализма из сознания масс, превращения научного коммунистического мировоззрения в сознательное убеждение и мораль каждого члена общества, совершенствования культуры и духовной жизни, стирания различий между умственным и физическим трудом. На этом этапе культурный прогресс народа должен не только соответствовать достигнутому уровню экономического и научно-технического развития, но и в определенных случаях опережать это развитие, еще более активно воздействовать на другие сферы общественной практики. Решение этой задачи в значительной мере зависит от возрастания эффективности научно-технических и культурных связей стран социалистического содружества, от успешного развития социалистической интернационализации в сфере духовной жизни, представляющей собой объективный процесс всестороннего сближения культур социалистических стран и народов, одной из важнейших сторон которого является восприятие и активная адаптация каждым из этих народов культурных ценностей других стран и народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
2. Лулов Л. Реальный социализм — конкретно-историческая материализация научного социализма. — Проблемы мира и социализма, 1979, № 4, с. 38.
3. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.—Л., 1934, с. 136.
4. Динамика развития социалистического общества. М., 1980, с. 103.
5. Статистический ежегодник стран — членов СЭВ. М., 1974, с. 27—34, 219.
6. Недорезов А. И. Преобразование социально-классовой структуры в социалистических странах Европы. — Вопросы истории, 1980, № 4, с. 60.
7. Социологические проблемы. София, 1970, № 4, с. 77—78.

ПОЛИТИКА АНГЛИИ В ОТНОШЕНИИ ЮГОСЛАВИИ (июнь 1941 — ноябрь 1942 гг.)

Немецко-фашистская агрессия против Югославии в апреле 1941 г. прервала непродолжительный период существования единого, суверенного югославянского государства. Неспособность предвоенного режима избавить страну от угрозы внешнего нашествия привела к оккупации и расчленению страны. В известной мере это было и поражением английской балканской политики, не сумевшей создать барьер на пути германской экспансии. Главная причина этого заключалась в нежелании английского руководства решительно порвать с наследием Мюнхена, парализовавшим волю балканских правительств к активному сопротивлению [1, с. 4], принять советские предложения по созданию системы коллективной безопасности в Европе.

В новых условиях политика Англии в отношении Югославии определялась рядом факторов. Эмигрантское правительство генерала Д. Симовича оказалось у власти в результате государственного переворота, в значительной степени инспирированного английскими спецслужбами. С этим же событием было связано устранение регента принца Павла и возведение на престол несовершеннолетнего Петра II Карагеоргиевича, являвшегося к тому же прямым потомком английской королевы Виктории. Эмигрантское югославское правительство пользовалось дипломатическим признанием, в том числе и со стороны СССР. Заключенный 5 апреля 1941 г. советско-югославский договор о дружбе и ненападении, хотя и не был ратифицирован, способствовал укреплению престижа правительства Д. Симовича в антигитлеровской коалиции.

Таким образом, у английского руководства имелась благоприятная возможность своей политикой в югославском вопросе содействовать укреплению антифашистской коалиции, обеспечению достойного вклада Югославии в общее дело разгрома агрессоров.

Английские буржуазные историки занимаются интенсивной разработкой этой темы на протяжении всего послевоенного периода. В числе авторов, обращающихся к указанным сюжетам, — видные официальные историки, военные и политические деятели, непосредственные организаторы и исполнители внешнеполитического курса Лондона в отношении Югославии в годы второй мировой войны. Приводимый ими фактический материал дает довольно точное представление о механизме принятия решений в отношении Югославии в тот период на разных уровнях государственного аппарата. Однако методологические концепции, выводы и обобщения буржуазных авторов, равно как и способы актуализации подаваемого материала не могут не вызвать серьезных возражений со стороны историков-марксистов.

Отправным пунктом при определении целей политики Англии в отношении Югославии в рассматриваемый период, путей и средств ее осуществления было стремление Лондона добиться военного поражения нацистской

Германии, угрожавшей жизненным интересам британской империи. С этой точки зрения Балканский полуостров представлялся английскому командованию удобным объектом для нанесения «большого удара при сравнительно небольшой затрате усилий» [2, р. 11].

Югославия, считал У. Черчилль, обладала в этом отношении важными преимуществами. «Мы не понимаем, — телеграфировал он 13 апреля 1941 г. английскому посланнику в Белграде Р. Кэмпбеллу, — зачем королю или правительству покидать обширную гористую страну, в которой полным-полно вооруженных людей. Германские танки смогут, несомненно, двигаться по дорогам и тропам, но чтобы разгромить сербские армии, немцы должны подтянуть пехоту. Тут-то и появится возможность истребить их, и юный король и министры должны, разумеется, сыграть в этом свою роль» [3, р. 197].

Однако правящие круги Югославии проявили бессилие, оказавшись в чрезвычайных обстоятельствах, что, впрочем, исторически вполне объяснимо. Ф. Энгельс указывал, что «в решающие моменты, когда народ должен напрячь все силы для своего спасения, ничто не сковывает его в такой степени, как монархия» [4, с. 419].

Разгром югославской армии, оккупация и расчленение страны стали свершившимся фактом. Король Петр и эмигрантское правительство обосновались в Лондоне. Там югославский монарх и отметил свое совершеннолетие. «Таймс», указывая на беспрецедентный характер этого события, расценила как доброе предзнаменование тот факт, что «король нации, сражающейся за свою независимость от иностранного владычества», праздновал день своего рождения «в столице страны, которая стала центром борьбы за свободу и независимость малых наций» [5, 1941 8 IX]. Это, заметим, писалось в те дни, когда действительным центром борьбы с фашизмом стал советско-германский фронт.

В самой оккупированной Югославии ширилось движение Сопротивления. В июле — августе 1941 г. вооруженное восстание под руководством КПЮ охватило почти всю страну [6, с. 80—82]. В конце августа У. Черчилль обратил внимание министра Х. Дальтона на широкий размах Сопротивления в Югославии, подчеркнув, что оно «нуждается в целенаправленности, поддержке и руководстве извне» [7, с. 126].

К этому времени эмигрантское югославское правительство располагало сведениями о том, что в горах Западной Сербии полковник Д. Михайлович создает боевые отряды (четы) для борьбы с оккупантами, о чем было уведомлено и английское правительство [8, р. 8].

Планы Михайловича совпадали с намерениями буржуазно-монархических кругов югославской эмиграции. Заявляя о необходимости вести борьбу с оккупантами, Михайлович предостерегал своих сторонников от преждевременных, по его мнению, вооруженных акций [9, с. 76]. Именно к этому сводились призывы, с которыми в июле — августе эмигрантское югославское правительство обратилось через Би-Би-Си к своим соотечественникам [10, с. 79; 11, с. 142].

Такой подход соответствовал точке зрения английского правительства. Тогда же в августе Х. Дальтон, в подчинении которого находилось Управление специальных операций (СОЭ — по начальным буквам английского названия), ведавшее подрывными акциями в оккупированных странах, отмечал единство взглядов английского и югославского правительств на характер и способы сопротивления оккупантам. С одной стороны, указывал Дальтон, уровень вооруженной борьбы в Югославии должен создавать определенные трудности оккупационным властям, лишая их возможности перебрасывать войска в другие районы Европы. С другой стороны, борцам Сопротивления рекомендовалось ограничиться накоплением сил и ждать сигнала из Лондона ко всеобщему восстанию [12, с. 107—108].

Эти согласованные принципы организации сопротивления оккупантам были приняты за основу при подготовке первой югославо-британской военной миссии на территорию оккупированной Югославии. В ее состав вошли майоры королевской югославской армии З. Остоич и М. Лалатович, а также британский офицер — капитан Б. Хадсон. Первых двух инструк-

тировал военный министр эмигрантского югославского правительства Б. Илич. Их задача состояла в том, чтобы обнаруживать отряды Сопротивления, но входить в контакт только с теми, которые сохраняли верность королю и возглавлялись офицерами бывшей югославской армии, в частности полковником Михайловичем. Последнему следовало воздерживаться от диверсий на железных дорогах, чтобы не провоцировать репрессий против мирного населения, за исключением тех случаев, когда не требовалось применения взрывчатки [7, р. 128—130]. Хадсон был включен в состав миссии, чтобы информировать руководство СОЭ, как ему было сказано, о любых группах, ведущих борьбу с оккупантами, а также обеспечить надежную радиосвязь Югославия — Каир [7, р. 129].

В первых же донесениях Хадсон сообщал, что в Черногории, на побережье которой была высажена миссия, Сопротивление возглавляют коммунисты, их действия отмечает высокая организованность, а политические мероприятия направлены на сплочение всего народа в борьбе с оккупантами. Поэтому, делал вывод Хадсон, английская помощь должна адресоваться этим силам [7, р. 130—131]. Однако в радиোগрамме, полученной Хадсоном 9 октября, содержалось требование о незамедлительной доставке шифров Михайловичу, который передавал свои сообщения фактически открытым текстом [7, р. 131].

Тем временем, руководство четников, следуя избранной тактике выжидания и накапливания сил, с раздражением наблюдало за усилением повстанческих действий, возглавляемых коммунистами. Логика социально-классовых и политических убеждений подводила Михайловича к опасной грани, за которой кончалось маневрирование и начиналось сотрудничество с оккупантами и их пособниками. В августе — сентябре 1941 г. эмиссары Михайловича вошли в контакт с маршнечетным правителем Сербии М. Недичем. Было достигнуто соглашение на четко сформулированной антикоммунистической основе, стороны договаривались сотрудничать в борьбе с партизанами, возглавляемыми коммунистами [13, s. 286; 14, р. 316]. На деле это означало сползание к открытому предательству национальных интересов. Четнические отряды были малочисленны [15, s. 37] и, как отмечает советский исследователь Л. Я. Гибианский, «в Югославии сложился лишь один лагерь, противостоявший оккупантам, — народно-освободительное движение, организованное КПЮ» [16, с. 316].

Руководство народно-освободительных партизанских отрядов, не располагая в то время данными о попытках Михайловича наладить «деловые» отношения с оккупационно-квислинговскими властями, выступило инициатором объединения всех антифашистских сил страны на общедемократической платформе [17, s. 306—307; 18, р. 262—264].

Михайлович не желал признавать общенациональные антифашистские принципы в качестве военной и политической основы для слияния партизанских и четнических вооруженных формирований. Его собственная программа однозначно и неуклонно следовала шовинистическим установкам великосербской буржуазно-монархической реакции [19, с. 12]. В одной из телеграмм, отправленных в начале октября 1941 г., Илич предупреждал лидера четников о том, что коммунистов следует опасаться не меньше, чем оккупантов: «Сегодня они борются против немцев, а завтра — против короля и династии» [10, s. 80].

Одновременно эмигрантское югославское правительство, оперируя телеграммами Михайловича с просьбой о помощи оружием и снаряжением, настаивало на активизации действий английского правительства в этом направлении. Параллельно ставился вопрос о подключении Советского правительства к решению проблемы единства всех участников вооруженной борьбы в Югославии путем подчинения их Михайловичу [11, s. 155, 156; 20, р. 29].

В течение октября А. Иден неоднократно беседовал с советским послом в Лондоне И. М. Майским по этому вопросу. Суть его рассуждений сводилась к тому, чтобы дипломатическое признание эмигрантского югославского правительства Советским Союзом и Великобританией создавало предпосылки для выработки единого курса обеих стран в отношении югослав-

ского Сопротивления. Первым шагом на этом пути, считал Иден, должно стать объединение всех сил Сопротивления под командованием Михайловича [7, р. 125].

Между тем четники, воспользовавшись крупным наступлением оккупантов на освобожденные районы, напали 2 ноября на партизанскую столицу Ужице. Это нападение было не только отбито, но и завершилось окружением четнических отрядов в районе Равной Горы [6, с. 91].

13 ноября в Лондоне стало известно о том, что разногласия между партизанами и четниками приняли форму вооруженных столкновений [21, р. 31]. В тот же день Симович сообщил Идену о содержании телеграммы Михайловича, в которой партизаны обвинялись в нападении на четников. Симович подчеркнул, что четники верны королю, но действия коммунистов могут толкнуть их (четников) к соглашению с оккупантами. Только незамедлительная и эффективная помощь Михайловичу, продолжал Симович, сможет предотвратить перерастание конфликта в гражданскую войну [7, р. 139—140]. Эта тенденциозная информация и была положена в основу дальнейших шагов британского руководства.

Необходимо подчеркнуть, что уже на этой стадии в Лондоне ясно отдавали себе отчет в том, каков характер противоречий между партизанами и четниками, какова цена выбора между различными фракциями югославского Сопротивления в качестве военно-организационной и социально-политической основы осуществления долгосрочных целей британской политики в отношении Югославии. Об этом свидетельствуют документы того периода. В одном из них лорд Гленконнер, занимавший руководящие посты в СОЭ, обращал внимание Форин оффис на то, что поддержка партизан неизбежно обернется разрывом с эмигрантским югославским правительством [21, р. 23].

16 ноября Хадсон получил радиogramму, санкционированную британским дипломатическим ведомством, в которой фигурировали почти без изменений формулировки лорда Гленконнера. «Правительство его величества, — говорилось в радиogramме, — считает, что для достижения успеха борьба должна вестись югославами за Югославию, а не превращаться в восстание, руководимое коммунистами, в пользу Советской России» [7, р. 140]. Кроме того, Хадсон уведомялся о дипломатических шагах английского правительства, имевших целью добиться содействия Советского Союза в оказании нажима на партизан. Предполагалось, что это будет способствовать переходу всех сил югославского Сопротивления под безраздельное командование Михайловича, который прочился в национальные лидеры [7, р. 140].

При обращении к Советскому Союзу антикоммунистические выпады были, естественно, заменены ссылками на необходимость укрепления антигитлеровской коалиции во всех аспектах, в частности, создания «общенационального» единства в рядах югославского Сопротивления. 15 ноября постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании А. Кадоган убеждал советского посла в Лондоне Майского просить правительство СССР воздействовать на югославских партизан в желательном для англичан направлении [22, р. 413]. Три дня спустя английский посол в СССР С. Криппс предпринял аналогичные действия. Пытаясь склонить советскую сторону в пользу Михайловича, Криппс заявил, что пассивность четников находится в полном соответствии с указаниями эмигрантского югославского правительства [23, с. 77; 21, р. 33]. Эти попытки, однако, не принесли желаемых результатов [24, р. 66].

Между тем Верховный штаб народно-освободительных партизанских отрядов, руководствуясь принципиальными установками КПЮ на сплочение всех сил в борьбе с оккупантами, выступил инициатором прекращения конфликта с четниками [25, с. 278].

Стремясь выиграть время, Михайлович пошел 20 ноября на контакты с руководством партизан. Помимо очевидных намерений предотвратить неизбежное военное поражение своих отрядов, Михайлович, несомненно, учитывал и позицию англичан. Хадсон, в частности, заявил предводителю четников, что если тот пойдет на примирение с партизанами, то ему будет

предоставлена материальная помощь. Кроме того, Михаловичу была обещана поддержка его усилий утвердиться в качестве главнокомандующего всеми силами югославского Сопротивления [7, р. 142]. 21 ноября Симович информировал Михайловича о мерах эмигрантского югославского правительства по укреплению политических и военных позиций четников. Подчеркнув безусловное стремление подчинить партизан четникам, Симович призывал Михайловича избегать вооруженных столкновений с ними [7, р. 142].

Уловив смысл рассуждений Хадсона и наставлений Симовича, Михайлович 22 ноября направил в Лондон радиogramму, в которой поспешил сообщить о прекращении вооруженного конфликта с партизанами. Сославшись на нехватку боеприпасов, истраченных в боях с партизанами и оккупантами, Михайлович испрашивал немедленной помощи, обещая активизировать борьбу с захватчиками [7, р. 142].

Здесь небезынтересно отметить такой факт. В рассматриваемый период сообщения из штаба четников попадали в Каирское отделение СОО. Там они переводились на английский язык, затем пересылались в Лондон в штаб-квартиру СОО. После соответствующей обработки, купирования и т. д. они передавались в Форин оффис, оттуда — британскому послу при эмигрантском югославском правительстве и только потом его главе. На обратном пути проходились те же инстанции [20, р. 86—87]. Словом СОО и Форин оффис полагали, что они достаточно полно информированы о сути происходивших в Югославии событий. Поэтому 27 ноября, при обсуждении югославских дел, Иден предложил, ссылаясь на телеграмму Михайловича, считать конфликт между партизанами и четниками исчерпанным и поставил вопрос о незамедлительной отправке помощи Михайловичу [21, р. 32].

Есть, впрочем, основания считать, что успокоительные заверения Михайловича были использованы Иденом лишь в качестве формального предлога для ускорения военных поставок четникам. Некоторые ответственные сотрудники английского министерства иностранных дел указывали, что факт примирения Михайловича с партизанами не должен играть решающей роли при определении дальнейшей политики Англии в отношении Югославии. Гораздо важнее, считали они, было продемонстрировать международное признание Михайловича в качестве неоспоримого лидера югославского Сопротивления [21, р. 32].

29 ноября Михайловичу было направлено поздравление английского правительства по случаю благополучного исхода конфликта с партизанами. Что касается материальной помощи, то продолжение ее гарантировалось при условии «сохранения единого фронта всех патриотов Югославии под руководством полковника Михайловича» [21, р. 32].

Тем самым окончательно закреплялся выбор Михайловича в качестве выразителя интересов великосербских монархических кругов югославской эмиграции и британского военно-политического руководства. В декабре 1941 г. королевским указом Михайлович был произведен в генералы. На специально предназначенной для вещания на Балканы английской радиостанции в Иерусалиме ежедневно три передачи отводились для Югославии, причем исключительно в пользу эмигрантского правительства и четников [10, с. 88—89]. В конце того же месяца Симович был уведомлен о сосредоточении на Мальте значительного количества военных материалов и крупных денежных сумм для отправки в Югославию [6, с. 92]. В январе 1942 г. Михайлович был заочно введен в состав эмигрантского правительства. Отныне он стал обладателем титула министра армии, флота и авиации. Четники официально провозглашались «Югославской армией на Родине» [11, с. 177—181, 192].

Все это, несомненно, открывало перед английской политикой в отношении Югославии новые возможности. Взаимоотношения англичан с Михайловичем — законным министром правительства — участника антигитлеровской коалиции выходили теперь за рамки сотрудничества в сфере саботажа и диверсий на уровень межправительственных связей. Это, с другой стороны, накладывало на английское правительство особую ответ-

ственность за коллаборационистские тенденции в действиях Михайловича, а также возможные последствия этих действий для общекоалиционных задач антифашистских государств.

Ориентируясь на Михайловича, руководство СОЭ и Форин оффис занялись налаживанием стабильных связей со своими подопечными. Дело в том, что после выхода в эфир 5 декабря 1941 г. Михайлович прервал на время радиоконтакты с заграничным центром в связи с резко ухудшившейся обстановкой. Оказавшись в зоне крупных карательных акций оккупантов, Михайлович предпочел переждать тяжелые времена в труднодоступных районах Восточной Боснии, где он укрылся с небольшой группой своих приверженцев. Хадсон был брошен на произвол судьбы. Ему чудом удалось избежать плена. Всю зиму и начало весны 1942 г. он провел на грани голодной смерти, не имея возможности связаться со своим руководством [7, р. 146].

Как раз на это время — зиму 1941—1942 гг. пришелся пик «паблисити», организованного Михайловичу средствами массовой информации Англии и США. Органы буржуазной пропаганды приписывали заслуги антифашистского Сопротивления в Югославии исключительно Михайловичу и его четникам. Характеризуя размах югославского Сопротивления, лондонская «Таймс» писала, например, что под началом Михайловича сосредоточены крупные силы общей численностью до 80 тыс. человек [5, 1941 6 XII]. Хорошо известно, что именно так оценивались партизанские формирования под руководством КПЮ [26, с. 269]. Отряды же четников во второй половине 1941 г. насчитывали не более 10 тыс. чел. [15, с. 37].

Тогда, однако, не было возможности с фактами в руках публично опровергнуть передержки буржуазных пропагандистов. Миф о Михайловиче принимал гипертрофированные формы. Дошло до того, что по итогам одного из опросов в американской печати Михайлович наряду с генералом Д. Макартуром и советским маршалом С. К. Тимошенко был провозглашен одним из трех выдающихся военачальников антифашистской коалиции [27, с. 77—78]. Стремясь закрепить репутацию предводителя четников, великосербские монархические круги югославской эмиграции добились назначения Михайловича военным министром нового эмигрантского правительства, возглавленного бывшим университетским профессором С. Йовановичем.

Поражение немецко-фашистских войск под Москвой вынуждало английское правительство по-новому оценить возможные последствия массовых народно-освободительных движений в оккупированных странах, в том числе и в Югославии. Тем более, что самоотверженная борьба народов Югославии за национальное освобождение получала всестороннее освещение советскими средствами массовой информации. Это была серьезная моральная и политическая поддержка подлинных патриотов [6, с. 93—94]. Укреплялось боевое содружество тех сил в антифашистской коалиции, которые определяли ход борьбы с фашизмом, оставаясь за пределами досягаемости директив военного и дипломатического ведомств британской столицы.

Очевидная диспропорция между формально-бюрократической карьерой Михайловича и возможностями английского правительства реально измерить его вклад в Сопротивление, потребность закрепить свое влияние на ход и исход вооруженной борьбы в Югославии, обеспечить надежный контроль над развитием внутривосточных процессов в стране обусловили активизацию деятельности СОЭ и Форин оффис в этом направлении.

В конце января — начале февраля 1942 г. СОЭ направило в оккупированную Югославию три группы с целью установления дислокации основных сил четников и местонахождения Михайловича и Хадсона [7, р. 155]. По разным причинам этим группам не удалось выполнить поставленную задачу и до июня 1942 г. в Каире и Лондоне не располагали информацией от Хадсона [7, р. 149].

Это, однако, не мешало британским властям осуществлять многоплановую деятельность в поддержку Михайловича. В январе и апреле, после разовых радиоконтактов со штабом Михайловича, четникам были достав-

лены значительные денежные суммы, большое количество вооружения, боеприпасов, средств связи [10, с. 124, 126, 128—129].

В свою очередь эмигрантское югославское правительство не оставляло попыток воздействовать на СССР с целью укрепить международный престиж четников. В марте 1942 г. министр иностранных дел югославского правительства М. Нинчич заявил Майскому, что национально-освободительная война, возглавляемая коммунистами, была в сущности социальной революцией и вела к расколу общенационального Сопротивления. В апреле Йованович поручил дипломатическому представительству в СССР просить Советское правительство убедить партизан признать Михайловича, как это сделали французские коммунисты в отношении де Голля [10, с. 108—110]. Аналогичные шаги предприняло и английское правительство [28, с. 154].

Советский Союз не только отверг домогательства эмигрантского югославского правительства и его лондонских покровителей, но и опубликовал ряд материалов, избличавших коллаборационизм Михайловича [6, с. 100—102].

В июне — июле Хадсон передал в Каир большое количество радиogramм. В них говорилось о бездействии Михайловича, об уклонении от вооруженного сопротивления оккупантам. Указывались факты коллаборационизма четников. Характеризуя политические цели предводителя четников, Хадсон отмечал, что, уклоняясь от борьбы с захватчиками, Михайлович добивался политического лидерства в Югославии с однозначно выраженной пансербской направленностью [7, р. 149—150].

Мнение Хадсона во многих отношениях совпадало с общими представлениями английского военного командования о ситуации в югославском Сопротивлении. Свидетельства буржуазных историков Великобритании не оставляют сомнений на этот счет. Так, Э. Баркер утверждает, что ей удалось обнаружить в архивах Форин оффис совершенно секретный доклад британской военной разведки, в котором содержится подробнейший анализ боевых действий югославских партизан в 1941—1943 гг. Появление подобного обзора, делает вывод Баркер, было бы невозможно без регулярного поступления соответствующей информации из источника, независимого от СОЭ и Форин оффис [29, р. 237].

Таким образом, у начальника имперского генерального штаба Великобритании были, видимо, достаточно четкие представления об обстановке в Югославии, когда он указывал в меморандуме Черчиллю 2 июня 1942 г. на существование в этой стране эффективных сил Сопротивления, действовавших независимо от Михайловича. В меморандуме утверждалось, что тактика, применявшаяся партизанами, вынуждала «более умеренных противников стран оси» сотрудничать с оккупационно-квислинговскими властями на том лишь основании, что это способствовало сохранению «законности и порядка». Меморандум признавал решающую роль нечетнических сил в сковывании значительных контингентов оккупационных войск. Однако это тут же перекрывалось утверждением о целесообразности выжидательной тактики Михайловича в сочетании с попытками пресечь нежелательную активность партизан [30, р. 386].

В этой связи напрашивается вывод о том, что высшее военное командование Англии не столь уж последовательно стремилось к нанесению максимального военного ущерба державам «оси» на Балканах. И, стало быть, конфликт между ближайшими, стратегическими, целями Англии в бассейне Средиземного моря и долгосрочными, политическими, планами британских империалистов в отношении Югославии не сводился лишь к столкновению межведомственных приоритетов различных министерств. Указанное противоречие коренилось, как видно из упомянутого меморандума, в принципиальной несовместимости социально-классовых установок британской буржуазии на завершение войны политически приемлемым миром с общекоалиционными, более того, общегуманными задачами самого решительного и безусловного разгрома фашизма — военного, политического, идейного.

Весьма показательна в этом отношении и позиция Управления спе-

циальных операций. Уже упоминавшийся лорд Гленконнер писал в министерство иностранных дел в начале июля 1942 г., что «любая активность в Югославии должна быть отнесена на счет партизан, но, для общественного потребления, мы не видим вреда в том, чтобы определенное количество этих успехов приписывалось Михайловичу» [21, р. 28].

Примечательно, в этой связи, что когда в апреле 1942 г. СОЭ попросило Михайловича охарактеризовать руководство противостоящих ему партизанских сил, указать дислокацию их штабов, изложить свою точку зрения на существо конфликта между партизанами и четниками, ответа не последовало [7, р. 150, 205]. Видимо, Михайлович понимал, что даже поверхностные, а иных он просто не мог дать, разъяснения на этот счет, не способствовали бы увеличению престижа военного министра эмигрантского югославского правительства.

Между тем военно-политические реальности антифашистского Сопротивления в Югославии диктовали изменение курса Лондона в отношении этой страны. Летом 1942 г. становилось все труднее скрывать от международной общественности правду о событиях в Югославии. Громадную роль в этом сыграла позиция Советского Союза, активная работа созданного в Москве Всеславянского комитета [31, с. 10—12]. В начале августа Советское правительство обратило внимание эмигрантского югославского правительства на имевшиеся в его распоряжении неопровержимые доказательства сотрудничества четников с оккупантами. Копии этого документа были посланы правительствам Англии и США [6, с. 101].

Вопросы, связанные с дальнейшим осуществлением политики Англии в отношении Югославии, стали предметом специального рассмотрения в британском министерстве иностранных дел. 8 августа на состоявшемся там совещании обсуждались два важных документа. Первый был передан Идену советским послом Майским за день до этого. В нем содержался перечень фактов коллаборационизма четников. Второй документ оказался совершенно секретным донесением из неназванного до сих пор источника, подтверждавшим нечистую игру Михайловича [21, р. 33—34].

В дипломатическом ведомстве Англии с пониманием отнеслись к весьма сомнительным действиям военного министра эмигрантского югославского правительства. Отмечалось, что логика развития внутривосточной обстановки в Югославии неизбежно должна была привести к такому результату. Подчеркивалось, что если ближайшие задачи нанесения ударов по фашистам в Югославии требовали оказания поддержки партизанам, то с точки зрения долгосрочных интересов Англии следовало продолжать помогать Михайловичу, стараясь по мере возможности примирить его с партизанами [32, р. 287].

Сам факт вынужденного обсуждения ситуации, сложившейся в югославском Сопротивлении, равно как и резонанса, вызванного этим в межсоюзнических отношениях, свидетельствовал об изменении внешнеполитического фона, на котором развивалась политика Англии в отношении Югославии. Творцы этой политики не могли уклониться от решения давно назревших проблем. Впервые не ставился открыто вопрос о подчинении партизан Михайловичу. Речь шла лишь о примирении этих сил, что также было нелегким делом для британских покровителей четников в условиях всеобщего осознания разительного контраста между подлинным вкладом тех и других в борьбу с оккупантами.

Разумеется, в тот момент трудно было судить о последующем развитии глобальной военно-политической обстановки. На решающем участке битвы народов с фашизмом, советско-германском фронте, главные события были еще впереди. Одно было ясно — гитлеровский блицкриг провалился. Конечная победа антифашистской коалиции обретала весьма конкретные очертания.

Поток информации, стекавшей в Лондон из разных источников, с нарастающей убедительностью показывал узость, однобокость английского подхода к национально-освободительному движению в Югославии. 19 августа в Форин оффис поступил аналитический обзор сообщений прессы вражеских и нейтральных стран, а также конфиденциальной и сек-

ретной информации из кругов югославской эмиграции и других источников. В обзоре указывалось на пассивность четников и бессмысленность дальнейшего игнорирования партизан в условиях, когда об их борьбе знали в других странах [21, р. 33—34].

Тем не менее 20 августа Иден писал Майскому о нежелательности дальнейшей кампании против Михайловича, развернутой на страницах советской печати и использовавшей якобы необъективные и неточные сведения. Иден настаивал на «всеобъемлющей и искренней дискуссии по этому вопросу с Советским правительством» [32, р. 287].

Таким образом, английское правительство продолжало рассчитывать на сохранение Михайловичем, хотя бы номинально, статуса министра союзного правительства. А втягивание Советского Союза в переговоры по югославской проблеме привело бы, по крайней мере, к некоторому уменьшению потока разоблачительных публикаций в советской печати. Москва, однако, не пошла на теперь уже явно бесплодные дискуссии с британскими покровителями четников.

Между тем августовское обсуждение позиции Англии в югославском вопросе оказало все же влияние на отношение английского руководства к Михайловичу. В условиях разворачивавшейся грандиозной битвы на Волге, ширившегося день ото дня движения Сопротивления в оккупированной Европе, было по меньшей мере неразумно демонстративно поощрять бездеятельность четников.

Кроме того, осенью 1942 г. средиземноморская стратегия Лондона вступала в новую фазу. Известно, какое важное место в стратегии Англии во второй мировой войне отводилось разработке операций в бассейне Средиземного моря и особенно в его восточной части. «Именно здесь, — писал Черчилль, — находился стержень нашей будущей окончательной победы» [3, в. 3, р. 4].

В основе стратегического планирования боевых действий западных союзников против гитлеровской «цитадели» лежала идея стягивания кольца вокруг Европы, нанесения ударов по периферии оборонительных порядков держав «оси». Наиболее привлекательным Черчиллю представлялся удар в «мягкое подбрюшье» Европы, под коим разумелись Апеннинский и Балканский полуострова. Во время своего московского визита в августе 1942 г. британский премьер использовал графическое изображение крокодила, для того чтобы убедить советских руководителей в преимуществах нанесения удара по Германии в «мягкое подбрюшье» — из района Средиземного моря, заявив о готовности западных союзников ударить нацистского зверя по морде (в Северо-Западной Франции) [33, с. 251]. При этом Черчилль, увлеченный метафорами, как-то упустил из виду такое немаловажное обстоятельство, что в тот момент всей своей мощью военная машина третьего рейха была обращена против СССР. В этом положении нацистский «крокодил» и оставался до окончания своего коричневого века.

Подлинные мотивы, побуждавшие военно-политических деятелей Англии сосредоточить внимание на средиземноморском театре военных действий, лежали в сфере имперских, колониальных интересов британской монополистической буржуазии. В этой связи уместно напомнить слова Черчилля о важности данного региона для Англии. «Потеря Египта и Среднего Востока, — писал он в апреле 1941 г., — оказалась бы для нас величайшей катастрофой, уступающей по своему значению лишь успешному вторжению противника в метрополию и окончательному поражению Великобритании» [34, с. 529]. С этой точки зрения война с германо-итальянским блоком была для английских правящих кругов войной за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала.

Именно поэтому английские военные власти с такой настойчивостью осуществляли средиземноморскую стратегию. К осени 1942 г. Лондону удалось без особых помех со стороны американского союзника стянуть на средиземноморский театр военных действий значительные войска, боевую технику, снаряжение. На высшем уровне между Англией и США расхождений по вопросу приоритета средиземноморского театра военных дей-

ствий перед открытием второго фронта в Европе осенью 1942 г. не существовало. Еще в конце 1941 г. Ф. Рузвельт согласился с предложением англичан развернуть осенью 1942 г. боевые действия в Северо-Западной Африке, движимый причинами престижного и внутривосточного характера [35, с. 124].

Активизация вооруженной борьбы с оккупантами в Югославии во многом содействовала бы реализации североафриканской операции западных союзников, известной под кодовым наименованием «Торч». Руководствуясь этим, английский ближневосточное командование потребовало в сентябре 1942 г. от Михайловича организовать ряд диверсий на коммуникациях противника. Предводитель четников отказался сделать это, сославшись на недостаточную помощь со стороны англичан [7, р. 154]. «Тем самым, — считает профессор Дикин, — отношения с Михайловичем достигли пункта, который ... содержал элемент трагического фарса». [7, р. 154].

Иначе расценивали ситуацию в английском министерстве иностранных дел. Несмотря на очевидное нежелание четников активизировать вооруженную борьбу с оккупантами, Форин оффис по-прежнему делал ставку на Михайловича «из-за его потенциальной значимости, военной и политической, на заключительной стадии войны» [32, р. 288].

Незадолго до этого Хадсон, имевший возможность воочию наблюдать происходящие в Югославии события, сообщал о полном превосходстве партизанских сил в организованности перед четниками. Долгосрочные цели Михайловича характеризовались однозначно: в намерения последнего входило установить в стране после освобождения военную диктатуру [7, р. 152].

Английский буржуазный историк Л. Вудворд откровенно излагает причины, по которым бездеятельность четников благосклонно воспринималась в Лондоне. Их присутствие в стране позволяло, ни много ни мало, предотвратить распад Югославии после войны на «несколько советских республик, контролируемых русскими». Ввиду этого признавалось допустимым желание Михайловича «ликвидировать партизанских лидеров» и отсиживаться в безопасных местах, ожидая крупномасштабной высадки западных союзников на Балканах [32, р. 288].

Долгосрочные расчеты английского министерства иностранных дел подкреплялись стратегическим замыслом правительств Англии и США в отношении средиземноморского театра военных действий. Развернув в октябре — ноябре 1942 г. наступательные операции под Эль-Аламейном и в Северо-Западной Африке, англо-американские войска приступили к захвату плацдармов для нанесения дальнейших ударов в «мягкое подбрюшье» Европы. Об этом свидетельствует обмен телеграммами между Рузвельтом и Черчиллем, состоявшийся накануне контрнаступления советских войск под Сталинградом. 11 ноября Рузвельт, ободренный благоприятным развитием событий в Африке, предложил Черчиллю перенести наступательные действия англо-американских войск в Европу. При этом назывались Сардиния, Сицилия и Балканы [36, р. 278]. Черчилль полностью согласился с Рузвельтом. Вместо неотложных мероприятий по созданию второго фронта в Европе британский премьер вновь формулировал идею о нанесении удара по нацистской цитадели в «мягкое подбрюшье» Европы [35, с. 419].

Обмен упомянутыми посланиями между Рузвельтом и Черчиллем закреплял итало-балканскую направленность средиземноморской стратегии Англии и США. Полная занятость гитлеровской верхушки советско-германским фронтом давала англо-американскому руководству возможность перейти к практической реализации целей периферийной стратегии.

В оккупированной Югославии в том же месяце состоялась I сессия Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ). Это событие явилось итогом длительной и сложной борьбы народов Югославии за национальное освобождение и социальное обновление. Политические принципы, выработанные сессией АВНОЮ, подтверждение ведущей роли КПЮ в организации широких народных масс на борьбу с ок-

купантами создавали надежную основу для поступательного развития народно-освободительной борьбы и революции [37, с. 54—61]. Было положено начало процессу конституирования новой власти, новой Югославии.

Последовавшая вскоре победа Советской Армии под Сталинградом коренным образом меняла ход второй мировой войны, расставила окончательные акценты, в том числе и в английской политике по отношению к Югославии.

Подводя итог, можно сказать, что югославский вопрос во внешней политике Англии в период, предшествовавший коренному перелому во второй мировой войне, выявил глубокую противоречивость, двойственность позиции Лондона в подходе к решению фундаментальных проблем, стоявших перед антигитлеровской коалицией.

Географическое расположение Югославии на периферии нацистской цитадели как нельзя лучше соответствовало стратегической концепции непрямых действий, выдвигавшейся Лондоном в качестве альтернативы второму фронту в Европе. Широкий размах народно-освободительной войны ограничивал возможности держав «оси» маневрировать находившимися в Югославии дивизиями и тем более в ближневосточном направлении. Стратегическая близость ближневосточного плацдарма английских войск являлась серьезной предпосылкой «балканской» аргументации У. Черчилля при обсуждении планов ведения войны с Ф. Рузвельтом и И. В. Сталиным.

Развитие событий в Югославии шло вразрез с намерениями английских правящих кругов реставрировать монархию в освобожденной Югославии. Правительству Симовича — Йовановича не удалось поставить массовое вооруженное восстание под контроль приверженцев монархии. Более того, масштабность и бескомпромиссность народно-освободительной войны, развернувшейся в первые же месяцы оккупации, противоречили установкам эмигрантского правительства и его лондонских покровителей на выжидание благоприятного момента, постепенное накопление сил. Тотальная агрессивность, кровожадность фашизма, особенно в отношении славян, не оставляли народам Югославии иного выбора, кроме самой решительной борьбы с применением всех доступных средств.

Монархически настроенные группы Сопротивления не смогли сплотить вокруг себя широкие слои югославского общества. Английская политика в отношении Югославии наталкивалась на неразрешимое противоречие. Положение члена антигитлеровской коалиции, собственные потребности сугубо военного характера объективно вели к тесному сотрудничеству английского командования и югославских партизан, по крайней мере по оперативным вопросам. Но классовая предубежденность творцов английской политики, их подозрительное отношение к любым формам участия коммунистов в руководстве массовыми народными движениями обусловили ставку Лондона на четников Михайловича.

Вскрывшаяся уже на данном этапе военная несостоятельность четников, бьющий в глаза пансербский шовинизм их политической платформы препятствовали объединению вокруг них многих субъективно честных представителей буржуазно-монархических кругов как в самой Югославии, так и за ее пределами. Это резко сужало возможности английского руководства воздействовать на развитие обстановки в Югославии в желаемом для себя направлении. Перемены в английской политике по отношению к этой стране в канун коренного перелома во второй мировой войне стали практически неизбежными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков В. К. Мюнхенский стовор и балканские страны. М., 1978.
2. Howard M. The Mediterranean Strategy in the Second World War. London, 1968.
3. Churchill W. S. The Second World War, v. 3. London, 1950.
4. Энгельс Ф. Поражение пьемонтцев. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 6.
5. The Times, 1941.
6. Славин Г. М. Сотрудничество народов СССР и Югославии в борьбе против фашизма. — В кн.: Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость 1941—1945 гг. М., 1978.

7. *Deakin F. W.* The Embattled Mountain. London, 1971.
8. *Sweet-Escott B.* S.O.E. in the Balkans. — In: British Policy towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece. London, 1975.
9. *Marjanović J.* Ustanak i narodnooslobodilački pokret u Srbiji 1941. Beograd, 1963.
10. *Plenca D.* Medunarodni odnosi Jugoslavije u toku drugog svjetskog rata. Beograd, 1962.
11. *Marić M.* Kralj i vlada u emigraciji. Zagreb, 1966.
12. *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия (июнь 1941 — август 1942). М., 1967.
13. Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda, t. IX, knj. 1. Partijsko-politička dokumenata 1941—1942. Beograd, 1961.
14. *Brajković D.* La guerre de libération nationale en Yougoslavie (1941—1945). — In: European Resistance Mouvements 1939—1945. Oxford — London, 1960.
15. *Marjanović J.* Velika Britanija i narodnooslobodilački pokret u Jugoslaviji 1941—1945. Jugoslovenski istorijski časopis. 1963, № 2.
16. *Гибианский Л. Я.* Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной войны и борьба за окончательное утверждение новой Югославии. — В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1978.
17. *Đedićer V.* Novi Prilozi za biografiju Josipa Broza Tita, t. I. Zagreb, 1980.
18. *Clissold St.* Whirlwind. An Account of Marshal Tito's Rise to Power. London, 1949.
19. Документи о издајству Драже Михаловића, књ. I. Београд, 1945.
20. *Roberts W. R.* Tito, Mihailović and the Allies, 1941—1945. New Jersey, 1973.
21. *Barker E.* Some Factors in British Decision-Making over Yugoslavia 1941—1944. — In: British Policy towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece. London, 1975.
22. The Diaries of Sir Alexander Cadogan 1938—1945. New York, 1972.
23. *Земсков И.* О так называемом «разделе» Югославии на «сферы влияния». — Международная жизнь, 1958, № 8.
24. *Bailey S. W.* British Policy towards General Draza Mihailovic. — In: British Policy towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece. London, 1975.
25. Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda, t. I, knj. 1. Beograd, 1949.
26. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. Военно-исторический справочник. М., 1972.
27. *Nesović S.* Inostranstvo i nova Jugoslavija 1941—1945. Beograd — Ljubljana, 1964.
28. Международная жизнь, 1958, № 8.
29. British Policy towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece. London, 1975.
30. *Howard M.* Grand Strategy, v. IV. August 1942 — September 1943. London, 1972.
31. *Гибианский Л. Я., Зеленин В. В.* СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику (1941—1945). — Советское славяноведение, 1970, № 6.
32. *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War, v. 3. London, 1971.
33. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс: глазами очевидца. Т. 2. М., 1958.
34. *Батлер Дж.* Большая стратегия (сентябрь 1939 — июнь 1941). М., 1959.
35. *Мэтлофф Ф. и Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг. М., 1955.
36. Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. London, 1975.
37. Прво и Друго заседање Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије (26 и 27 новембра 1942; 29 и 30 новембра 1943). По стенографским белешкама и другим изворима. Београд, 1953.

КОПАШЕВА М. И.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СССР И ЧЕХОСЛОВАКИИ В СЕРЕДИНЕ 30-х ГОДОВ

После нормализации межгосударственных отношений в июне 1934 г. и заключения союзного договора с Чехословацкой Республикой от 16 мая 1935 г. СССР последовательно стремился к расширению и углублению дипломатических, общественно-политических, экономических, научных и культурных связей между двумя странами. Важной предпосылкой для этого явилось подписание в том же году консульской конвенции [1, с. 196—204], торгового договора [1, с. 81—94], соглашений — о кредите [1, с. 129—133], об открытии регулярного воздушного сообщения между Москвой и Прагой [1, с. 117—122], о почтовых отправлениях и т. д.

Проводимая СССР политика сохранения мира и его борьба за создание системы коллективной безопасности в Европе в обстановке роста агрессивности германского фашизма отвечала общедемократическим интересам защиты мира и прогресса. Генеральный секретарь ЦК КПЧ К. Готвальд в статье «Миролюбивая политика Советского Союза» отмечал, что эта политика полностью совпадает с интересами рабочего класса и всех трудящихся капиталистических стран, совпадает с интересами малых народов и государств, существованию которых угрожает фашистская экспансия, совпадает с интересами буржуазных государств, заинтересованных в сохранении мира [2]. К числу этих государств относилась и Чехословакия, которая являлась ближайшим среди центральноевропейских стран возможным объектом агрессивных устремлений фашистской Германии.

В середине 30-х годов КПЧ выступила с программой защиты республики от фашистской угрозы на основе широкого народного фронта борьбы за целостность и национальную независимость страны в союзе с СССР. Основопологающим тезисом в документах Компартии стал тезис о единстве национальных и интернациональных интересов рабочего класса, всех трудящихся, народов СССР и Чехословакии в антифашистской борьбе, борьбе за мир, демократию и социализм.

После установления новых, союзнических отношений между СССР и Чехословакией перед КПЧ встали новые задачи движения за укрепление дружбы с Советской страной, за соблюдение договора о взаимопомощи. В день подписания этого договора КПЧ заявила о своей полной поддержке чехословацкой внешней политики, направленной на упрочение сотрудничества с СССР. Одновременно подчеркивалось, что правящая чехословацкая буржуазия, вынужденная под давлением обстоятельств изменить свое враждебное отношение к Советской стране, — не надежный союзник социалистического государства. Подлинным гарантом дружбы между народами СССР и Чехословакией могут быть только трудящиеся, единый фронт рабочего класса [3, 16 V]. ЦК КПЧ неоднократно обращался к руководствам Чехословацкой социал-демократической рабочей партии и

Чехословацкой национально-социалистической партии с предложениями организовать совместные выступления в поддержку проводимой СССР политики мира, за последовательное соблюдение договора о взаимопомощи между двумя странами [1, с. 33—35; 3; 30 V].

Однако правые социалистические лидеры отвергли эти предложения, аргументируя свой отказ тем, что участие социалистов в правительственной коалиции само по себе якобы является гарантией верности Чехословацкой Республики политике коллективной безопасности и сотрудничества с СССР. Более того, после установления нормальных дипломатических отношений с СССР они вслед за буржуазными политиками пытались обвинить чехословацких коммунистов в том, что их классовая борьба против собственной буржуазии подрывает силу чехословацкого государства — союзника СССР, а это якобы противоречит советской мирной политике [4]. Разъясняя позицию КПЧ и внешнеполитический курс Советского Союза, Ю. Фучик писал, что первой ступенью злоупотребления «дружбой» с СССР был тезис «Коммунисты против Москвы». Второй ступенью новой антикоммунистической кампании в Чехословакии стал лозунг «Москва не помышляет о мировой революции» [5]. С обстоятельной критикой словацкой буржуазной и правой социалистической печати, извращавшей сущность внешней политики СССР, выступил В. Клементис [6].

Разоблачая лицемерие буржуазной и реформистской пропаганды в вопросе советско-чехословацких отношений, КПЧ отмечала, что вопреки официальному новому внешнеполитическому курсу в Чехословацкой Республике при попустительстве лидеров социалистических партий продолжались преследования за проявление симпатий к СССР. Печать коммунистов приводила факты о попытках властей сохранить цензурные и иные административные меры, препятствующие распространению правдивой информации о социалистическом строительстве в Советской стране и ее миролюбивой внешней политике.

Организуя в союзе с СССР борьбу за сплочение всех антифашистских и патриотических сил против угрозы германского фашизма, Компартия не сразу оценила значение идеи славянской взаимности в качестве мобилизующего фактора. Настороженное отношение КПЧ к этой идее объяснялось тем, что в недавнем прошлом, в двадцатые годы, чехословацкая буржуазия выдвигала различные «славянские программы», имевшие антисоветскую направленность [7]. Буржуазные деятели различных политических направлений от национального демократа К. Крамаржа и агрария М. Годжи до Т. Г. Масарика и Э. Бенеша использовали «славянскую идею» и «славянскую политику» в целях борьбы против признания Советского Союза. Особенно активную деятельность в этом плане вели национальные демократы, которые издавали реакционные русофильские журналы и организовывали различные «славянские» комитеты и общества антисоветской направленности. Их идеолог К. Крамарж назвал акт признания СССР Чехословакией «предательством славянства». Правая чехословацкая печать широко цитировала это заявление в комментариях по поводу нормализации дипломатических отношений с Советским Союзом [8]. Газета «Руде право» справедливо отмечала тогда, что симпатии пролетариата Чехословакии к трудящимся СССР исходят прежде всего из классовой солидарности [9].

Руководители чехословацкой дипломатии Т. Г. Масарик и Э. Бенеш использовали «славянскую идею» в интересах своей внешнеполитической концепции. В работе «Проблемы славянской политики» (1926) Э. Бенеш стремился доказать, что ни в настоящем, ни в будущем Советская Россия не будет интересоваться судьбами славянских народов Центральной Европы и Балкан, несмотря на традиционные чувства любви и уважения чехов и словаков к русскому народу [10]. Впоследствии Э. Бенеш признавал, что вся прежняя официальная «славянская политика» была идеологически враждебна коммунизму и советской системе», что только после 1934 г. «славянские проблемы вошли в рамки борьбы против фашизма и нацизма» [11].

Коммунистическая партия Чехословакии совершенно обоснованно критиковала «славянские программы» буржуазных политических группировок и национализм правящей чешской буржуазии. Коммунисты Чехословацкой Республики всегда отмечали, что Советский Союз является прежде всего социалистическим многонациональным государством, которое служит примером для других народов. Еще в 20-е годы в полемике с буржуазными славянофилами З. Неядлы писал, что идеал славянских народов «воплощен в Союзе Советских Социалистических Республик, который создан на основе подлинного равноправия и сотрудничества всех его членов, что оказалось возможным только благодаря его социалистическому, а не капиталистическому устройству» [12, с. 60, 71]. Именно в таком сотрудничестве З. Неядлы видел «подлинную славянскую политику». Идею славянской взаимности он интерпретировал в духе международной солидарности трудящихся.

В общественном сознании народов Чехословакии идея славянской взаимности имела демократическое содержание. В 30-е годы, в обстановке нарастающей угрозы агрессии со стороны фашистской Германии значительная часть чешских и словацких трудящихся видела в Советском Союзе, в «славянской России», как его еще часто называли в Чехословакии, государство крупнейшего славянского народа, страну трех славянских наций, которая поможет отстоять государственный суверенитет и независимость народов Чехословацкой Республики.

Советская внешняя политика, важнейшим принципом которой является пролетарский интернационализм, выражала дружеские чувства, которые испытывали народы СССР к Чехословакии. Дружественное отношение Советского правительства к народам Чехословацкой Республики подчеркивали представители СССР в ходе переговоров об установлении дипломатических отношений между двумя странами и по поводу подписания советско-чехословацкого договора о взаимопомощи [1, с. 36—38; 13, 17 V; 14]. В печати и в выступлениях руководящих деятелей Советского государства отмечался и «славянский аспект» во взаимоотношениях народов двух стран. Так, о чувстве славянской взаимности, связывавшем крупнейшие нации Советского Союза и Чехословакии, говорилось в выступлениях наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова на приеме делегации чехословацких журналистов, посетившей Советский Союз в конце 1934 — начале 1935 г. [13, 5 I]. Как подчеркивали чехословацкие журналисты, наибольшее впечатление на них произвело то, что «внешняя политика Советского Союза безраздельно поддерживается всем общественным мнением страны» [13, 17 I]. В связи с заключением союзнического договора в «Известиях» была опубликована передовая статья о традиционных дружественных связях между Россией и Чехословакией. Газета писала, что Советский Союз, в состав которого входит много неславянских народов, опирается на международную солидарность трудящихся. Но поскольку германский фашизм создает угрозу существованию славянских народов, СССР, «не занимаясь никакими панславистскими маскарадами, не скрывает, что считает оборону славянских народов, находящихся под угрозой агрессии, не менее обоснованной и заслуживающей поддержки, чем оборону Франции» [13, 18 V].

Важную роль в укреплении и развитии дружественных отношений между народами двух стран играли Всесоюзное общество по культурным связям с заграницей (ВОКС) и чехословацкие общественные организации, объединявшие на внепартийной основе друзей Советской страны — Общество культурных и экономических связей с СССР и Союз друзей СССР.

Чехословакия занимала второе место после Франции в деятельности ВОКС. С началом нового этапа в развитии взаимоотношений двух стран быстро расширялся круг переписки ВОКС с общественными организациями, культурными и научными учреждениями Чехословакии, а также с отдельными лицами. Если в 1933 г. ВОКС состоял в переписке с 20 учреждениями и лицами, то в 1934 г. их число составляло 40, а в первые месяцы 1935 г. возросло до 76 [1, с. 162]. В 1936 г. ВОКС поддерживал постоянную переписку более чем со 100 корреспондентами [15, д. 658,

л. 76, 77]. При содействии ВОКС и Союза друзей СССР в этот период Советский Союз посетили делегации чехословацких писателей, театральных деятелей, педагогов, инженеров, врачей, работников социального страхования. По приглашению ВЦСПС в СССР приезжали организованные Союзом друзей СССР делегации чехословацкого рабочего класса. Традиционными стали поездки представителей трудящихся на Первомайские и Октябрьские торжества в СССР.

Событием в общественной и культурной жизни СССР явилось участие зарубежных гостей, в том числе делегации писателей Чехословакии, в состав которой входили Л. Новомеский, В. Незвал, П. Илемницкий, Ф. Ц. Вайскоф, Г. Вчеличка и др., в работе Первого Всесоюзного съезда писателей в августе 1934 г. Советская печать и радио уделяли много внимания чехословацким литераторам, которые встречались с М. Горьким, другими советскими писателями, с трудящимися Москвы.

КПЧ широко пропагандировала материалы съезда, имевшего большое международное значение; его работу в коммунистической печати Чехословакии освещали Ю. Фучик и Л. Лингарт. Широкий отклик в ЧСР получила развернувшаяся на съезде дискуссия о социалистическом реализме [16]. По возвращении на родину члены делегации участвовали вместе с чехословацкими театральными деятелями, приезжавшими на Второй Московский театральный фестиваль (сентябрь 1934 г.), в подготовке специального номера литературно-художественного журнала «Доба», посвященного советской культуре [17].

Чехословацкие режиссеры и актеры посещали и последующие театральные фестивали в СССР. Важным результатом поездок чехословацких театральных деятелей в СССР явилось существенное пополнение репертуара ряда театров ЧСР советскими пьесами. В середине 30-х годов в Чехословакии шли пьесы А. Афиногенова, Вс. Вишневского, В. Каверина, В. Катаева, А. Корнейчука, Н. Погодина. Вс. Вишневский и А. Корнейчук приезжали в 1936 г. в Оломоуц и в Прагу на премьеры своих пьес «Оптимистическая трагедия» и «Платон Кречет». Представление «Оптимистической трагедии» в постановке оломоуцкого театра под руководством режиссера О. Стибора на пражской сцене, состоявшееся 4—5 апреля 1936 г., вызвало оживленные отклики в печати различных политических направлений. Большой интерес, проявленный пражанами к этому спектаклю, и симпатии демократической общественности к отображенным в пьесе революционным событиям в России умерили тон выступлений буржуазной печати [18]. Однако отрицательная реакция правых помешала самостоятельной постановке «Оптимистической трагедии» на столичной сцене.

Советскую драматургию широко пропагандировал Союз рабочих любительских театров Чехословакии, на сценах которых в 30-е годы шло около 30 пьес советских авторов: М. Горького, М. Шолохова, А. Серафимовича, Н. Погодина, А. Афиногенова и др. В честь Горького Союз рабочих любительских театров осуществил в августе 1936 г. постановку «Мещан», над которой взяли шефство 49 заводских комитетов пражских предприятий [19, 31 VII].

Расширению контактов и улучшению взаимопонимания общественности двух стран способствовала поездка делегации советских писателей и журналистов в Чехословакию в октябре 1935 г. В нее входили А. Толстой, А. Фадеев, А. Караваева, Я. Купала, М. Кольцов, С. Третьяков, корреспонденты газет «Правда», «Известия», «Литературная газета», «За индустриализацию», «Вести» и ТАСС. Члены делегации посетили Прагу, Брно, Братиславу, Пльзень, Оставу и другие города, встречались с политическими и общественными деятелями, с работниками культуры. Прогрессивная общественность Чехословакии проявила огромный интерес к советским представителям. При подведении первых итогов поездки в связи с отъездом на родину руководитель делегации М. Кольцов отметил, что наибольшее впечатление на советских писателей и журналистов произвело «большое и неподдельное дружеское чувство, с которым чехословацкий народ относится к народам Советского Союза» [13, 21 X]. Советская

печатать, придавая важное политическое значение этому визиту, регулярно публиковала подробную информацию о нем. После возвращения члены делегации выступили с многочисленными статьями и лекциями, в которых знакомили советских людей с жизнью Чехословацкой республики.

Большой общественный интерес представляла также поездка в Чехословакию поэтов А. Безыменского, И. Сельвинского, В. Луговского и С. Кирсанова, состоявшаяся в конце ноября 1935 г. Чехословацкая миссия в Москве сообщила МИД ЧСР о выступлении А. Безыменского с докладом о Чехословакии на вечере, устроенном Союзом советских писателей 6 февраля 1936 г. в Политехническом музее в Москве. При этом отмечалось, что огромная аудитория, в основном молодежная, с большим одобрением встретила заявление советского поэта о том, что чехословацкий народ намерен всеми силами защищать свою свободу и что Красная Армия поможет ему в этой борьбе [20].

Поездкам в Чехословакию советских поэтов, писателей и журналистов в 1935 г. был посвящен специальный номер журнала «За рубежом», рассказывавший об общественно-политической и культурной жизни дружественной страны. В передовой статье этого номера говорилось, что при его подготовке редакция руководствовалась стремлением удовлетворить повышенный интерес советской общественности к Чехословацкой республике [21]. На его страницах в числе других материалов были напечатаны статья В. Копецкого о чехословацком рабочем движении, статьи и очерки о литературе и искусстве ЧСР, о советско-чехословацком культурном обмене, отрывки из произведений чехословацких писателей.

Поездки советских писателей в Чехословакию способствовали активизации работы по подготовке издания произведений советских авторов в Чехословакии и чехословацких — в СССР. После возвращения из ЧСР писатель С. Третьяков возглавил работу по переводу и публикации избранных стихотворений В. Незвала. В середине 30-х годов в Советском Союзе были изданы произведения П. Илемницкого, К. Конрада, К. Чапека, классиков XIX в. Я. Неруды и К. Я. Эрбена. Переиздавались произведения Я. Гашека и И. Ольбрахта.

Важную роль в пропаганде в Чехословакии достижений социалистического строительства в СССР и духовных ценностей советского общества сыграли организованные Обществом культурных и экономических связей с СССР и Союзом друзей СССР Дни советской культуры, приуроченные к 18-й годовщине Великого Октября. В течение ноября 1935 г. в крупнейших культурных центрах Чехословакии Праге, Братиславе, Брно, Оломоуце и Либерце проходили концерты советской музыки, звучали произведения Д. Шостаковича, С. Прокофьева, И. Дзержинского, демонстрировались советские кинофильмы, состоялись театральные представления советских пьес. С лекциями о культурном строительстве в СССР выступали деятели культуры Чехословакии, посетившие Советский Союз. В проведении этого мероприятия принимали участие социал-демократическая просветительная организация «Рабочая академия» и ее журнал «Освета», студенческие общества, творческие объединения писателей и художников, местные культурно-просветительные организации.

В середине 30-х годов в Чехословакии широкой популярностью пользовались переводы произведений советской литературы. В 1935 г. были опубликованы «Поднятая целина» и «Тихий Дон» (первые две книги) М. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Чапаев» Д. Фурманова, «Бруски» Ф. Панферова, «Время, вперед» В. Катаева. Результаты опроса общественного мнения свидетельствовали, что особый успех выпал на долю романов Шолохова [15, д. 623, л. 81]. Советская литература, отражавшая жизнь общества, строящего социализм, играла важную идейно-воспитательную роль.

Знакомство с советской культурой способствовало лучшему пониманию нового социалистического общества, усиливало интерес прогрессивной общественности Чехословакии к Советской стране. Одним из проявлений этого интереса можно считать увеличение числа туристических поездок из Чехословакии в СССР. В 1935 г. состоялось 17 групповых

поездок в Советский Союз по линии ВОКС [15, д. 656, л. 4]. В 1936 г. СССР посетило 358 чехословацких туристов (в 1935 г. — 228) [15, д. 660, л. 18, 19]. В отчете ВОКС за 1936 г. отмечалось, что причины роста туризма «следует искать в культурно-политической тяге широких слоев интеллигенции к СССР» [15, д. 660, л. 18].

Среди демократической общественности Чехословакии, выступавшей за укрепление дружественных отношений с СССР, были учителя. В начале апреля 1936 г. в ВОКС поступило письмо от Союза чехословацких учителей, в котором говорилось, что крупнейшие в Чехословацкой Республике организации педагогов — Союз и Чехословацкое общество учителей — стремятся установить тесные связи с советскими коллегами и распространять правдивую информацию об СССР [1, с. 241—242]. С этой целью педагогическая секция Общества культурных и экономических связей с СССР организовала в 1936 г. поездку в Советский Союз двух групп педагогов из 70 человек. Первую из них возглавлял доцент Карлова университета В. Пршигода, вторую — секретарь педагогической секции Общества учителей К. Гануш. Обе группы побывали в Ленинграде, Москве, Киеве, Харькове, в Одессе, на Днепрогэсе и в Крыму. Во время поездки по Советскому Союзу педагоги из разных городов Чехословакии встречались с советскими учителями, знакомились с постановкой народного образования в СССР, интересовались условиями труда и жизни советских людей, хозяйственным и культурным строительством в СССР, решением национального вопроса и т. д. [15, д. 660, л. 24, 25]. Ознакомление с советской действительностью и результатами созидательного труда народов Советской страны усилили их доверие к СССР как союзнику Чехословацкой республики [19, 22 IV; 22, № 3].

В 1935—1936 гг. сотрудничество с чехословацкими общественными и культурными организациями устанавливают Союз советских писателей, Союз советских композиторов, Всесоюзный радиокомитет, Всесоюзный комитет по делам искусств, другие советские организации и учреждения. Так, Союз советских композиторов установил в 1936 г. тесные связи с музыкальной секцией Общества культурных и экономических связей с СССР. Результатом этого явилось проведение в 1937 г. таких мероприятий, как постановка оперы Б. Сметаны «Проданная невеста» в Киеве (январь) и в Ленинграде (май), гастрольная поездка группы чехословацких музыкантов, приуроченная к киевской премьере этого спектакля, а также постановка оперы И. Дзержинского «Тихий Дон» в Брно (январь).

Постановка чешской национальной оперы в Киевском академическом театре оперы и балета УССР и ленинградском Малом оперном театре явилась событием большого общественного значения. А. Толстой, принимавший участие вместе с Ф. Кубкой в переработке либретто оперы для ее постановки на советской сцене, подчеркнул в беседе с корреспондентом «Известий» по поводу ленинградской премьеры, что этот спектакль служит цели укрепления дружественных отношений между народами Советского Союза и Чехословацкой Республики, совместно борющихся против войны, за мир [23]. Общественно-политическое значение постановки оперы Б. Сметаны в СССР отмечал Э. Неудлы [1, с. 297—299; 24, № 10].

Впервые в 1937 г. была организована в Москве и Ленинграде выставка изобразительного искусства Чехословакии, на которой экспонировалось более 150 произведений, в том числе работы М. Швабинского, В. Седлачека, А. Славичека, Я. Славичека, И. Лады, В. Маковского, В. Рабаса, М. Бенки, Э. Филлы, Я. Шгурсы, О. Шпаниела, К. Покорного и других известных мастеров. Советская печать и чехословацкие организаторы выставки отмечали ее большой успех среди широких масс населения [26]. Советская публика восхищалась искусством чешского и словацкого народов и выражала свои симпатии их антифашистской борьбе [27]. Подготовка и проведение этой выставки способствовали расширению и укреплению связей между советскими и чехословацкими творческими союзами. Члены Общества художников «Манес» неоднократно посещали СССР и знакомились с советским изобразительным искусством. Весной 1937 г. иностранными членами-корреспондентами этого крупнейшего

художественного союза в Чехословакии были избраны М. В. Куприянов, П. Н. Крылов и Н. А. Соколов (Кукрышныксы) [15, д. 724, л. 123]. Члены чехословацкого Союза архитекторов проф. Академии изобразительных искусств Й. Гочар и проф. Художественно-промышленной школы в Праге П. Янак участвовали по приглашению Союза архитекторов СССР в Первом Всесоюзном съезде архитекторов, состоявшемся в июне 1937 г. в Москве [25, ф. 674, оп. 2, д. 22, л. 149, 150, 209].

Крупным событием общественно-политического значения явились Пушкинские дни в Чехословакии в 1937 г., вылившиеся в манифестацию в защиту мира и культуры от фашизма. «Руде право» писала в связи со 100-летием со дня гибели великого русского поэта: «Пушкин — поэт свободы, вольности, социальной справедливости и мира между народами, был бунтарем, и его произведения кажутся бунтарскими всем, кто ненавидит культуру. Тем сильнее звучат эти стихи в сердцах тех, кто любит культуру и видит в ней мощное оружие против фашизма» [28].

По инициативе прогрессивной общественности в ряде крупных городов Чехословакии летом и осенью 1936 г. были созданы пушкинские комитеты. В деятельности комитета в Брно участвовали, например, брненское отделение Общества культурных и экономических связей с СССР, университет, консерватория, Земский театр, работники радио, творческие союзы деятелей литературы и искусства, культурно-просветительные общества Моравии и Силезии [15, д. 722, л. 8]. 23 организации были представлены в Пльзенском комитете, около 30 — в Пражском и т. д. [15, д. 694, л. 53]. Организаторы пушкинских комитетов отвергли попытки русских белоэмигрантов участвовать вместе с прогрессивной чехословацкой общественностью в пушкинских торжествах [22, № 3; № 4]. Комитеты сотрудничали с ВОКС в подготовке выставок, вечеров и других мероприятий, посвященных творчеству А. С. Пушкина. По их просьбам ВОКС присылал советские издания пушкинских произведений, ноты, литературу о жизни и творчестве поэта, информационные материалы Всесоюзного Пушкинского комитета [15, д. 694, л. 68, 126; д. 721, л. 83; д. 722, л. 4, 9, 10; 25, ф. 2077, оп. 1, д. 14, л. 9, 18, 21, 22, 39—41, 52]. Советская печать отмечала широкие масштабы проведения Пушкинских дней в Чехословакии.

Укрепление дружественных отношений и взаимопонимания народов СССР и Чехословакии, антифашистская направленность расширяющихся на протяжении 1934—1937 гг. их культурных связей встречали сопротивление со стороны крайне правых сил, выступавших за сближение с фашистской Германией. Реакцией правых на распространение в Чехословакии произведений русских и советских авторов явилось запрещение пьесы А. Корнейчука «Гибель эскадры», премьеры которой состоялась 3 февраля 1937 г. в Городском театре на Виноградах. З. Неедлы отмечал в связи с этим: «Пьеса запрещена потому, что она хорошо сыграна и восторженно принята зрителем» [24, № 1].

Организуя и направляя деятельность Общества культурных и экономических связей с СССР, его бессменный председатель З. Неедлы постоянно подчеркивал, что глубокое и правдивое изучение Советского Союза и тесное сближение с ним способствует не только укреплению нового социалистического строя, но и прогрессивному общественному развитию самой Чехословацкой Республики, способствует борьбе за социалистическую ориентацию ее общества [12, с. 312]. Общество культурных и экономических связей с СССР имело сравнительно небольшое число индивидуальных членов¹. Однако его влияние среди прогрессивной общественности было велико. В деятельности Общества участвовали коллективы крупнейших театров Чехословакии, работники радио, творческие союзы деятелей литературы и искусства, профессиональные объединения педагогов, врачей, инженеров, просветительные организации социал-демократов и национальных социалистов, прогрессивная молодежь. Пропаган-

¹ По данным отчетов Общества, в Праге это число составляло на 31 декабря 1934 г. 308 человек, на 31 декабря 1935 г. — 514, на 31 декабря 1936 г. — 677. К началу 1936 г. его отделения насчитывали: в Брно — 145 членов, Братиславе — 35, Кладно — 50, Оломоуце — 35, Колине — 50, Угерском Броде — 40 и т. д.

дистская деятельность Общества, его активная лекционная и печатная пропаганда оказывали влияние на взгляды интеллигенции и других непролетарских слоев. Оценивая деятельность Общества культурных и экономических связей с СССР, народный деятель культуры Чехословакии архитектор И. Крога писал много лет спустя, что в определенном смысле ее можно сравнить с усилиями будителей эпохи чешского и словацкого национального возрождения. «Однако если в XVIII в. пробуждалось национальное самосознание нашего народа, — отмечал Крога, — то борьба за правду о Советской стране пробуждала нас к жизни еще более высокого порядка, готовила наш чешский и словацкий народы к пониманию высших целей современного человеческого бытия, учила нас пониманию социализма, учила нас быть народом социалистическим» [29].

Социальную базу Союза друзей СССР в Чехословакии, насчитывавшего в ноябре 1936 г. 38 927 индивидуальных и 233 921 человек коллективных членов [30], составляли рабочие (70%), интеллигенция и средние слои (30%). По политической принадлежности 25% его членов являлись коммунистами, 40% — социал-демократами и национальными социалистами, 35% — членами других политических партий и беспартийными. Сразу же после возобновления его деятельности в сентябре 1934 г. Союз друзей СССР развернул широкую агитационно-пропагандистскую работу в массах. Одной из основных и эффективных форм его работы, как и Общества культурных и экономических связей с СССР, была лекционная пропаганда. Общественные собрания и вечера, на которых устраивались лекции Союза друзей СССР, посещали сотни людей [31, № 1]. Ежемесячно по стране организовывалось по сто и более лекций о Советском Союзе, с которыми выступали Б. Шмераль, Б. Врбенский, З. Неядлы, другие видные деятели Коммунистической партии, представители демократических и антифашистских сил. Ни одна общественная организация не привлекала к своим мероприятиям такого числа участников, как собрания Союза друзей СССР.

Важное значение Союз придавал организации поездок трудящихся в СССР. Самой представительной из всех прежде посещавших СССР была рабочая делегация, приезжавшая по приглашению ВЦСПС на первомайские празднества 1935 г. В состав этой делегации, возглавлявшейся председателем Союза друзей СССР Б. Врбенским, входили коммунисты, социал-демократы, национальные социалисты, члены чехословацкой народной партии, рабочие всех национальностей Чехословакии. Ее члены избирались крупнейшими в Чехословакии профсоюзными организациями рабочих горняков, металлистов, химиков, текстильщиков и железнодорожников [1, с. 104—105, 126—129]. Чехословацкие делегаты в числе других зарубежных гостей были приняты председателем ЦИК СССР М. И. Калинин. Затем они разделились на две группы, одна из которых побывала на Украине, а другая — на Урале и в Сибири. В поездке чехословацких трудящихся по стране сопровождал Ю. Фучик, который писал о ней репортажи в «Руде право» и журнал Союза друзей СССР «Свет Совету». Участники этой и последующих групп выступали у себя на родине с сообщениями о жизни Советской страны. Так, словацкий социал-демократ М. Волахович, приезжавший в СССР в ноябре 1935 г., рассказывая о своих впечатлениях об СССР заявил, что «в Советскую Россию следует поехать тем, кто потерял веру в возможность социализма, чтобы они своими глазами убедились в достижениях Советского Союза» [32; 31, № 4].

При организации делегаций в СССР Союз друзей всегда придерживался правила, чтобы их участники избирались самими рабочими на массовых заводских собраниях и на заседаниях своих профсоюзных организаций. При этом соблюдался принцип представительства различных политических партий. На это обстоятельство обращали особое внимание органы власти, отмечая в своих документах, что делегации Союза друзей СССР формируются на основе принципа единого рабочего фронта [33, РР42/1935, S. 53/54/195, крав. 763].

Поездки представителей чехословацких трудящихся в Советскую

страну способствовали укреплению и расширению дружеских контактов рабочего класса двух стран. Наиболее распространенной формой их интернациональных связей была переписка. В 30-х годах постоянную переписку поддерживали между собой рабочие коллективы металлистов, текстильщиков, химиков, кожевников. Особенно интенсивно сотрудничал с зарубежными рабочими коллективами московский завод «Фрезер», осуществляя, в частности, переписку с пльзеньским заводом «Шкода» и Витковицким металлургическим заводом в Остраве [34]. Успешный опыт интернациональных связей завода «Фрезер» отмечался в письме генерального секретаря красных профсоюзов Чехословакии А. Запотоцкого и члена ЦК КПЧ В. Копецкого генеральному секретарю ВЦСПС Н. М. Швернику, в котором содержались предложения о расширении взаимоотношений профсоюзных организаций и заводских коллективов двух стран в свете решений VII конгресса Коминтерна [35]. Именно на «Фрезер» приезжали на митинг интернациональной солидарности делегаты VII конгресса Коминтерна от Коммунистической партии Чехословакии, которые несколько ранее выразили фрезеровцам свою благодарность за прочные дружеские отношения с чехословацкими рабочими в приветственном письме, подписанном К. Готвальдом, В. Копецким, Ю. Фучиком и другими членами делегации [1, с. 170—172].

По инициативе КПЧ в сентябре 1935 г. в СССР приезжала делегация чехословацких кооператоров. Организация этой поездки в СССР сопровождалась широкой разъяснительной кампанией по разоблачению лжи и клеветы о советской кооперации, распространявшейся реформистскими деятелями кооперативного движения, охватывавшего значительные массы рабочего класса Чехословакии [33, РР1931—40, Р87/22, с. 14417, таб. 217]. В состав делегации кооператоров входили четыре коммуниста, два национальных социалиста, два социал-демократа и четверо беспартийных, избранных на собраниях местных организаций рабочих потребительских кооперативов из всех областей страны. Ее возглавлял председатель крупнейшего рабочего кооператива «Вчела» коммунист А. Змргал. В течение четырех недель, проведенных в СССР, чехословацкие гости посетили Москву, Ленинград, Киев, Ростов, Харьков, Мелитополь и Днепродзержинск. В письме президиуму Центросоюза о своих впечатлениях участники поездки отмечали, что они внимательно изучали не только кооперативное движение СССР, но также и само дело строительства социализма [1, с. 183—184].

Во время пребывания в Москве кооператоры из ЧСР были приняты 13 сентября 1935 г. в Секретариате Исполкома Коммунистического Интернационала, где имели беседу с К. Готвальдом [3, 17 IX; 36]. Готвальд отметил, что их пожелание посетить Секретариат Коминтерна свидетельствует об интересе в Чехословакии к VII конгрессу Коминтерна и проблемам народного фронта. В заключение встречи делегаты от национальных социалистов заявили, что в результате посещения Советского Союза и разговора с К. Готвальдом они изменили свою точку зрения о единстве рабочего класса, высказавшись за сотрудничество с коммунистами [3, 17 IX].

Между тем руководители социалистических партий по-прежнему занимали отрицательную позицию в отношении единства действий с КПЧ, а затем и в отношении Союза друзей СССР. Отказ реформистских лидеров от сотрудничества с коммунистами в деле укрепления и расширения дружественных контактов с общественностью Советской страны проявился при организации Союзом друзей мероприятий Недели дружбы между Чехословацкой Республикой и СССР в связи с 18-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Дни дружбы с СССР были успешно проведены в 1935 г. во Франции, Англии, Голландии, Канаде, Бельгии, Швейцарии и других странах. Первоначально Чехословацкая социал-демократическая рабочая партия и Чехословацкая национально-социалистическая партия поддержали предложение Союза друзей СССР о совместном проведении в общегосударственном масштабе Недели дружбы с СССР и ее главного мероприятия — Конгресса чехословацко-

советской дружбы, обусловив, однако, участие своих организаций соглашением тогдашнего министра иностранных дел Э. Бенеша. Неоднократные их провокации с окончательным ответом вынуждали ЦК Союза друзей СССР несколько раз переносить проведение этой кампании [1, с. 180—183]. В конечном итоге реформистские вожди запретили своим членам участвовать в манифестациях дружбы с СССР, сорвав тем самым проведение Конгресса чехословацко-советской дружбы. После этого Союз друзей самостоятельно организовал Неделю дружбы с СССР (17—24 мая 1936 г.), приурочив ее к годовщине подписания союзного договора с СССР.

В ответ на усилившиеся в 1936 г. нападки руководства социалистических партий, КПЧ и ЦК Союза друзей СССР развернули разъяснительную кампанию о значении этой массовой организации в деле укрепления дружбы с Советским Союзом. Важную роль в этом отношении сыграла беседа К. Готвальда с делегацией ЦК Союза, состоявшаяся 2 июля 1936 г. Говоря о значении деятельности Союза друзей СССР в Чехословакии, Готвальд отметил, что она все еще недостаточно оценена. «Все, кто выступает за мир и социализм, должны были бы быть друзьями СССР и должны были бы быть членами организации, которая пропагандирует эту дружбу в самых широких слоях народа, укрепляет, углубляет и сохраняет ее», — сказал он [1, с. 271]. Подчеркнув, что союз и дружба с СССР являются гарантией безопасности Чехословакии перед угрозой германского фашизма, К. Готвальд заявил, что Союз друзей СССР «имеет действительно большое историческое значение».

Значение Союза друзей СССР в Чехословакии понимали и в правом буржуазном лагере. В 1936 г. в обстановке роста фашистских тенденций в стране была создана так называемая Национальная лига против большевизма, выступавшая против КПЧ и Союза друзей СССР. Созданная при активном участии руководства клерикальной народной партии, Лига против большевизма в день своего основания — 18 сентября 1936 г. обратилась к министру внутренних дел с просьбой о пресечении общественной активности друзей Советской страны [37]. Об опасности идейного влияния Союза, особенно на молодежь, говорилось в программной статье Лиги, опубликованной 26 сентября в центральном органе народной партии газете «Лидове листы».

Лига против большевизма не смогла оказать серьезного влияния на общественно-политическую жизнь Чехословацкой Республики, оставаясь прибежищем наиболее реакционных антисоветских сил.

Несмотря на осложнение внутривластной обстановки, вызванное активизацией правых сил, организации друзей СССР успешно продолжали свою деятельность по укреплению дружбы с трудящимися Советской страны. Возрос их авторитет среди международной демократической общности. На состоявшемся 6 сентября 1936 г. в Брюсселе заседании Международного комитета Союза друзей СССР при участии представителей Франции, Англии, Бельгии, Голландии, Дании, Испании, Швеции и Швейцарии чехословацкий Союз был назван в числе крупнейших организаций подобного типа в Европе [33, PP42, S. 53/51—18, §j. 16250, ktab. 761]. На III съезде Союза, проходившем в конце ноября 1936 г. в Праге, ряду его организаций были вручены красные знамена ВЦСПС с надписью «За братскую дружбу с СССР» [38]. В свою очередь III съезд Союза друзей СССР в Чехословакии направил приветствие Чрезвычайному VIII Все-союзному съезду Советов, обсуждавшему в то время проект новой Конституции СССР [39].

Отношение чехословацкой общественности к СССР наиболее полно и ярко проявилось при проведении кампании сбора подписей в «Золотую книгу» Союза друзей СССР народам Советской страны в связи с 20-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. На четырех тысячах художественно оформленных страницах «Золотой книги» поставили свои приветственные подписи 2 млн. 250 тыс. членом 3700 различных коллективов Чехословакии и 150 тыс. отдельных лиц. «Золотая книга» приветствий чехословацкой общественности была вручена М. И. Калинин 7 ноября 1937 г. секретарем этого Союза И. Котятко на

встрече в ВЦСПС зарубежных делегаций с представителями трудящихся Москвы [40, 8 XI]. Оценивая результаты этой массовой акции, З. Неedly назвал ее своеобразным плебисцитом, отразившем отношение населения Чехословакии к СССР [24, № 9]. Плебисцит был, однако, не полный, поскольку имелись противники этой кампании, — писал далее З. Неedly в статье «Золотая книга». Помимо правых политических партий, все три социалистические партии также выступили против участия в подготовке празднования 20-й годовщины Великого Октября. Тем не менее, масса их членов подписала поздравительные листы «Золотой книги», но не все, и это надо принимать во внимание, — указывал З. Неedly. Те же, кто их подписал, являются истинными сторонниками Советского Союза. «В целом 2,5 млн населения Чехословацкой Республики проявило таким образом свои симпатии к СССР. Тем самым дан лучший ответ на вопрос о настроениях населения республики и о наших широких симпатиях к СССР», — отмечал З. Неedly в названной статье. Поскольку в Чехословакии в те годы насчитывалось около 8 млн избирателей, то цифра 2,5 млн сторонников СССР действительно очень внушительна. Анализируя состав участников кампании «Золотая книга», З. Неedly подчеркивал, что это были «люди всех сословий, всех общественных групп и самых различных убеждений», что свидетельствовало о том, что отношение к СССР стало, по сути, частью массового общественного сознания [24, № 9].

Советская печать, широко освещавшая подготовительную работу друзей СССР за рубежом к празднованию 20-й годовщины Великого Октября, регулярно помещала материалы из Чехословакии. В центральных газетах публиковалась информация о ходе кампании «Золотая книга», сообщалось также о приветствиях Советскому правительству и трудящимся СССР, поступающих в адрес полпредства в Праге. «Правда» напечатала, например, поздравление заводского комитета металлургического предприятия «Польдина Гуть» в Кладно, в котором от имени почти пятитысячного коллектива рабочих говорилось, что «годовщина социалистической революции в СССР является и их великим праздником» [40, 5 XI].

Рост взаимного интереса и симпатий трудящихся СССР и прогрессивной общественности Чехословакии продолжался и в последующий период, особенно в ходе движения антифашистских и демократических сил, развернувшегося в Чехословакии в 1938 г., когда дружба с СССР стала символом патриотизма в борьбе против угрозы агрессии со стороны фашистской Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 3 (1934—1939). М., 1978.
2. Коммунистический Интернационал, 1937, № 10—11.
3. Rudé právo, 1935.
4. Právo lidu, 1934, 19 VIII; 1935, 12 V; Robotnické noviny, 1934, 25 VIII.
5. Tvorba, 1935, 1 V.
6. Dav, 1934, 27 X.
7. Kolečka J. Idea slovánské solidarity v období mezi dvěma světovými válkami. — Sborník práci Filosofické fakulty Brněnské univerzity. — Rada historická, 1962, № 9.
8. Polední list, 1934, 11 VI; Slovák, 1934, 12 VI.
9. Rudé právo, 1934, 13 VI.
10. Slovanský přehled, 1935—1936. 1936, s. 289.
11. Beneš E. Úvahy o slovánství. Hlavní problémy slovánské politiky. London, 1947, s. 175.
12. Nejedlý Z. Boje o nové Rusko. Praha, 1953.
13. Известия, 1935.
14. Правда, 1935, 17 V.
15. ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 6.
16. Uherek Z. O sovětsko-československé kulturní vzájemnosti. Praha, 1971, s. 95—97.
17. Doba, 1934, č. 11—12; Известия, 1934, 10 X.
18. Národní politika, 1936, 31 III; Večer, 1936, 4 IV.
19. Rudé právo, 1936.
20. Archiv Federálního Ministerstva zahraničních věcí. Praha, PZ Moskva, 1936, č. 38, s. 25.
21. За рубежом, 1936, 5 I.
22. Praha — Moskva, 1936.
23. Известия, 1937, 2 VI.

24. Praha — Moskva, 1937.
25. ЦГАЛИ СССР.
26. Ленинградская правда, 1937, 17 XI.
27. Haló noviny, 1937, 25 XII.
28. Rudé právo, 1937, 25 II.
29. Praha — Moskva, 1950, č. 9—10.
30. Sedláček J., Vávra J. Pro zemi milovanou. Z bojů o československo-sovětské přátelství. Praha, 1960, s. 258.
31. Svět Sovětů, 1935.
32. Zbierka dokumentáčního materiálu Zväzu československo-sovětského přátelství. Inv. j. II D 4/1935.
33. SÚA Praha.
34. Фрезер, 1934, 31 V; 1936, 6 IV.
35. Ruku v ruce. 50 let spolupráce československých a sovětských odborů. 1917—1967. Praha, 1967, s. 70.
36. Gottwald K. Spisy. Sv. VI. Praha, 1952, s. 188—190.
37. Svět Sovětů, 1936, č. 11.
38. Известия, 1936, 1 XII.
39. Правда, 1936, 3 XII; Труд, 1936, 28 XI.
40. Правда, 1937.

ПОЛЬША И ПРОБЛЕМА РЕОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ В 1926 Г.

Вопрос о реорганизации Совета Лиги Наций, рассматривавшийся на мартовской и сентябрьской сессиях Лиги в 1926 г., являлся не чисто техническим вопросом, связанным с функционированием ведущего органа этой международной организации, а представлял собой сложную проблему, сфокусировавшую различные противоречия и тенденции, обозначившиеся в этот период в мировой политике. Само возникновение этой проблемы, непосредственно связанной с подписанием в 1925 г. Локарнских соглашений и вступлением Германии в Лигу Наций, было следствием борьбы между Францией и Англией за господство в послеверсальской Европе.

Несмотря на то, что Октябрьская революция в России знаменовала перенесение центра тяжести мирового развития в сторону противоборства двух социально-экономических систем, в самом капиталистическом лагере отнюдь не исчезли противоречия. Вытекая из самой природы капиталистического общества, они порождали и порождают соперничество между империалистическими державами в экономической и политической областях, приводя к острым разногласиям между ними, что в свою очередь предопределяет возникновение кризисных ситуаций в международных отношениях. Одним из проявлений этого процесса был вопрос, связанный с реорганизацией Совета Лиги Наций. Методы и формы его разрешения наглядно продемонстрировали принципы буржуазной дипломатии, базирующиеся на соотношении сил, подчинении слабых государств более сильным.

Версальская система констатировала экономические, политические общественные отношения, в той или иной мере согласованные между державами-победительницами и символизировавшие их доминирующее положение. Однако в целом эта система представляла собой «здание французской гегемонии» на европейском континенте, что противоречило интересам Англии. После подписания Версальского мирного договора английская дипломатия стремилась изменить соотношение сил в свою пользу. При этом особое место в расчетах Лондона занимала Германия, которая должна была стать достаточно сильным противовесом Франции на Западе и в то же время силой, противостоящей СССР на Востоке [1, с. 76]. План Дауэса, способствовавший возрождению экономической мощи германского империализма, подписание Локарнского пакта и, как следствие последнего, вступление Германии в Лигу Наций, — таковы были последовательные звенья английской политики, направленной, с одной стороны, на нейтрализацию влияния Франции в Европе [2, с. XIV], а с другой, как указывал Г. В. Чичерин, на то, чтобы «изолировать СССР, оторвать от него Германию, создать против него единый фронт» [3, с. 393].

Оказавшаяся после провала Рурской авантюры на грани экономического краха и внешнеполитической изоляции, Франция под двойственным давлением Лондона и Вашингтона была вынуждена принять их концеп-

цию развития взаимоотношений с Германией и отказаться от «жесткого курса» в отношении Берлина, проводившегося Пуанкаре. Проведению новой политики способствовал приход к власти во Франции весной 1924 г. Левого блока во главе с лидером радикалов Э. Эррио. Большинство деятелей партии радикалов, а также социалистической партии принадлежало к лагерю так называемых пацифистов, выступавших за частичную ревизию Версальского договора. Во главе этого лагеря стоял А. Бриан [4, с. 237]. Эррио и сменивший его затем на посту премьер-министра Бриан начали курс на установление «взаимопонимания» с Германией, реализованный в 1926 г. в Локарно.

Локарнский договор явился «триумфом английской политики, поскольку он создавал для Англии позицию арбитра между Францией и Германией» [2, с. XIV]. В то же время он был поражением французской дипломатии, равносильным отказу от попытки утвердить политическую гегемонию на европейском континенте после первой мировой войны [5, с. 211]. Как отмечала газета «Известия», «система Локарно знаменует собою воплощение идеи английской гегемонии на континенте Европы» и является «антитезой Версаля» [6, 14 VIII].

Локарнские соглашения означали серьезное ухудшение положения польского буржуазного государства на международной арене, западная граница которого фактически была поставлена под вопрос¹. Курс на «соглашение» с Германией, усиленно проводившийся Англией, а с 1924 г. принятый также Францией, означал потенциальную ревизию Версальского договора и то, что это «соглашение» будет достигнуто за счет Польши. Заявления британских политических деятелей не оставляли никакого сомнения в этом. В секретном меморандуме, представленном британскому кабинету министров 20 февраля 1925 г. О. Чемберленом, в частности говорилось: «... при современном настроении умов в Европе бесполезно даже и говорить о каком-либо пересмотре мирного договора... Вполне мыслимо, — в особенности если Германия с благосклонного согласия Франции станет членом Лиги Наций и получит постоянное место в Совете, что ... будет возможно путем европейской конвенции пересмотреть опасные моменты, заложенные в урегулировании вопроса о Силезии и Польском Коридоре» [8, с. 80].

Подобная точка зрения в период подписания Локарнского пакта господствовала и в Париже. Ж. Бонне писал в своей книге, посвященной внешней политике Третьей республики, что «в 1925 г. Бриан был полностью согласен со Штреземаном в отношении ревизии договоров на востоке Европы» [9, р. 93—94].

Разумеется, все это не могло остаться незамеченным в Варшаве. Характеризуя ситуацию 1924 г., В. Грабский, бывший в тот период премьер-министром, писал: «Уже тогда для меня было ясно, что перед нашим будущим встает новый призыв: немецкого реванша» [10, с. 93]. Исчерпывающая характеристика положения, в котором оказалось польское буржуазное государство, была дана на IV конференции Коммунистической партии Польши, состоявшейся в декабре 1925 г. В принятой конференцией резолюции, в частности, говорилось: «В европейской и мировой политике соотношение сил все в большей степени изменяется не в пользу Польши. Это прежде всего проявляется в процессе крушения основ версальского урегулирования, на которых основывалась сила и международное значение Польши. После Локарно, т. е. после достижения компромисса с Францией... Германия надеется рано или поздно достичь своей ближайшей цели: уничтожения гданьского коридора. Англия в своем антагонизме к Франции и в проведении политики окружения СССР сделала главную ставку на Германию и в результате этого поддерживает немецкие стремления...» [11, с. 259—260].

Одним из главных условий подписанных в Локарно соглашений являлось вступление Германии в Лигу Наций, что должно было логически

¹ Министр иностранных дел Германии Г. Штреземан писал в письме к депутату Рейхстага фон Кеуделю 27 ноября 1925 г.: «Локарно сохранило нам... возможность вернуть немецкие земли на востоке» [7, р. 181].

завершить ту политическую комбинацию, из-за которой Лондон инспирировал само заключение западного гарантийного пакта. Действительно, если участие Германии в Локарнских соглашениях должно было отстранить ее от сотрудничества с Советской Россией, то включение в Лигу Наций, с одной стороны, преследовало цель закрепить участие Германии в антисоветском блоке ввиду принятия обязательств по ст. 16 Устава, предусматривавшей участие в коллективных санкциях, а с другой — создать противовес Франции путем предоставления Берлину постоянного места в Совете Лиги. Вовлекая Германию в Лигу Наций, «некоторые державы, — как указывал в интервью представителям иностранной печати заместитель наркома СССР по иностранным делам М. М. Литвинов, — рассчитывают лишь использовать ее как сотрудницу в осуществлении своих планов вообще и вражеских замыслов против СССР, в частности» [12, т. 8, с. 687].

Конечной целью политики, проводившейся Г. Штреземаном, было завоевание Германией господствующего положения в Европе [13], а как необходимое условие для этого — уничтожение постановлений Версальского трактата. Для осуществления своих ревизионистских целей правящие круги Германии рассчитывали использовать вступление в Лигу Наций. Все нерешенные с момента окончания мировой войны проблемы, — говорил в своей речи 14 декабря 1925 г. Штреземан, — Германия не сможет решить нигде лучше, чем в Женеве [7, р. 202]. При этом, по его мнению, в качестве первоочередной задачи должен был быть поставлен вопрос о восточных границах, хотя, как он намекал, и границы на Западе не являются вечными [7, р. 192, 193].

Анализ секретного меморандума, подготовленного на Вильгельмштрассе 12 декабря 1925 г., в котором определялась будущая позиция германской дипломатии в Лиге Наций, не оставляет сомнений в том, что в Берлине готовились проводить в международной организации активную политику и использовать, в частности, ст. 19 Устава Лиги, предоставлявшую возможность пересмотра существовавших границ². В Лиге Наций намеревались поставить проблему немецкого национального меньшинства и принять теперь уже непосредственное участие в решении постоянно разбивавшихся в Лиге споров между властями Вольного Города Гданьска и Польшей [15, р. 418]. Активизация кампании вокруг проблем взаимоотношений Лиги Наций должна была, по всей видимости, служить рычагом давления на Варшаву, и, в то же время, продемонстрировать необходимость пересмотра версальских решений относительно Гданьска и польского Поморья в целом. В Берлине после подписания Локарнского пакта говорили о ревизии восточных границ [7, р. 194, 195].

Польский посланник в Берлине предупреждал свое правительство, что после вступления Германии в Лигу Наций и получения ею места в Совете, «...она сыграет огромную роль в контроле над нами» [16, с. 41]. В этих условиях в польских политических кругах получает широкое распространение мысль о необходимости получения Польшей постоянного места в Совете Лиги Наций. 12 января 1926 г. это требование было впервые официально выражено польским послом в Париже Хлаповским [17, р. 16]. В феврале кампания за предоставление Польше постоянного места в Совете начинается в польской прессе³. Газеты анализировали возможные последствия вступления Германии в Лигу. В частности, издававшийся в Варшаве на французском языке орган А. Скшиньского «Месажер полонэ» писал: «Вступление Германии в Лигу Наций поднимает очень серьезную проблему расширения, или лучше сказать трансформации Совета». Газета указывала, что присутствие немецких представителей нарушит англо-французское равновесие в Совете Лиги. Говоря о будущей политике Германии в Женеве, «Месажер полонэ» предупреждал, что Берлин займется проблемами немецких национальных меньшинств в соседних странах и постарается использовать свое пребывание в Совете для изме-

² Текст меморандума см. [14, S. 67—76].

³ См., напр., обзор польской прессы [18, 18 II].

нения существующих границ «как на юге, посредством „аншлюса“ в отношении Австрии, так и на востоке, попытавшись вернуть территории Верхней Силезии, ... Гданьский коридор и установить таким образом связь с Восточной Пруссией и Кенигсбергом». В газете говорилось о необходимости предоставления Польше места в Совете Лиги ввиду того, что все это самым непосредственным образом затрагивает интересы польского государства [19, 24 II]. Варшаву серьезно беспокоили возможности, открывающиеся перед Германией как членом Совета в вопросах, связанных с проблемой немецкого меньшинства в Польше ⁴.

Официальное требование Польши относительно постоянного места в Совете Лиги Наций было сформулировано во время ратификации Сеймом заключенных в Локарно польско-французского соглашения и польско-германского арбитражного договора. 1 марта Комиссия по иностранным делам Сейма в ходе дебатов приняла резолюцию, в которой подчеркивалось, что предоставление Польше постоянного места в Совете является «безусловной политической необходимостью» [20, 2 III]. На следующий день на заседании Сейма локарнские соглашения были ратифицированы, несмотря на то, что представители ряда политических партий голосовали против их одобрения. Относительно резолюции, требовавшей предоставления Польше постоянного места в Совете Лиги Наций, разногласий не было ⁵. Из выступлений делегатов было видно, писал, комментируя ход дискуссии «Курьер польски», что «без получения Польшей этого места польская политическая мысль должна была бы считать Локарно скорее негативным пунктом в балансе нашей внешней политики: отказ от предоставления этого места должен был бы расцениваться как сведение на нет всякой ценности Локарно для Польши» [22, 3 III].

В Варшаве рассматривали получение постоянного места в Совете в качестве возможности противодействия планам Берлина и как своего рода «компенсацию» за поражение, понесенное польской дипломатией в Локарно [17, р. 15].

§ Польское правительство предприняло конкретные шаги с целью заручиться поддержкой в столицах стран — постоянных членом Совета Лиги ⁶. Английские послы в Риме и Токио доносили о демаршах польских дипломатов перед правительствами Италии и Японии. Посол в Токио писал при этом об особой настойчивости польского посла в Японии («Polish Minister was particularly pressing...») [23, р. 460, 473]. Итальянское правительство поддержало требования Польши [18, 28 II; 24, 27 II], что, по всей видимости, в немалой степени объяснялось натянутыми в этот период отношениями между Римом и Берлином [7, р. 337—338, 345]. Правительство же Японии вплоть до мартовской сессии Лиги Наций не высказывало определенно своей точки зрения.

Полную поддержку польские требования получили в Париже. Французский посол в Варшаве де Панафье заявил на приеме, устроенном в честь находившейся в Польше франко-польской парламентской группы: «...необходимость для Польши получить постоянное место в Совете Лиги Наций не может оспариваться даже ее врагами. Равновесие в Лиге... необходимо для того, чтобы воспрепятствовать ревизии мирных договоров...». В заключение посол добавил, что в этом деле Польша может полностью рассчитывать на Францию [18, 21 II]. Во французских политических кругах начинали осознавать, что локарнские пакты подорвали систему восточных союзов Франции и ослабили ее позиции по отношению как к Англии, так и к Германии. Итоги Локарнской конференции создавали условия для новой расстановки сил в Лиге Наций, предвещая значительное усиление в ней английского и ослабление французского влияния [25, с. 139—140]. Все это представляло реальную угрозу для Версальской системы, ее основ, которые продолжали рассматриваться Парижем в качестве необходимого

⁴ См. заявление для прессы вице-президента Комиссии по иностранным делам Сейма Строньского [18, 25 II].

⁵ См. отчеты о дебатах в Сейме [20, 3 III; 21, 3 III].

⁶ К моменту вступления Германии в Лигу Наций постоянными членами Совета были Франция, Великобритания, Италия и Япония.

условия сохранения влияния Франции на континенте. Поэтому во французской прессе развернулась широкая кампания в пользу предоставления Польше постоянного места в Совете Лиги. Анализируя направления германской внешней политики, орган левого блока «Эр нувель» писала в январе 1926 г.: «...наш бывший враг (т. е. Германия. — В. П.), имеющий, как известно, далеко идущие намерения, заранее объявил, что в случае вхождения в Совет потребует... ревизии одних статей Версальского договора, отмены других, и в конце концов... „мирного изменения“ своей восточной границы. Ни много, ни мало. Только Польша в состоянии сбалансировать... влияние Германии. Так как Польша — это европейский восток, та часть континента, которую Германия избрала в качестве места своего реванша». Газета высказывала опасения, что, если Германия войдет в Совет без Польши, последняя, вероятно, никогда не станет его членом ввиду возможного германского вето при существующем принципе единогласия в Совете [26, 1926, Д-3, д. 2, к. 2а]. Подобное мнение высказывали и другие французские газеты [26, 1926, Д-19, д. 3, к. 3а]. Парижская пресса не без основания полагала, что единственная цель, ввиду которой Германия приняла план Дауэса, подписала Локарнский пакт и теперь должна вступить в Лигу Наций, — это при помощи новых методов добиться старых целей, т. е. уничтожить Версальский трактат [18, 18 II]. Как пишет американский историк К. Киммич, Париж поддерживал требования Польши относительно места в Совете, чтобы создать благоприятную для себя расстановку сил в Лиге и в то же время компенсировать Варшаву за «дискриминацию, проявленную в отношении нее в Локарно» [27, р. 79]. Однако отступление Франции перед Англией в Локарно, ее согласие на различную трактовку западных и восточных границ Германии, неустойчивая позиция по поводу гарантирования арбитражного договора между Польшей и Германией не могли не подействовать на правящие круги Польши. В Варшаве начинает распространяться мнение о необходимости более тесного сотрудничества с Англией, предпринимаются попытки заручиться согласием Лондона на поддержку польской кандидатуры в Совет Лиги. Премьер-министр А. Скиншинский, «англофил», как характеризовала его лондонская «Дэйли геральд» [26, 1926, Д-19, д. 1, к. 1а], подчеркивал в своей речи в Сейме при представлении на ратификацию локарнских соглашений «моральное сотрудничество» с Англией и сближение политической линии Польши с линией английской внешней политики [22, 22 II]. Во время выступления в Сейме 3 марта 1926 г. он прямо заявил: «Локарно приближает все страны к Англии...» [24, 4 III]. Польский премьер-министр неоднократно беседовал с британским послом в Варшаве М. Миллером с целью склонить его к поддержке перед Лондоном требования для Польши постоянного места в Совете Лиги. При этом, как указывал английский посол, Скиншинский основывал свои аргументы на том, что в Локарно он пожертвовал интересами Польши, не получив взамен никакой гарантии от грозящей ей опасности [23, р. 456—457]. Явно пытаясь шантажировать, премьер-министр угрожал сближением с Советской Россией, если Польша не войдет в состав Совета [18, 26 II].

Отношение в Великобритании к этому вопросу было противоречивым. 14 февраля в парижской «Энформасьон» сообщалось о развернувшейся в английской прессе антипольской кампании, начатой «Таймс», которая в номере от 8 февраля характеризовала требование Польши относительно места в Совете, как «несвоевременное» [26, 1926, Д-8, д. 10, к. 10а]. Выступая против удовлетворения требований Польши и подчеркивая, что Варшава аргументирует свою позицию состоянием польско-германских отношений, «Манчестер гардиан» задавала вопрос, почему бы в таком случае не предоставить место в Совете Лиги Наций и Литве, учитывая состояние польско-литовских отношений [28, 13 II]. Английские газеты единодушно обвиняли Францию в стремлении «...заполнить Совет своими сторонниками до того, как Германия займет в нем протестующую позицию» [28, 24 II] ⁷. 16 февраля «Эко де Пари» поместила заметку своего корреспондента

⁷ См. также [26, 1926, Д-3, д. 2, к. 2а].

пандента из Лондона, сообщавшего, что вся английская пресса, либеральная, лейбористская и даже большая часть консервативной⁸, открыто выступает против предоставления Польше постоянного места в Совете Лиги Наций [26, 1926, Д-8, д. 10, к. 10а]. Такой же позиции придерживался ряд политических деятелей Англии⁹. 22 февраля парламентским комитетом по делам Лиги Наций¹⁰ была принята резолюция, призывающая британское правительство воспротивиться какому бы то ни было расширению Совета Лиги, за исключением вхождения Германии [24, 23 II].

В правительственных кругах Англии были и сторонники удовлетворения требований Польши, аргументировавшие свою позицию тем, что вхождение последней в Совет Лиги повлечет охлаждение отношений между Варшавой и Москвой и будет, вдобавок, служить «средством давления на Германию, которая понесет наказание за свою непоследовательность в отношениях с Западом» [29, с. 217]. Министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен, после встречи с Брианом в Париже в конце января 1926 г., встал на сторону удовлетворения польских требований¹¹. 1 февраля он направил кабинету меморандум, в котором высказывался за вхождение Польши в Совет Лиги на равных условиях с Германией¹². Несколько дней спустя, в разговоре с польским посланником в Лондоне Скирмунтом, Чемберлен также заявил, что он благоприятно относится к требованиям Варшавы. Здесь, однако, вынужденный, очевидно, учитывать настроения прессы и определенных политических кругов, он указывал, что временное место, а не постоянное встретило бы меньшее сопротивление со стороны оппозиции [23, р. 406]. В речи, произнесенной в Бирмингеме 23 февраля 1926 г., Чемберлен еще раз высказался в поддержку требований Польши [31, 24 II]¹³. Речь министра иностранных дел вызвала негативную реакцию английской прессы, обвинявшей его в стремлении открыть двери Совета «французским интригам». «Сомнительно, — отмечала „Манчестер гардиан“, — чтобы он имел или смог получить в этом вопросе поддержку кабинета» [28, 25 II]. Следует отметить, что оппозиция политике, проводимой Чемберленом в этом вопросе, проявилась даже среди членов кабинета Болдуина [32, с. 67]. Однако эти разногласия носили скорее тактический, нежели принципиальный характер. Проводя основной курс на вовлечение Германии в «европейский концерт», Чемберлен в то же время, как отмечал Г. В. Чичерин, стремился «помешать намечавшемуся сближению Польши с СССР и путем привлечения Польши к западной ориентации оторвать ее от прочных отношений с СССР» [12, т. 9, с. 204]. Именно этим и объяснялась позиция британского министра иностранных дел.

Категорически против допуска Польши в Совет Лиги выступала Германия. На Вильгельмштрассе считали, что постоянное присутствие Варшавы в Совете «явится непреодолимым препятствием ревизии восточных границ» и тем самым уничтожит весь смысл локальной политики Берлина [27, р. 79]. Германское дипломатическое ведомство предпринимало энергичные усилия, стремясь повлиять на решение вопроса о реорганизации Совета в благоприятном для себя духе. 6 февраля Штреземан в письме к германскому послу в Стокгольме просил «прозондировать» точку зрения шведского правительства в отношении расширения Совета и включения в его состав Польши¹⁴. Позиция Швеции могла сыграть важную роль в решении этого вопроса, так как будучи в этот период членом Совета Ли-

⁸ Как исключение приводились газеты «Дэйли мейл» и «Морнинг Пост».

⁹ См. открытые письма в «Таймс» лорда Филлимора, Дж. Барнса, лидера либералов в палате лордов лорда Грея, шести членов парламента от консервативной партии [24, 15, 18, 26 II].

¹⁰ Членами комитета состояли 400 депутатов Палаты общин.

¹¹ К. Кимич пишет, что взамен за поддержку Польши Чемберлен требовал от Бриана поддержать кандидатуру Испании, также претендовавшей на постоянное место в Совете [27, р. 79].

¹² Текст меморандума см. [23, р. 383—384].

¹³ Следует отметить, что поддерживая требования Польши, сам Чемберлен был скептически настроен по поводу ее избрания в Совет. 19 февраля 1926 г. он писал лорду д'Абернону, что Польша, вероятно, будет не в состоянии получить для своего избрания необходимого большинства голосов Ассамблеи Лиги [30, р. 357].

¹⁴ Текст письма см. [14, S. 199—200].

ги Наций она могла наложить вето на любое решение. Реакция Стокгольма на предпринятый демарш была моментальной. Уже 9 февраля шведский посол в Лондоне посетил Чемберлена и заявил ему о негативной позиции своего правительства в отношении плана изменения состава Совета, кроме включения в него Германии [23, р. 409—410]. Предпринимало попытки повлиять на Чемберлена и германское посольство в Лондоне¹⁵. Из Берлина давали понять, что если требования Польши будут удовлетворены, Германия откажется от вступления в Лигу со всеми вытекающими из этого последствиями. Поскольку Локарнские договоры должны были войти в силу только после вступления Германии в Лигу, этот аргумент, по мнению германских политиков, должен был оказать воздействие. Комментируя маневр германской дипломатии, парижская «Котидьен» писала 14 февраля: «Угрожать выходом из Лиги Наций, еще не вступив в нее: что за методы!» [26, 1926, Д-8, д. 10, к. 10а]. Критика, однако, не произвела никакого впечатления в Берлине. В середине февраля германский посол в Париже фон Геш заявил Бриану, что Германия откажется от намерения стать членом Лиги, если Франция будет поддерживать Польшу [23, р. 449]. Подобное заявление в адрес Лондона сделал 18 февраля д'Абернону статс-секретарь МИД Германии фон Шуберт [14, S. 266—272].

19 февраля Комиссия по иностранным делам Рейхстага приняла резолюцию, в которой говорилось, что только Германия и больше никакая другая страна не должна получить постоянное место в Совете Лиги Наций [23, р. 458].

Действия германского правительства сопровождались широкой антипольской кампанией немецких газет. Корреспондент «Журналь де деба» сообщал из Берлина: «Германские газеты всех партий энергично протестуют против возможного предоставления Польше постоянного места в Совете» [26, 1926, Д-3, д. 2, к. 2а]. «Бурю протестов» берлинской прессы, как отмечала «Тан», вызвала речь Чемберлена 23 февраля в Бирмингеме [18, 26 II].

Между тем усилия правительства Веймарской республики принесли определенные результаты. 26 февраля Чемберлен информировал Берлин и Варшаву, что британское правительство еще не приняло окончательного решения относительно планов расширения Совета Лиги [23, р. 469]. Фон Геш в свою очередь сообщил из Парижа после встречи с влиятельным сотрудником французского МИД Ф. Бертело, что, по его мнению, Франция готова на некоторые уступки, а именно: вначале только Германии будет предоставлено постоянное место в Совете с одновременным обязательством с ее стороны не оказывать впоследствии противодействия расширению Совета [14, S. 313—314]. Таким образом, как явствует из сообщения, Франция считала возможным отказаться от плана одновременного вхождения в Совет Германии и Польши. Однако, соглашаясь на компромиссное решение вопроса, Кэ д'Орсэ опасалось последствий дипломатического триумфа Берлина. В телеграмме английского посла во Франции маркиза Крю Чемберлену, направленной 1 марта, прямо говорилось, что в Париже считают нежелательной «сенсационную дипломатическую победу Германии». В той же телеграмме компромисс, на который соглашалось французское правительство, был представлен следующим образом: Польша получала временное место в Совете до очередной, сентябрьской сессии, где она будет избрана постоянным членом [23, р. 471]. Согласие Франции на уступки по сути дела было официально подтверждено 3 марта. Выступая в Палате депутатов, Бриан высказался за расширение Совета Лиги и предоставление в нем места Польше. Он, правда, не уточнил, каким должно быть это место — постоянным или временным [18, 4 III]. В свою очередь, английская пресса, несколько смягчившая в первых числах марта свой тон, также стала высказываться за компромиссное решение вопроса. «Манчестер гардиан» в статье, опубликованной 2 марта, хотя и обвинила Францию в попытках сколотить «латинско-славянский блок» в Совете, все же высказа-

¹⁵ См. письмо Г. Штреземана германскому послу в Лондоне Штамеру [14, S. 230—232].

лась за предоставление Польше временного места, мотивировав это необходимостью иметь в составе Совета наиболее значительного из соседей Советской России, отношения Лиги с которой «в течение ближайших двух-трех лет будут иметь возрастающее значение» [24, 2 III] ¹⁶. Интересно отметить пожелание газеты, чтобы Польша заняла в Совете место Бельгии. Учитывая связи между Францией и Бельгией, выступавшей в роли ее официального союзника, высказанное пожелание явно было направлено против увеличения влияния последней в Совете.

Чемберлен, вынужденный учитывать позицию Берлина, и стремясь избежать трещины в «локарнском единстве», предпочел метод закулисных переговоров публичным декларациям [32, с. 69]. Именно поэтому он добился 4 марта в Палате общин предоставления британской делегации на мартовской сессии Лиги в Женеве относительной свободы действий [24, 5 III] ¹⁷. И хотя принятые ранее кабинетом рекомендации (о необходимости избегать таких изменений в Совете, которые могли бы сделать невозможным вступление в Лигу Наций Германии, и о предоставлении Польше только временного места) ограничивали поле деятельности, они все же оставляли определенную возможность для поисков компромисса ¹⁸. Надежды на достижение договоренности давали донесения из Берлина лорда д'Абернона и из Варшавы Миллера [23, р. 479] ¹⁹. Переговоры должны были состояться в Женеве перед открытием сессии Лиги Наций, которая созывалась специально для принятия в эту организацию Германии. Таким образом, в ход пускался метод «частных бесед», одна из форм тайной дипломатии, столь горячо осуждавшаяся на словах буржуазными политическими деятелями. Ажиотаж, поднятый вокруг вопроса о распределении мест в Совете Лиги Наций, многочисленные закулисные переговоры, предпринимавшиеся сторонами, попытки шантажа и откровенного нажима — все это свидетельствовало о том, что переговоры в Женеве будут нелегкими. К этому времени выявилась оппозиция со стороны ряда стран попыткам расширения Совета, в частности, предоставления в нем места Польше. Газета «Таймс» писала: «Германия мобилизовала северные нейтральные страны для того, чтобы они использовали свое влияние с целью воспрепятствовать расширению Совета...» [24, 1 III]. Газета сообщала, что Дания, а также Швейцария намерены поддержать шведскую точку зрения и голосовать в Женеве против расширения Совета, за исключением предоставления в нем места Германии. Ранее, 27 февраля, «Дейли телеграф» информировала, что аналогичную позицию собираются занять Финляндия, Норвегия и Голландия [26, 1926, Д-8, д. 10, к. 10в].

Польская печать широко комментировала происходившие события. Характеризуя позиции сторон перед мартовской Ассамблеей и указывая на то, что собственно польские интересы мало кого занимают в разгоревшейся схватке, «Курьер варшавски» с горечью писал о политике Англии: «Со времени перемирия в 1919 г. по сегодняшний день английская политика является политикой восстановления Германии ... для противовеса Франции... Нет никакой самостоятельной позиции Англии по отношению к Польше... Мы существуем для Англии как союзник Франции, как соседи Германии и никогда как сами по себе» [20, 2 III]. Анализируя шансы Польши на приближавшейся сессии, та же газета отмечала: «Предсказывать, получим мы постоянное место в Совете Лиги Наций или нет, было бы в настоящий момент несерьезно, этот вопрос решится в Женеве, в борьбе, которая обещает быть упорной» [20, 3 III]. Газета «Экономическая жизнь», давая оценку сложившейся ситуации, писала: «По всем признакам Польша превращается в один из очередных объектов, за чей счет будет

¹⁶ Трудно сказать, что подразумевалось под этими словами. Не исключено, что в скрытой форме здесь содержались надежды на реализацию конечных целей локарнской политики Лондона.

¹⁷ Решение о предоставлении делегации свободы действий было принято 224 голосами против 124.

¹⁸ Текст рекомендаций кабинета министров, принятых 3 марта, см. [33, р. 138—139].

¹⁹ Германский посол в Варшаве информировал Миллера, что Штреземан согласен обсудить приемлемый компромисс.

совершена сделка между Лондоном, Парижем и Берлином. Навряд ли сладкие речи Скшиньского о совпадении политической линии Польши и Англии помогут здесь» [34, 5 III]. «Известия», в свою очередь, указывали, что «к борьбе, разыгравшейся внутри Лиги по поводу постоянных мест в Совете, нельзя относиться лишь с точки зрения того, получит ли Польша постоянное место или нет. Речь идет о борьбе между Англией и Францией за самое существо Лиги и дальнейшее направление ее деятельности» [6, 7 III].

7 марта в Женеве состоялась встреча Чемберлена и Бриана с германской делегацией, на которой присутствовали также представители Италии и Бельгии. Хотя эта встреча преподносилась как «совещание локарнских держав», представители Польши и Чехословакии, также принимавшие участие в локарнских переговорах, приглашены не были. Переговоры, впрочем, окончились безрезультатно [35, 8 III]. Вечером того же дня Бриан, ввиду правительственного кризиса во Франции, вернулся в Париж.

8 марта открылась Ассамблея Лиги Наций. Комментируя это событие, «Матэн» писала: «Заседания Ассамблеи и Совета состоялись, но, по-видимому, их деятельность будет замедленной» в связи с неясной обстановкой в Париже [31, 9 III].

В отсутствие Бриана контакты и переговоры между главными заинтересованными сторонами шли полным ходом. Характеризуя сложившуюся обстановку, «Эко де Пари» опубликовала сообщение из Женевы под следующим заголовком: «Немцы подтверждают свою непримиримость; Испанцы угрожают покинуть Лигу Наций; Шведы более немецкие, чем сами немцы; ...Граф Скшиньский угрожает падением своего кабинета» [36, 9 III]. Следует отметить, что польский премьер-министр проявлял отчаянные усилия, пытаясь заручиться поддержкой делегатов Ассамблеи. Вечером 7 марта он долго доказывал Чемберлену необходимость для Польши постоянного представительства в Совете, заявляя при этом, что отказ от удовлетворения этого требования будет «...концом его и его правительства». Однако Скшиньский напрасно напоминал о «заслугах» Польши в 1920 г., ставшей, как он выразился, «барьером против большевизма». Английский министр иностранных дел заявил ему, что речь может идти только о временном месте, и то при условии, что это не помешает принятию в Лигу Наций Германии [23, p. 498—499].

В Женеве шли лихорадочные поиски компромисса. 9 марта состоялись контакты между английской, немецкой и французской²⁰ делегациями, 10 марта — встреча представителей «локарнских держав», без Польши и Чехословакии, у Чемберлена. Вечером того же дня — совещание членов Совета Лиги Наций у Генерального секретаря Э. Друммонда. На этом полуофициальном совещании выявилось новое осложнение. Бразильский делегат Мелло-Франко заявил, что Бразилия наложит вето на прием Германии, если бразильское требование постоянного места в Совете не будет принято во внимание [18, 12 III]. Когда утром 11 марта Бриан вернулся в Женеву после формирования им нового кабинета, ситуация была, по выражению берлинской «Форвертс», критической. «Долгие дискуссии. — как указывал орган немецких социал-демократов, — приняли трагический характер...» [18, 12 III]. Непримируемая позиция шведского представителя облегла положение германской делегации, освобождая немцев от необходимости непосредственно препятствовать достижению невыгодного для них компромисса. По этому поводу «Тан» раздраженно замечала: «Германия маневрирует в Женеве посредством нейтралов, как она делала это во время войны... Рейх нашел в Швеции глашатая, потворствующего его замыслам» [18, 12 III]. 12 марта после долгих переговоров Чемберлена и Бриана был выработан проект соглашения, сообщенный затем Лютеру и Штреземану. Компромисс предполагал: принятие Германии в Лигу Наций с предоставлением постоянного места в Совете; передачу проекта

²⁰ Во время отсутствия Бриана переговоры от Франции вели Лушер и Поль-Бонкур.

создания постоянных мест в Совете в специальную комиссию, которая к очередной сентябрьской Ассамблеи подготовит по этому поводу доклад; немедленное предоставление Польше временного места в Совете Лиги [18, 13 III; 23, p. 505].

Сообщая о проекте, газета «Матэн» указывала, что он содержит в себе пределы возможного компромисса [31, 13 III]. Между тем усиленной «обработке» подвергалась шведская делегация. Французские социалисты Ж. Поль-Бонкур и А. Тома, а также глава бельгийской делегации Э. Вандервельде пытались «убедить» своего коллегу по II Интернационалу, министра иностранных дел Швеции Ундена. В конце концов была достигнута договоренность, что если Германия согласится на компромисс, Швеция не будет возражать против расширения Совета [6, 14 III; 38, p. 39—40]. Автором предложенного 12 марта соглашения был Бриан. В ходе переговоров со Штреземаном он говорил о своем обещании Сксиньскому поддержать требование Польши на постоянное место и о согласии в создавшихся условиях на предоставление временного. Французский премьер-министр подчеркивал, что полный отказ от удовлетворения польских требований затруднит его положение в Париже [14, S. 384—386]. Аргументы, однако, не подействовали на германских представителей. Вечером того же дня посетивший Чемберлена Лютер «...выразил свои сожаления по поводу невозможности принять сделанное предложение» «...accepter la transaction») [31, 13 III]. Германский канцлер мотивировал свою позицию тем, что Германия должна войти в Совет в том его составе, каким он был «в момент, когда мы направляли ему нашу просьбу о приеме». Лютер соглашался лишь на то, чтобы вопрос о реорганизации Совета Лиги был рассмотрен после приема Германией в этот орган. Комментируя слова главы немецкой делегации, газета «Матэн» указывала, что их следует понимать так: «Мы не хотим, чтобы Польша вошла сюда (т. е. в Совет. — В. П.) по праву; надо, чтобы она спросила нашего разрешения заседать в Совете». Цель этой политики, заключала газета, — «добиться дипломатической победы над союзниками благодаря поражению Польши» [31, 13 III]. «Курьер варшавски» отмечал, что Германия, отказываясь от предложенного компромисса, стремится превратить вопрос о представительстве Польши в Совете в объект «дипломатического торга», при этом, как сообщала газета, платить должны будут либо Польша на своих западных границах, либо Франция в оккупированных районах Рейнланда. «Торга такого рода ни Польша, ни Франция принять не могут», — заканчивала газета [20, 15 III].

Отказ Германии принять предложенный компромисс произвел, по выражению «Манчестер гардиан», впечатление разорвавшейся бомбы [28, 13 III]. Появилась реальная угроза срыва сессии. День 13 марта прошел в Женеве в лихорадочных переговорах [18, 15 III]. 14 марта после многочисленных консультаций наметился новый проект компромисса. Шведская делегация после непосредственного нажима Бриана [27, p. 83], заявила, что готова отказаться от своего непостоянного места в Совете с тем, чтобы Ассамблея передала его Польше. С формальной точки зрения Германия не могла бы возражать против подобного решения, так как оно оставляло без изменения количество мест в Совете — главное условие, выдвигаемое немцами.

Вынужденный шаг шведов поставил немецкую делегацию в довольно сложное положение²¹. С одной стороны, она лишалась «прикрытия»²², а с другой, замена Швеции Польшей создавала явный перевес профранцузской группировки, так как членами Совета уже являлись Бельгия и Чехословакия. В этих условиях Германия предприняла контрманевр. В тот же день, 14 марта, на встрече с членами шведской делегации Лютер предложил, чтобы наряду со Швецией еще одна страна «другой ориентации», а именно Чехословакия, отказалась бы от своего места в Совете, на

²¹ Это признал сам Штреземан, выступая 22 марта в Рейхстаге [23, p. 542].

²² Штреземан выступил в газете «Журналь де Женев» со статьей, в которой указывал, что в данное время избрание Польши в состав Совета является невозможным ввиду позиции, занятой Стокгольмом [18, 16 III].

которое было бы избрано нейтральное государство, при этом была предложена Голландия [14, S. 392]. Таким образом, как отмечала германская сторона, в Совете сохранился бы «политический баланс» [27, p. 83]. Германское предложение было сообщено Чемберлену и Бриану. С французской стороны последовала попытка предложить на место Чехословакии Румынию, придерживавшуюся профранцузской ориентации, однако это не вызвало «энтузиазма» у немцев. Против румынской кандидатуры выступил и Чемберлен [23, p. 532; 30, p. 360]. 15 марта Бриан информировал Совет о проекте достигнутого соглашения. Унден и Бенеш, главы делегаций Швеции и Чехословакии, без особого удовольствия («...with a little enthusiasm») объявили, что откажутся от своих мест в пользу Польши и Голландии [27, p. 84]. Казалось, столь долго продолжавшемуся кризису положен конец, однако, выступивший затем бразильский делегат рассеял все иллюзии. Мелло-Франко объявил, что согласно полученным им инструкциям он наложит вето на прием Германии, если Бразилия не получит постоянного места в Совете [38, p. 44].

В создавшихся условиях Бриан и Чемберлен, после переговоров с членами германской делегации, приняли решение перенести вопрос о вступлении Германии в Лигу Наций на очередную, сентябрьскую сессию [18, 18 III] ²³. 16 марта это решение было одобрено Советом. В тот же день представители держав, подписавших Локарнские соглашения, опубликовали декларацию, в которой подтверждали свою приверженность принципам Локарно. Однако декларация не могла скрыть острых противоречий, существовавших между сторонами и послуживших причиной серьезного дипломатического кризиса. 17 марта на заседании Ассамблеи было официально объявлено об отсрочке принятия Германии в Лигу. 18 марта было принято решение о создании комиссии по реорганизации Совета Лиги Наций ²⁴. В ее состав, помимо членов Совета, должны были войти представители Аргентины, Китая, Швейцарии, Германии и Польши [40, № 4, p. 533—534]. Таким образом закончилась сессия Лиги Наций, которую лондонская «Дейли кроникл» назвала женевским скандалом [26, 1926, Д-8, д. 10, к. 10с]. Нескончаемые интриги и торги, происходившие за кулисами, продемонстрировали неприглядность методов и средств, используемых дипломатией империалистических государств для достижения своих целей. Возмущение рядовых членов Лиги высказал на последнем пленарном заседании Ассамблеи глава персидской делегации. «Делегаты более сорока стран, — заявил он, — тщетно ожидали день ото дня, не зная в точности, что же происходит» [39, p. 34]. По выражению французского исследователя того периода, локарнские державы стремились превратить Ассамблею в орган, роль которого сводилась бы только к регистрации их воли [37, p. 35—36]. Подобная трактовка международной организации не могла не сказаться самым негативным образом на ее авторитете.

Несмотря на то, что главная цель мартовской сессии — прием Германии в Лигу Наций не была достигнута, результаты этого провала оценивались по-разному.

В Варшаве женевские события в целом квалифицировались как банкротство «духа Локарно». Об этом прямо писали польские газеты, указывавшие, что надежда на международное сотрудничество и добрую волю «новой республиканской Германии» провалились [22, 17 III]. Подобная точка зрения высказывалась и на заседании Комиссии по иностранным делам польского Сейма, где Скшиньский выступил с отчетом о мартовской сессии ²⁵. Что же касается конкретных результатов, то перенесение вопросов о принятии Германии в Лигу и о реорганизации Совета на осеннюю сессию, как указывал «Курьер польски», следует признать благоприятным для Польши. «Огромной неудачей, — писала газета, — было бы получение Польшей непостоянного места, к чему все шло. Не представляет сомне-

²³ Газета сообщала, что решение об отсрочке было принято с согласия Лютера и Штреземана.

²⁴ Отчет о пленарном заседании см. [39].

²⁵ См. отчеты о заседании Комиссии [20, 23 III; 21, 24 III].

ния, что Германия стремилась бы к закреплению такого положения вещей и всякий раз нам грозило бы выдворение из Совета» [22, 18 III]. Таким образом, бразильское вето, послужившее формальным предлогом для переноса всего комплекса вопросов о реорганизации Совета на осеннюю сессию Лиги, было воспринято в Варшаве отнюдь не трагически.

Не подлежит сомнению, что позиция, занятая Бразилией на мартовской сессии, не была свободной от определенного воздействия, хотя министерство иностранных дел этой страны и отрицало факт какого бы то ни было влияния [26, 1926, Д-8, д. 10, к. 10^е]. Как пишет К. Киммич, немцы подозревали, что бразильская неуступчивость «поощрялась, возможно, Италией и Францией, правительство которой имело мало оснований быть довольным достигнутым соглашением» [27, р. 84—86]. Из-за отсутствия публикаций французских дипломатических документов того периода трудно в точности установить, какую роль сыграла в этом вопросе французская дипломатия. В опубликованных документах министерства иностранных дел Англии имеются указания на то, что позиция Бразилии поддерживалась Италией ²⁶. Подобная точка зрения высказывалась также и в прессе того периода [26, 1926, Д-8, д. 10, к. 10а]. Есть, однако, основания предполагать, что главную роль тут сыграла Франция, инспирировавшая, в частности, и позицию Италии. Как указывал советский исследователь И. Иванов, большую роль в определении позиции Италии сыграло провокационное заявление Бриана о возможности получения Германией колониального мандата. Это, по мнению советского историка, «вызвало сопротивление Италии немедленному вступлению Германии в Лигу» [41, с. 116]. Анализ прессы также позволяет высказать предположение, что отсрочка принятия Германии явилась тонким маневром французской дипломатии. Открыто выступить против принятия Германии Франция не могла, так как это грозило бы срывом локарнских соглашений, которые должны были войти в жизнь только после принятия Германии в Лигу Наций. В этих условиях позиция Бразилии представляла собой «выход из положения». Так, «Курьер польский» писал 18 марта: «Не следует забывать об одном: Бразилия не принимала участия в Локарнских переговорах, имела поэтому свободные руки, а значит и в никакой нелояльности подозревать ее нельзя» [22, 18 III]. После окончания сессии Лиги в интервью парижской «Матэн» А. Скиншинский прямо заявил: «Я полон восхищения дипломатическим гением г. Бриана. ... Должен ли я добавить к этому, что возвращусь в Варшаву не только удовлетворенный, но и прибавив еще кое-что к нашему долгу в отношении Франции» [31, 18 III]. «Манчестер гардиан» поместила свой комментарий о мартовской сессии под заголовком «Как Бразилия спасла Францию» [28, 22 III].

Мартовская сессия явилась поражением британской дипломатии и в значительной степени дискредитировала политический курс, проводившийся английским министром иностранных дел О. Чемберленом. Как отмечал в интервью для советской печати народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин, «Женевская сессия есть... чрезвычайно серьезное поражение ... континентальной политики г. Чемберлена, имеющей целью превращение Англии в суперарбитра и в руководящую державу во всей Европе. Непосредственной причиной женевского краха были внутренние противоречия в самой политике г. Чемберлена. ...он сам запутался в противоречиях своей собственной политики, с одной стороны, стараясь противоположить Германию Франции, а с другой стороны, стараясь компенсировать Польшу за наносимый ей ущерб и создавая в ее лице противовес усиливаемой им же Германией» [12, т. 9, с. 204].

Женевские события отрицательно сказались и на авторитете самой Лиги Наций. В газете «Нью-Йорк таймс» от 19 марта сложившаяся ситуация оценивалась как «критическая для Лиги Наций, для Локарнских договоров, критическая для сэра Остина...» [26, 1926, Д-8, д. 10, к. 10а].

Отсрочка принятия Германии в Лигу тем не менее не означала, что за-

²⁶ См. телеграмму британского посла в Риме О. Чемберлену от 9 марта 1926 г. [23, р. 540—541].

мысли возвращения Берлина в так называемый европейский концерт были оставлены. Условия для осуществления этого плана должна была подготовить созданная комиссия, а тот факт, что Германия, не будучи членом Лиги Наций, приглашалась принять участие в работах этой комиссии, свидетельствовал о заинтересованности как Лондона, так и Парижа в положительном разрешении этого вопроса.

Сразу же после окончания сессии начались оживленные дипломатические контакты между Парижем, Лондоном и Берлином. Темой переговоров было предстоявшее в мае заседание комиссии по реорганизации Совета. Из высказываний французской печати можно было сделать вывод, что в Париже, по-видимому, оставили мысль о постоянном месте для Варшавы в Совете, ввиду сильной англо-немецкой оппозиции (см. [18, 4 III]). Посетивший Польшу в начале апреля влиятельный представитель французской дипломатии Поль-Бонкур говорил, что «когда Германия войдет в Совет Лиги Наций, там одновременно окажется Польша» [21, 11 IV] (см. также [22, 15 IV]). Между тем Комиссия по иностранным делам Сейма приняла в конце марта резолюцию, в которой указывалось, что Польша будет поддерживать свое требование постоянного места в Совете [18, 29 III].

10 мая в Женеве состоялось первое заседание Комиссии по реорганизации Совета. Обсуждение основных вопросов происходило на закрытых заседаниях, официальные отчеты о которых не публиковались. Как отмечала газета «Известия», «тон прений в комиссии напоминает мартовскую сессию Совета Лиги Наций» [6, 15 V]. По инициативе английской делегации на переговорах был принят порядок работы, исключавший какую бы то ни было дискуссию о постоянных местах и предполагавший обсуждение только вопросов, касающихся непостоянных мест. Проект реорганизации Совета представил лорд Сесиль. 17 мая этот проект с небольшими изменениями был принят в качестве основы для дальнейшей работы комиссии. В общих чертах он предусматривал увеличение непостоянных членов Совета со сроком полномочий в три года до девяти. На переходный период эти девять мест подразделялись на три категории со сроком полномочий в один, два и три года. По истечении мандата три непостоянных члена Совета могли быть избраны на повторный срок, если за их переизбрание выскажется при голосовании не менее двух третей Ассамблеи²⁷. Иными словами, в Совете создавались три полупостоянных места, что, по-видимому, было связано с тремя претендентами на постоянные места — Испанией, Бразилией и Польшей. Небезынтересно отметить, что польский представитель в комиссии голосовал и за принятие предложенного англичанами порядка работы комиссии, и за проект «в целом», в то время как представители Испании и Бразилии голосовали против предложенного регламента и отказались от участия в голосовании при принятии проекта [26, 1926, Д-19, д. 3, к. 3в].

Анализируя итоги работы комиссии, орган ППС «Работник» указывал, что Польша по сути дела лишается каких бы то ни было шансов на постоянное представительство в Совете [26, 1926, Д-19, д. 3, к. 3а].

10 июня 1926 г. Совет Лиги Наций одобрил представленный комиссией доклад²⁸. В конце июля польское правительство выдвинуло ряд возражений, касающихся проекта реорганизации Совета. В частности, польскую сторону не удовлетворяло то, что переизбрание на следующий срок должно было происходить по истечении первого срока полномочий, а не в начале, и к тому же было обусловлено согласием двух третей участников Ассамблеи. Недовольство Варшавы вызвал также пункт, касавшийся права Ассамблеи большинством также двух третей голосов производить перевыборы всех непостоянных членов Совета²⁹.

В Варшаве, по всей видимости, уже не рассчитывали на получение постоянного места в Совете Лиги Наций, однако правительство, пришед-

²⁷ Текст проекта Сесилия см. [24, 21 V].

²⁸ Текст доклада комиссии см. [40, № 7, Annex 887, p. 990—991].

²⁹ См. выступления министра иностранных дел А. Залеского в Комиссии по иностранным делам Сейма и в Сенате [20, 21 VII; 21, 23 VII].

шее к власти после переворота 15 мая, придавало большое значение избранию Польши в Совет на полупостоянное место. Об этом свидетельствует состоявшаяся 28 июля в Берлине беседа между депутатом Сейма социалистом Диаманом и Г. Штреземаном. Диаманд пытался склонить немецкого министра не чинить препятствий избранию и переизбранию на следующий срок Польши в Совет Лиги. При этом посланник Пилсудского фактически намекнул на возможные территориальные уступки [7, р. 390]. Санационному правительству, по-видимому, был необходим хоть какой-то дипломатический успех для стабилизации внешнеполитического положения режима.

Париж поддержал польские требования, направленные на пересмотр проекта Сесия. Повторного созыва комиссии и пересмотра проекта потребовала также Испания. Германское правительство выступило с энергичным протестом против этой тенденции. В создавшихся условиях начались новые дипломатические контакты. Целью переговоров, как писала 26 августа 1926 г. «Журналь де деба», было выработать систему, «которая бы удовлетворяла, с одной стороны, Германию, а с другой — Испанию и Польшу» [26, 1926, Д-3, д. 2, к. 2д].

Между тем польская пресса, примирившись с мыслью о невозможности получения постоянного места, требовала гарантий по меньшей мере долговременного участия Польши в работе Совета Лиги [20, 17 VIII]³⁰. Направляясь в Женеву на открывающуюся 6 сентября сессию Лиги Наций, А. Залеский заявил в Берлине на встрече с журналистами, что хотя Польша и не отказывается от требований постоянного места, однако, ввиду «сложной международной обстановки... не желает создавать новых трудностей... и может решиться на некоторые уступки» [24, 26 VIII]. Уже в Париже, в заявлении для печати, польский министр конкретно изложил условия, при которых Польша соглашалась на полупостоянное место: решение вопроса о переизбрании на следующий срок сразу же после предоставления полупостоянного места; пересмотр положения о праве Ассамблеи производить перевыборы всех непостоянных членов Совета [18, 30 VIII].

В период с 30 августа по 3 сентября проходили заседания Комиссии по реорганизации Совета. В итоге был одобрен проект, аналогичный, по сути дела, принятому в мае, но с дополнениями, главное из которых касалось переизбрания на новый срок полупостоянных членов. Согласно принятым положениям, вопрос о переизбрании должен был решаться Ассамблей в начале первого срока полномочий, но опять-таки с согласия двух третей участников Ассамблеи. Дополнения были приняты по предложению французской делегации. Комментируя результаты работы Комиссии, «Месажер полонэ» отмечала, что несмотря на сделанные оговорки, польский делегат в комиссии голосовал за принятие проекта, «дабы не осложнять и так довольно напряженную обстановку» [26, 1926, Д-3, д. 2, к. 2д]. 4 сентября состоялось заседание Совета Лиги, на котором был принят предложенный комиссией проект и определен порядок работы сентябрьской Ассамблеи. Здесь также не обошлось без небольшого «сражения». Так, шведский представитель выступил против предложения Бриана одновременно принять решение Совета относительно постоянного места для Германии и трех полупостоянных мест, одно из которых предназначалось Польше. Предлагалось вначале принять Германию в Лигу и Совет и только после этого рассмотреть вопрос о трех полупостоянных местах [36, 5 IX]. Явно имея в виду возможное вето Германии, «Эко де Пари» квалифицировала шведское предложение как попытку поставить под сомнение вхождение в Совет Польши [36, 5 IX]. В конце концов было принято предложение Бриана, что «Тан» назвала его личным успехом, которое должно исключить какую бы то ни было неожиданность [18, 6 IX].

6 сентября 1926 г. открылась седьмая сессия Ассамблеи Лиги Наций. Вопрос о приеме Германии в Лигу и о реорганизации Совета рассматривался на четвертом пленарном заседании, которое состоялось 8 сентября.

³⁰ См. также обзор польской прессы в «Тан» [18, 21 VIII].

Сразу после открытия заседания слово было предоставлено швейцарскому представителю Д. Мотта, который от имени Бюро Ассамблеи предложил, чтобы три пункта, стоявшие в тот день на повестке дня: 1) принятие Германии в Лигу Наций; 2) предоставление ей постоянного места в Совете; 3) увеличение числа непостоянных членов Совета до девяти — не передавались в комиссию для изучения, как это предусматривалось Уставом, а сразу же были бы одобрены Ассамблеей³¹. Делегации Голландии, Норвегии, Швеции выступили против этого. Норвежский делегат Хансен, в частности, заметил, что «...впервые сорок членов Лиги имеют возможность высказать свое мнение, а от нас требуют, чтобы мы одобрили это увеличение (мест в Совете. — *В. П.*) без обсуждения» [43, р. 34]. Тем не менее все три вопроса были поставлены на голосование. За первый пункт проголосовали единогласно. Таким образом, Германия становилась членом Лиги.

Когда на голосование были поставлены вопросы о предоставлении Германии постоянного места в Совете и об увеличении непостоянных членов Совета до девяти, то норвежский делегат недоуменно спросил: «Разве решено, что мы не направим этот вопрос в комиссию?». На что последовал ответ председателя Ассамблеи югослава Нинчича: «Это уже решено». И все присутствующие делегации единогласно проголосовали «за» [42, р. 36]. В первую комиссию Ассамблеи был направлен лишь вопрос о методе выборов непостоянных членов и режиме их мандатов.

14 сентября французская делегация предприняла ряд мер, которые должны были обеспечить переизбрание Польши в Совет на второе трехлетие. По предложению Лусера было сделано дополнение, суть которого заключалась в том, что во время голосования при переизбрании белые билеты, поданные воздержавшимися, не учитывались, что уменьшало абсолютную цифру необходимых для переизбрания двух третей голосов. Это предложение было принято 19 голосами против 15 [43, р. 14]. Под непосредственным давлением французской делегации (как записано в протоколе: «Après les explication de M. Loucheur...»)³² шведская делегация сняла свое предложение, которое ставило в зависимость от решения Ассамблеи, при секретном голосовании, назначение кандидатов на повторный срок избрания [43, р. 14]. Французам, однако, не удалось добиться отмены положения, касающегося права Ассамблеи назначить в случае необходимости перевыборы всех непостоянных членов Совета. Этот пункт поддержали, в частности, представители Англии и Италии [43, р. 16—17]. Тем не менее, принятый I Комиссией проект реорганизации Совета представлял собой успех французской дипломатии. «В этих условиях, — писала „Пти паризьен“, — не следует опасаться никакого сюрприза... Польша получит свое место с переизбранием» [26, 1926, Д-3, д. 2, к. 2e]. 15 сентября проект был принят Ассамблеей Лиги³³.

На следующий день состоялись выборы непостоянных членов Совета Лиги Наций. Польша была выбрана 45 голосами из 49. При голосовании на повторный срок Польша была единственным кандидатом³⁴ и получила 36 голосов [42, р. 83—84]³⁵. Сразу же после объявления итогов голосования министр иностранных дел Польши подошел к французским представителям и, как писала «Тан», долго обменивался рукопожатиями с Брианом и другими членами делегации [18, 17 IX].

Французские газеты были единодушны, оценивая избрание Польши как «победу французской дипломатии» и «личный успех г. Бриана» [18, 18 IX]. Парижская пресса также оптимистически комментировала результаты выборов в Совет. «Атмосфера на берегах озера Леман не англо-саксонская, и французская делегация не может быть изолирована», — указывала «Тан» [18, 24 IX]. Такую точку зрения вполне можно было разделить,

³¹ Речь Д. Мотта см. [42, р. 31—33].

³² «...после объяснений г. Лусера».

³³ Резолюцию Ассамблеи и текст принятого положения см. [43, р. 79—80].

³⁴ 8 сентября Испания заявила о своем решении выйти из Лиги Наций.

³⁵ Необходимое большинство в две трети, после вычета четырех воздержавшихся, составляло тридцать голосов.

если учесть, что из девяти непостоянных членов Совета четыре (Польша, Бельгия, Румыния и Чехословакия) считались официальными союзниками Франции. В Лондоне и Берлине результаты выборов были встречены с недовольством [44, 18 IX; 26, 1926, Д-3, д. 2, к. 2e].

Польская пресса приветствовала, хотя и довольно сдержанно, получение полупостоянного места в Совете. «Это является минимумом того, что Польша могла принять», — указывал «Курьер польски» [22, 17 IX]. Польша вопля в Совет, но «вероятно, это еще не победа», — вторил «Месажер-полонез» [26, 1926, Д-19, д. 3, к. 3c]. Практически все газеты отмечали, что постоянное представительство в Совете остается целью польской внешней политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никонова С. В.* Локарнские договоры. — В кн.: Европа в международных отношениях 1917—1939. М., 1979.
2. *Джордан В. М.* Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг. М., 1939.
3. *Чичерин Г. В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.
4. *Белоусова Э. С.* Европейские проблемы и дипломатия Парижа на рубеже 20 — 30-х годов XX в. — В кн.: Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. М., 1976.
5. *Турок В. М.* Локарно. М.—Л., 1949.
6. Известия, 1926.
7. *Les papiers de Stresemann. V. 2.* Paris, 1932.
8. Международная летопись, 1925, № 8—9.
9. *Bonnet G.* Le Quai d'Orsay sous Trois republique 1870—1961. Paris, 1961.
10. *Grabski W.* Dwa lata pracy u podstaw państwowości naszej (1924—1925). Warszawa, 1927.
11. КРР. Uchwały i rezolucje, t. 2. Warszawa, 1955.
12. Документы внешней политики СССР. Т. 8—9. М.
13. *Thimme A.* Gustaw Stresemann. Legende und Wirklichkeit. — *Historische Zeitschrift*, 1956, Bd. 181, Hf. 2, S. 287—338.
14. Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Serie B, Bd. I, 1. Göttingen, 1966.
15. *Donnadieu J.* La Lutte des aigles aux marches orientales. Allemagne et Pologne. Paris, 1939.
16. *Климовский Д. С.* Германия и Польша в Локарнской системе международных отношений. Из истории зарождения второй мировой войны. Минск, 1975.
17. *Vregman A.* La politique de la Pologne dans la Société des Nations. Paris, 1932.
18. Le Temps, 1926.
19. Le Messenger polonais, 1926.
20. Kurjer warszawski, 1926.
21. Kurjer poranny, 1926.
22. Kurjer polski, 1926.
23. Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Series I, A, v. 1. London, 1966.
24. The Times, 1926.
25. *Илюшина Р. М.* Лига Наций. — В кн.: Европа в международных отношениях 1917—1939. М., 1979.
26. Институт истории СССР АН СССР. — Научный архив, фонд 22.
27. *Kimmich Ch.* Germany and the League of Nations. Chicago — London, 1976.
28. Manchester Guardian, 1926.
29. *Никонова С. В.* Европейская политика Германии и ее вступление в Лигу Наций (1924—1926). — В кн.: Ежегодник германской истории, 1973. М., 1974.
30. *Carlton D.* Great Britain and the League Council crisis of 1926. — *The Historical Journal*, 1968, v. 11, № 2.
31. Le Matin, 1926.
32. *Никонова С. В.* Германия и Англия от Локарно до Лозанны. М., 1966.
33. *Scott G.* The rise and fall of the League of Nations. London, 1973.
34. Экономическая жизнь, 1926.
35. Le Quotidien, 1926.
36. L'Echo de Paris, 1926.
37. *Scelle G.* Une crise de la Société des Nations. La Reform du Conseil et l'entree de l'Allemagne a Geneve (mars — septembre 1926). Paris, 1927.
38. Survey of international affairs. 1926. By A. J. Toynbee. London, 1928.
39. Société des Nations. Journal Officiel. Supplement Special № 42. Genève, 1926.
40. Société des Nations. Journal Officiel, Genève, 1926.
41. *Иванов Л.* Англо-французское соперничество 1919—1927 гг. М.—Л., 1926.
42. Société des Nations. Journal Officiel. Supplement Special № 44. Actes de la Septième session ordinaire de l'Assemblée. Compte rendu des débats. Genève, 1926.
43. Société des Nations. Journal Officiel. Supplement Special № 45. Actes de la Septième session ordinaire de l'Assemblée. Seances des commissions. Procès verbaux de la Première commission. (Questions constitutionnelles et juridiques). Genève, 1926.
44. Правда, 1926.

ПАЩЕНКО Е.

СЛАВЯНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА НАЗОРА

Величие славянского мира, вера в его несокрушимость еще в прошлом волновали многих югославянских, в том числе и хорватских писателей. Достаточно вспомнить «барочный славизм» далматинских поэтов, идеи Юрия Крижанича, эпос Ивана Гундулича, фольклористическую деятельность Андрии Качича-Миошича и других просветителей, убеждения которых были подхвачены и находили воплощение в творчестве романтиков. Последовательным приверженцем и своеобразным интерпретатором славянской темы в хорватской литературе первой половины XX в. был один из ее крупнейших представителей Владимир Назор (1876—1949), поэт и прозаик, легендарный певец партизанской борьбы, первый президент Народной Республики Хорватии.

В обширной критической литературе о писателе, как при его жизни, так и в последних публикациях, вопрос отношения поэта к славянским культурам, национальному фольклору не получил должного освещения. В целом в хорватском литературоведении заметна тенденция сводить круг интересов писателя лишь к западноевропейской литературе, не замечая его глубокой и органической связи с отечественной и славянскими культурами. В одном из последних исследований, например, определяющими источниками творчества поэта названы книги древнегреческих, латинских и итальянских классиков, под впечатлением которых Назор «больше увлекался мифологической символикой, античной героикой и доблестью, чем банальными и чересчур приземленными картинами современной действительности» [1, с. 68], а в главе «Образцы подражаний и влияний» названы лишь западноевропейские классики и утверждается, что писатель находился под влиянием итальянской литературы.

Писатель сложный и противоречивый, Назор на протяжении полувекового творческого пути создал немало произведений [2]. Не все в его обширном литературном наследии равноценно, но ряд художественных произведений относится к лучшим достижениям хорватской литературы его времени. Один из самых эрудированных среди современных ему писателей, Назор был знаком со многими достижениями мировой культуры, обращением к которой он стремился обогатить хорватскую литературу. В осуществлении своих замыслов поэт на всех этапах творчества (хотя и в разной степени) использовал мотивы и сюжеты национальной, общеславянской культуры, особенно фольклора. В целом утверждение идей славянского единства является важным компонентом идейно-эстетических убеждений писателя и имеет прямое отношение к ведущим темам его творчества — национальное освобождение народа, вера в его лучшее будущее, призыв к единению, духовное родство братских славянских народов.

Приверженность Назора к этим идеям в значительной мере объясняется спецификой среды, в которой он формировался как человек и художник. «Я вышел из края далекого, мифов древних и светлых», — писал поэт в сти-

хотворении «Послание» [2, т. 2, с. 136]. Этим краем была Далмация, один из своеобразных регионов славянского мира, перекресток различных культур и традиций. Во второй половине XIX в. Далмация считалась наиболее отсталой из всех югославянских земель габсбургской империи, что особенно тяжело отражалось на положении крестьянства. В 90-е годы, годы вступления Назора в литературу, усилилось стремление к воссоединению с Хорватией, обострилось сопротивление шовинистической политике чужеземцев, повысился интерес творческой интеллигенции к национальной истории, фольклору, славянской культуре.

Возникновение представлений о славянстве у Назора, уроженца острова Брач, одного из наиболее бедных и экономически слабо развитых в Далматинском архипелаге, было связано с попытками еще в детстве определить собственную национальную принадлежность (в семье Назоров говорили на итальянском языке, что было типично для районов, подверженных итальянским влияниям). Толчком для рассуждений, как свидетельствует писатель в автобиографической новелле «Каменотес Анджело» (1924), явилось пренебрежительное отношение к подростку, «бедному славянину», как называл его заезжий итальянец, со стороны представителя большой соседней страны. Пробуждение национального самосознания уже в юношеские годы способствовало размышлениям Назора о судьбах славянства. Первыми представлениями в этой области Назор обязан отцу, скромному чиновнику, обладающему, однако, богатой культурой, и существенно повлиявшему на формирование эстетических вкусов будущего поэта. Духом панславизма были проникнуты его рассказы о том, как некогда хорваты, сербы, черногорцы и болгары, подобно неразумным детям, рассорились между собой и потому попали в рабство к завоевателям. Освободить же их призван сильный и всемогущий сородич с востока, который придет и разобьет одним ударом цепи рабства, и от которого они никогда не должны удалиться слишком далеко. «Так что, — говорил он мне, — нам нечего бояться. Этот див существует, могучий и непобедимый. Трепещут державы... рушатся престолы. Славия, сынок! Славия!» [2, т. 13, с. 136—137].

О преславянской ориентации среды, в которой Назор формировался, свидетельствуют и иные факты. Так, на острове Брач, острове без хлеба и воды, без дорог, без памятников и дворцов, даже без своих героев и пиратов, как отзывался о нем писатель [2, т. 15, с. 367—368], в конце XIX в. был установлен первый в мире прижизненный памятник Льву Толстому. Можно отметить и факты языкового характера: отдельные географические названия края имеют древнюю славянскую основу, в фольклоре Брача сохранилось немало архаических рудиментов, восходящих, как полагают некоторые исследователи, ко временам славянской общности [3]; писатель получает сравнительно редкое для этих, подверженных романокатолическому влиянию краев, имя — Владимир. В творческий арсенал поэта прочно вошла сказочная образность народных представлений о величии славянского мира.

В формировании подобных убеждений Назора не последнюю роль сыграл и национальный романтизм. Записи в дневниках свидетельствуют о том, что ему были близки высказывания Гердера о будущем славян. О себе он говорил в 1935 г. как о «романтике», который «вносит в... литературу и свою языческую злобу, и свою ярость», отмечая при этом детерминантную роль культурных традиций «родного славянского края». Среди славянских литератор Назор выделял русскую и особо творчество Л. Толстого, воспринимавшееся им как проявление «силы славянского духа» [2, т. 19, с. 125]. Приверженность поэта на определенном этапе его творчества эпохе романтизма объясняется не только эстетическими, но и идейными соображениями. Проблема национального освобождения югославян, доминирующая в творчестве «иллирийцев», не потеряла своей актуальности и во времена Назора. Уверенность в пригодности поэтического арсенала романтиков для отражения проблем современности способствовала стремлению поэта продолжать традиции писателей прошлого, обогащая их опыт культурными достижениями своей эпохи, что не

всегда находило поддержку и понимание со стороны определенной части критики. К реализму Назор пришел не сразу. В его творчестве до середины 20-х годов, как, впрочем, и в произведениях некоторых его современников (например, В. Цар-Эмина), национальный элемент превалировал над социальным. Причины закрепощения народа он усматривал в моральных недостатках крестьянства. Решение проблем поэт видел в объединении всех югославян, что связывалось с ориентацией на прошлое, с желанием возродить героизм в сознании народа. В прошлом Назор видел модель национальной, классовой, этнической гармонии. Его уход в историю, интерес к фольклору был обусловлен не бегством от неудовлетворяющей действительности, а желанием говорить о современности и будущем народа. Настойчивая устремленность в будущее, вера в его совершенство, это свойство фантастической сказки, которое Горький называл «изумительной способностью... заглядывать далеко вперед факта» [4], — выразительная черта художественного мышления хорватского писателя, проявившаяся, например, в его аллегорических новеллах и притчах «Великий Еж», «Стоименная», «Девичий город» и др.

Усиленный интерес Назора к традициям прошлого, славянской культуре, фольклору объясняется также его сложными взаимоотношениями с «хорватским модерном», неоднородным и противоречивым конгломератом тенденций, проявившихся с середины 90-х годов прошлого века. Хотя писатель и не принимал участия в острых дискуссиях поэтов модерна, по своим убеждениям он был ближе к той части творческой молодежи, которая, выступая против литературного космополитизма, пропагандировала произведения, связанные с проблемами современного общества, народным «духом». Это была так называемая «пражская» молодежь, ориентирующаяся на русскую, чешскую и скандинавскую литературы и выступавшая за сближение между сербами и хорватами, единение всего славянства. Менее близки ему были взгляды некоторых представителей «венской» ориентации, которые скептически относились к фольклору, национальной традиции, отстаивали принципы «чистого искусства», декадентских течений. В более поздние годы поэт решительно отрицал свою причастность к модерну, с которым связывал проявление упадничества, пассивность, отход от жизни. Критически осмысливая свой творческий путь накануне ухода к партизанам зимой 1942 г., Назор писал о себе: «Единственное утешает меня: как бы ни оценивался мой предыдущий труд, я никогда ни одной своей книгой не издевался над душой читателя, не бросал в него грязь, не проповедовал скептицизм и цинизм, не доводил до отчаяния и не утверждал безответственности; я утверждал жизнь — всюду, где только мог» [2, т. 19, с. 210].

Оптимистическими настроениями, пафосом жизнеутверждения исполнен его первый поэтический сборник «Славянские легенды» (1900). Во многих произведениях Назора заметно влияние его учителя Н. Нодило (1834—1912). Имя этого известного культурного деятеля и ученого демократических, антиклерикальных убеждений пользовалось большим авторитетом среди хорватской интеллигенции, а учение его существенно повлияло на подъем национально-освободительного движения в Далмации в 90-е годы. Назор увлекся филологическими исследованиями Нодило, в которых привлекался обширный материал русских мифологов и была сделана попытка воссоздать картину славянского Олимпа. Отсюда поэт, по личному признанию, черпал образы и сюжеты для своих произведений. Но особую ценность для него представляли политические концепции Нодило, который, выступая за единство хорватов и сербов, полемизировал с итальянскими историками по вопросам культуры Далмации, отстаивал идею о славянском своеобразии ее культуры и большей близости к древнегреческим, чем романским традициям. Помимо этого еще в студенческие годы Назор был глубоко увлечен русским героическим эпосом.

Все это сказалось на содержании, поэтике и образной символике названного сборника, состоящего из циклов «Боги», «Герои», «Вилы». И современные Назору поэты модерна обращались к мифам, но чаще всего их привлекала неславянская мифология [5]. По характеру осмысления исто-

рии Назор был продолжателем давней традиции восприятия прошлого как мифа, присущей уже первым памятникам хорватской письменности. В условиях угнетения народа в габсбургской империи поэт целенаправленно актуализировал идею былого величия славянства и всем своим творчеством словно бы оживлял древнеславянскую антитезу «мы — они», особенно характерную для приграничных славяно-неславянских зон [6]. В этой связи должно быть понятно то пристрастие, с которым далматинец Назор с отдаленного от центра югославянских национальных движений острова развивал на протяжении всего своего творческого пути антитезу «славяне — романцы и германцы», интересовался древней культурой, генезисом славян вообще и хорватов в частности.

Творчески интерпретируя мифы и легенды, автор стремился показать, что его край — не глухая провинция, а часть необъятного славянского мира. Воссоздавая картины героического прошлого, Назор пытался пробудить веру в свой народ, его национальное своеобразие, призвать к борьбе за освобождение. Стремясь создать крупные полотна, Назор обращается к различным приемам героического эпоса (например, к гиперболе — «Перун»). Часто его «легенды», подобно фольклорным произведениям, называются по имени главного героя («Дунай Иванович», «Илья Муромец»). Отдельные произведения, как, например, «Даждьбог», начинаются традиционным повествовательно-описательным зачином:

Над рекою бурной, на плодородных солнечных равнинах
Жил народ полянский [2, т. 1, с. 24].

Простым, близким к народному, языком поэт говорит не столько о древности, сколько о современном крестьянском быте. О глубине проникновения в фольклорное восприятие действительности свидетельствует «легенда» «Бог-пастырь», являющаяся поэтической трансформацией «пастушеского мирозерцания», понимание которого у Назора очень близко к воззрениям Ф. И. Буслаева. Русский ученый писал: «Среди явлений природы, так верили тогда, живет сам бог в великом своде..., в котором он пасет своих коров-облака, дабы небесное млеко — плодотворный дождь орошал и земные пастбища, на котором пасутся животные...» [7, с. 716—717]. Аналогичное миропонимание, но выраженное средствами хорватской народной лирики, мы находим и у Назора, повествующего о том, как «на ливадах небесных, полных ясной лазури... проплывают стада Велес-бога — коровы все сизые, алые; овцы белые, посеребренные... шли по пастбищу перед пастырем...» [2, т. 1, с. 50]. Здесь встречается и упоминаемая у Буслаева символика «ключей весны», которыми отворяются «золотые врата» и др.

Поэт не просто увлекался древнеславянской символикой: проникаясь «пастушьей философией», он сопереживал судьбам тех, «чьи руки в мозолях, а лица залиты потом» [2, т. 1, с. 51]. В поэтической «легенде» «Илья Муромец» демократическая нота выражена еще четче. Это не только любованье величием былинных героев, но и утверждение исторической роли народных масс. Как и в былинах, выразителем мощи народа здесь выступает Илья Муромец, «потомок рода селянского», «он рода батрацкого, сердцем не смеет быть горд». В русском эпосе Назора привлекали прежде всего народность, героизм, высокая поэтичность, а не «декоративно-стилизаторские тенденции сецессии», как склонен утверждать один из исследователей [1, с. 60].

Славянская география в «легендах» Назора обширна — от Урала, Днестра, Карпат, Дуная до Черного, Балтийского, Адриатического морей. Кроме русского былинного эпоса поэт использует мотивы чешского фольклора («Лозана»), хорватского («Бан Драгоня») и др. В форме сонета своеобразно воспет герой южнославянского эпоса Королевич Марко.

Первым сборником поэт программно противопоставлял себя той части «хорватского модерна», которая недооценивала народную культуру. Высмеивая в заключительном стихотворении «Песнь у источника» псевдо-страдания и «вздохательную» поэзию, увлеченность декадансом, он призывает своих современников обратить внимание на народное мирозер-

дание, устную поэзию как живительный «источник молодости и жизни». Однако холодный, эмоционально сдержанный Загреб — центр «аристократической миниатюрной лирической утонченности и рафинированной архитектурной сонетной формы в модернистской ориентации хорватского модерна» [1, с. 84] — не отозвался на призывы поэта с бедного острова, богатого лишь «мифами древними и светлыми», и сборник был обойден молчанием.

Но Назор, по его выражению, «не падал духом». Выбором мифа как средства эмоционально-эстетического истолкования мира поэт удовлетворялся и потому, что его привлекали возвышенный патетический стиль, единство идеи и формы, одухотворенность древней мифологии. Мифологизму поэта были чужды отрицательная, нигилистическая направленность, утверждение абсурдности миропорядка, что иллюстрирует, например, его крупная философско-аллегорическая поэма, названная по имени древнеславянской богини плодородия и земли, «Живана» (1902), в которой отражены вера в победу труда, триумф гуманизма. Влияние архаических форм художественного мышления проявилось в ведущих идеях, системе образов, представляющей собой целый пантеон древнеславянских богов, героев, исторических личностей. Здесь присутствуют Свантевид, Лада, Заря, Перун, Ярило, Стоянбог, мифологические олицетворения злых и добрых сил; упоминаются «золотые ключи весны», «древо жизни», что растет посреди мира; символические реки, былинные герои, Киев, князь Владимир, богатырь Святогор и т. д. Все это необходимо было автору для утверждения ключевой идеи, выраженной в эпилоге, где поэт устами Перуна обращается к славянским племенам, призывая их к единству в борьбе с посягателями на их свободу.

В последующих сборниках — «Хорватские короли» (1904), «Древние истрийские баллады» (1905), «Истрийские города» (1907), «Лирика» (1910), «Новые песни» (1913) и ряде прозаических произведений «истрийского периода» (1903—1918) с особой настойчивостью развивается известная антитеза («мы — они»). Объясняя позже причины своего усиленного интереса к фольклору Хорватии, Назор указывал на их политический характер. Своим творчеством он стремился противостоять тенденциозной интерпретации хорватской истории со стороны зарубежных, прежде всего итальянских, буржуазных историков, утверждавших несамобытность далматинской культуры, «мягкодушие», слабоволие славян. В ряде художественных и публицистических произведений Назор полемизировал с итальянским поэтом Д'Аннунцио, известным своими антихорватскими настроениями и призывавшим к захвату югославянских приадриатических городов, а в годы первой мировой войны лично участвовавшим в бомбардировке Риеки. Если Д'Аннунцио превозносил римскую мифологию, Назор обращался к древнеславянской символике, стремясь подчеркнуть силу, богатство, общность славянской культуры от Адриатики до русских степей, поясняя: «Наши мореходцы бороздили Адриатику еще до того, как ее захватила Венеция. Мои Одноглазые и Псоглавцы сошли с нами с далеких гор, моя Халугица — сестра Русалок там, на севере, мои Парнокопытные знали когда-то равнины без конца и без края». При этом он обращает внимание на безжизненность мифологизма итальянца: «В твоих мифах нет боли твоего народа, как нет и того, что гонит вашу бедноту на чужбину, на унижения и нищенствование» [2, т. 18, с. 98].

Ноты социального протеста звучали и в ранних произведениях писателя, например, в одной из его лучших новелл — «Бопшкарине» (1909). Создавая реальную картину тяжелого положения крестьянства, угнетаемого итальянскими, австрийскими и отечественными эксплуататорами, Назор стремился дать обобщенный образ родины как символа плодородия, неуничтожимости и сопротивления. С сочувствием повествует он о «бедном и озабоченном» куме Зване, сына которого забрали в рекруты, последнюю кормилицу — корову Бопшкарину пришлось отдать за бесценек. Господа из «комиссии по премированию скота» глумятся над его невзрачной Бопшкариней, презрительно именуя ее «истинным выражением возможностей и экономической силы этого народа» [2, т. 11, с. 95].

И здесь Назор обращается к испытанному арсеналу славянского фольклора и литературы. Проникая в психику героя, раскрывая идейный замысел и развивая сюжет, он использует устные хорватские рассказы о «мраке» (силе, олицетворяющей тьму). Согласно истрийским народным верованиям, он блуждает ночами по дорогам и, обращаясь в животное, причиняет путникам немало хлопот. Отмечая в произведении Назора близость эпизодов с «мраком» к фольклорным образам, которые автор черпал из соответствующих сборников, фольклористы указывали одновременно и на существенные несоответствия в трактовке демонических персонажей фольклорным вариантам. Такие детали, как «превращение» героев в темную силу, преследующую кума Зване, не типичны для народных поверий Истрии, где эта сила не вселяется в человеческое существо [8].

В данном случае на сюжетной канве произведения сказалось влияние рассказов Н. Гоголя, что не было замечено исследователями. Творчество русского классика сыграло видную роль в развитии хорватской, сербской и словенской литератур минувшего столетия, не утратило оно значения и для писателей начала века. Назора привлекали ранние рассказы Гоголя, насыщенные колоритным украинским фольклором, в котором он мог видеть немало аналогий с фольклором хорватским. Определенные сюжетные и образные детали «Бошкарины» перекликаются с повестями из «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Так, «красная свитка» в украинской народной демонологии типологически родственна распространенному в Хорватии и Словении существу в «красной шапочке» — «мадичу». Описания появляющейся ночью нечистой силы в «Бошкарине» аналогичны эпизодам из «Вечеров...». Как и в «Сорочинской ярмарке», у Назора после неудачной торговли герой оказывается в корчме, а последующие фантастические события разыгрываются на пустынной дороге среди ночи. У Гоголя «страшная свиная рожа выставилась, поводя очами...» [9] на пришедшего в ужас пьяного Черевика; у Назора пьяный кум Зване видит, как «свиные рыла торчат между ветвей, зубы скалятся, глаза горят...» [2, т. 11, с. 87]. Все кошмарные ситуации Назор, как и Гоголь, связывает со сном, от которого кума Зване, как и гоголевского Черевика, пробуждает жена. Обе супруги находят горемычных мужей спящими в канавах. Не соответствующие истрийским поверьям эпизоды превращения человеческих существ во «мрак» имеют аналогии с соответствующими эпизодами из «Вечеров накануне Ивана Купала». Так, гоголевский хуторянин Басаврюк, «дьявол в человеческом образе», сродни назоровскому Бацану, часто превращавшемуся «в пса, чтобы совершать насилия над ночными путниками» [2, т. 11, с. 89].

Не только образные, сюжетные детали, но и эпичность, ритмика, внутренний «дух» новеллы хорватского писателя свидетельствуют о ее близости прозе Гоголя. Однако эти аналогии не свидетельствуют о простом подражании. Произведение Назора исполнено национальным своеобразием. Различие с Гоголем обнаруживается, в частности, и в трактовке дальнейшей судьбы героя. Назор не пронизирует над крестьянином, а пытается выразить его чаяния, что нашло выражение и в финале произведения. Стремясь опозитизировать крестьянский труд, высмеять чужеземцев, далеких от страданий хорватского народа, писатель в кульминационный момент новеллы вводит сказочный прием гиперболизации. На глазах у господ, потешавшихся над коровой бедняка, вдруг происходит нечто удивительное: «молоко потекло само, не переставая бить четырьмя фонтанами... Словно ключ забил из четырех источников, в четыре ручья из камня горного... Журчит молоко о поте крестьян, о силе их мышц, о бодрости их духа, который умеет все перетерпеть и снести» [2, т. 11, с. 97—98].

В литературоведении не освещен вопрос о происхождении несколько необычного образа Бошкарины, которым автор выразил мечту кметов о богатой, изобильной жизни. Мы сталкиваемся здесь с переосмыслением одного из популярных персонажей древней мифологии и волшебных сказок — чудесной корове, сосцы которой являются неистощимым родником блага. Описание фантастической коровы у Назора можно соотнести с ее характеристикой в работах Ф. И. Буслаева, упоминающего в исследова-

ниях по древнеславянским верованиям волшебную корову, «которой по смыслу соответствует рог изобилия» [7, с. 664]. А. Афанасьев также говорит о чудесном молоке сказочной коровы [10]. О том, что работы русских мифологов были хорошо известны в Хорватии, свидетельствуют как публикации Н. Нодило, так и творчество современной В. Назору детской писательницы И. Брлич-Мажуранич, черпавшей мотивы и образы из этих исследований.

Социальные мотивы звучат и в некоторых стихотворениях Назора, возникших после 1918 г., ставшего важной вехой в хорватской литературе. Хотя сведения о революционных событиях в Петрограде с трудом проникали на Балканы, а тем более в отдаленную Истрию, где Назор работал педагогом, он проявлял к ним живой интерес. «Мы разговаривали об Октябрьской революции в России и о событиях, связанных с ней, — вспоминает один из современников писателя. — Хотя мы знали тогда немного, но понимали, что там зарождается что-то новое и значительное для будущего и славянства, и всего человечества» [11].

Среди первых вестников о России были простые крестьяне, возвратившиеся с фронтов, где происходили братания, ширились антимилитаристские настроения. Ленинская миролюбивая политика, о которой югославы могли узнать из непосредственных контактов с большевиками на фронтах, находила широкую поддержку среди крестьянства, получала отражение и в фольклоре. Так возникают различные устные рассказы, в которых вождь международного пролетариата выступает в духе народных представлений о защитнике бедняков (что находит отражение и в литературе, например в творчестве М. Крлежи на антивоенную тему). Показательны в этом отношении и строки крестьянина, участника войны Г. Туркаля из его сборника «Хорватские народные военные песни (1914—1918)»:

Jedno jutro befel nama stiže
Da se više vojska ne bije;
Best-Litovskom o miru govore
I mirovne slažu ugovore...

Приходит утром к нам мандат,
Чтобы больше не воевал солдат.
О Брест-Литовском мире идут разговоры
И мирные составляют договоры...

Автор повествует о том, как наконец «бедняки перестали кровь проливать», о братаниях хорватов с русскими и о том, как большевики агитировали за утверждение рабочей власти [12].

В духе народных песен, обращаясь прежде всего к устной истрийской лирике, в которой нашло отражение народное отношение к войне, Назор создает на диалекте свой известный «чакавский» цикл стихов, вошедший в сборник «Лирика» (1918). По глубине реализма, драматизму ситуаций этот цикл относится к лучшим антивоенным произведениям в хорватской поэзии того времени.

Между тем события, наступившие в стране после 1918 г. (объединение югославы в единую державу), не оправдали ожиданий поэта. Последствия войны тяжело отразились на состоянии народа и общественной жизни; монархический режим постепенно усиливал реакцию. Началось «грязное, разнузданное, кровавое, пьяное время политических преследований и убийств» [13]. Романтическая символика уже не находит отклика в читательской аудитории. Тяжело переживая крушение своих идеалов, Назор все более замыкается в себе, в его произведениях появляются ноты мистицизма, натурализма. Но и в эти годы поэт не утрачивает интереса к славянским культурам. Его интимная лирика характеризуется сочетанием символистических образов и сюжетов с фольклорными элементами, что сближает его с русскими символистами. Так, поэтическая драма «Снежная госпожа» (1918), насыщенная импрессионистскими тонами, имеет фольклорную основу — русскую сказку «Снегурочка». Рассказывая о принятии христианства западными славянами, Назор в повести «Аркун» (1920) развивает тему мужества и храбрости славян в древности.

Перелом в творчестве писателя наступает с середины 20-х годов, когда под влиянием мощного процесса демократизации хорватской литературы создаются реалистические новеллы Назора о детстве, где отражена и его прославянская ориентация, роль и значение фольклора родного края

в формировании его идейно-эстетических убеждений. В начале 30-х годов наметилось сближение Назора с Крлежей, с литературой «социального реализма», однако он по-прежнему стоял в стороне от общественной деятельности. Стремясь «по-своему» выразить судьбы народа, он создает роман-эпопею «Пастырь Лода» (1938, дополненное издание — 1946 г.), в котором повествует о национальной истории со времен заселения Далмации славянами до периода борьбы с фашизмом. На страницах романа продолжается скрытая полемика писателя с шовинистическими претензиями итальянских историков на Далмацию, особенно усилившимися в годы разгута фашистского режима.

По мнению Назора, древние славяне пришли с Карпат и укоренились на адриатических берегах, восприняв остатки эллинской культуры, выразителем и носителем которой выступает в романе античный фавн, принявший имя и облик хорватского пастуха. Стремление проследить слияние античного и славянского элементов в сознании и характере далматинского крестьянина на фоне многочисленных исторических событий и явилось основной задачей автора. Материалом для создания образа главного героя, бессмертного пастуха, являющегося собирательным образом народа, послужили фольклорные представления о родовом защитнике, «мадиче», широко распространенные на острове Брач. Образ этого персонажа «низшей мифологии» типологически родственен античному сатиру, что писатель и положил в основу доминантной идеи духовного родства древнегреческой и древнеславянской мифологии (аналогичные мысли развивал его учитель Н. Нодилю, русские мифологи).

Именно в эти годы, когда в условиях нарастающей фашистской угрозы взоры передовой интеллигенции были обращены к Советской России, Назор делает записи в дневниках о силе славянского мира, говорит о влиянии на него Л. Толстого, в известной мере выразившемся в обращении к жанру романа-эпопеи, ранее не присущему творчеству Назора. Широко привлекая богатые фольклорные источники родного края, автор вносит в текст и легенду о крестьянах, расстрелянных наполеоновскими оккупантами за их симпатии к пребывавшим на острове русским морякам. В описании расправы сохранено народное толкование события: после раздавшихся выстрелов «две голубки взлетели оттуда, покружились и улетели вдаль... Народ в Боле до сих пор рассказывает, что произошло чудо. Были эти две птицы душами невинно убиенных» [2, т. 15, с. 269].

Следует отметить, что прославянские убеждения автора далеко не всегда вызывали симпатии в современном обществе. По замечанию его биографа М. Жежеля, итальянские власти не без подозрения следили за национально-патриотической деятельностью хорватского писателя в Истрии. Комментируя в дневниках свою работу над романом «Пастырь Лода», писатель приводит и текст полученного им письма, пестрящего ругательствами по поводу его «русофильства», проявившегося, в частности, в упомянутой главе «Чудо в Боле». Однако Назор не отказывался от своих убеждений. Сопrotивлялся он и попыткам усташей склонить его к сотрудничеству с фашистами в оккупированном Загребе. Дневники писателя свидетельствуют о его нарастающей тревоге в обстановке фашистского разгута, о принятии им решения уйти в горы к партизанам, что он и осуществляет в конце 1942 г. вместе с молодым поэтом Иваном Гораном Ковачичем. «Назор, — вспоминал знавший писателя М. Рыльский, — в преклонном возрасте вышел из захваченного фашистами Загреба в то время, как, по его собственному выражению, „мышь не могла убежать из города“, — вышел, чтобы разделить с партизанами их боевые труды» [14]. Еще накануне ухода поэт создает «Пастушьи напевы», в которых говорит о «чуде», произошедшем в горах: «пастухи встретились у источника», чтобы вновь возратить свою славу, изгнать «волков» и водрузить «новую хоругвь на вершине». Этими стихами поэт аллегорически приветствовал борьбу партизан и героев «с Волги, с Вислы и Влтавы» [2, т. 5, с. 262].

Хотя о творчестве Назора периода народно-освободительной борьбы написано немало, осталась нераскрытой одна из существенных особенно-

стей — связь его произведений с партизанским фольклором. Это время знаменательно исключительным подъемом творческой активности народных масс. Среди разнообразных песен в югославском партизанском фольклоре активно функционировали и некоторые варианты советских песен, а такие, как «Шел отряд по берегу...», «По долинам и по взгорьям...», «Там вдали за рекой...», на мелодия которых воспевались подвиги героев антифашистского сопротивления, популярны и сегодня.

Непосредственно после прихода к партизанам Назор на фольклорной основе создает песни-марши «Красная звезда», «Пулемет» и другие, быстро вошедшие в репертуар бойцов. Как и в «лесном» творчестве (выражение Назора), где нередко воспевается красная Армия — освободительница, поэт развивает этот мотив в ряде произведений. В стихотворении «Див-Кормилец» создан аллегорический образ могучего и несокрушимого славянского собрата, несущего «Солнце Восточное». К нему, выражая надежды партизан на помощь советской авиации, и обращается поэт: «Ты, что носишь в волосах своих // Ветры, а душу — в степях... // В очах, подобных двум морям, — // Урал и Кавказ... // Не минуй наш лес этой ночью, // Не заметив наш голод и жажду нашу! // ... Все мы так давно тебя ждем, мы — капля // Твоей крови. // Взгляни на нас: мы так изнурены, у нас нет ни крохи хлеба...» [2, t. 6, s. 87]. «Див» внимает зову и, видя партизан — живых и мертвых, детей и вдов, стариков и раненых, — протягивает им руки: «ладони те широкие, которые... // Пахнут полями Украины бескрайной. // Неистошимый голод, голод тела и души // Те руки насытили» [2, t. 6, s. 88].

В новом качестве — трибуна, пропагандиста и наставника предстает Назор в партизанской публицистике. Его динамичные, вдохновенные выступления перед бойцами, ранеными, крестьянами являются составной частью югославской антифашистской литературы. В речи, обращенной к партизанам, поэт говорит о страданиях народа и его упованиях на освободителей, призывая: «В ваших силах теперь эту надежду оправдать. Мы должны брать пример с коммунистов России» [2, t. 17, s. 117]. В беседе, названной «Славянство Петра Прерадовича», он, повествуя о дружбе народов, осуждает повинизм, находит примеры дружбы югославын в литературе прошлого. В «Послании сербам» и других «посланиях» поэт утверждает идеи новых братских взаимоотношений народов, закаленных в общей борьбе.

Стремясь быть доступным, Назор стилизовал свои беседы в духе народных сказов, что сближает его с такими советскими поэтами, как А. Сурков, А. Твардовский, П. Тычина и др. В речи «Пламенеют сердца», обращаясь к героическому прошлому славянства, поэт развивает идеи освободительного наступления Красной Армии. Об ораторском мастерстве Назора и о заинтересованности слушателей свидетельствует стенограмма его выступления перед жителями одного из освобожденных от захватчиков местечек. Призывая слушателей вливаться в ряды народных мстителей, Назор рассказывает о новых победах советских воинов: «Русские опять разгромили немцев и заняли Киев — город славных традиций... Старого Киева теперь нет... Киев изменился, стал современным, но Илья Муромец, та сила русская, тот символ крестьянства и всех тружеников, тот див... живет в Киеве, хотя немцы и опустошили город... Он вновь шагает по земле, но не на восток, а на запад. Стоит ему, товарищи, лишь шагнуть, и он переступит не только Днепр, но и Днестр. Достигнет Карпат и перешагнет их. Тогда кое у кого сердца затрепещут от страха, наши же — от радости. (Оживление в зале, аплодисменты. Возгласы: „Скорей бы уже!“). Я предвижу это... Нет ничего невозможного для Ильи Муромца, того прежнего мирного пахаря и бунтовщика, который потянулся к царскому престолу..., сотряс его и разбил вдребезги, затем рабочего, который покрыл широкую Россию сетью железных дорог и выстроил повсюду фабрики и мельницы, где для каждого мелется пшеница (аплодисменты), и, наконец, война, который сегодня беспощадно изгоняет со своей земли напуганного немца... Это наш, товарищи, исполин, который приближается к нам с востока. Да, это он — Илья Муромец!» [2, t. 20, s. 51—52].

После освобождения Назор не прекращал своей деятельности по укреплению дружбы между странами народной демократии. Как президент Народной Республики Хорватии он активно выступал за упрочение единства между нашими народами. В «Приветствии делегатам братских славянских государств» — участникам славистического съезда (Белград, 1946) он особо подчеркивал важность укрепления давних традиций славянского единства, являющегося залогом «нашей безопасности, нашего будущего» [2, t. 20, s. 206].

В «Гимнах и Одах» (1947—1948) поэт приветствует свободу, говорит об эпохальных преобразованиях в странах социализма («Тройка», «Два древних образа», «Песня рабочего»), воспекает совместную борьбу советских и югославских воинов («Две Армии») и т. д.

Среди последних записей в дневниках Назора находим и такие слова: «Вчера вечером я был на праздновании 800-летия Москвы. Все-таки кое-что важное на этом собрании не упомянули... Москва всегда жила своим внутренним миром, дышала своим дыханием... Нигде сущность русского народа не проявилась с такой глубиной, как в ней... Древний, но омолодившийся город пламенеет и сегодня новым огнем и светом на вершине не только славянского мира, но и всего человечества» [2, t. 19, s. 222—223].

Писатель умер 19 июня 1949 г. и был похоронен со всеми почестями, как классик литературы, партизанский поэт и крупный государственный деятель. На протяжении всего своего пути Назор неустанно выступал за национальную независимость, братское единство славянских народов. Обращение к этой теме является одной из существенных, хотя и не единственной, особенностью обширного художественного наследия писателя. Утверждая идеи дружбы между славянами, между всеми народами, Владимир Назор явился одним из продолжателей лучших традиций литературы югославян.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mihanović N.* Pjesničko djelo Vladimira Nazora. Zagreb, 1976.
2. *Sabrana djela Vladimira Nazora.* Zagreb, 1977, 21 t.
3. Folklor otoka Brača. — *Narodna umjetnost*, 1974/75, № 11—12, s. 5—518.
4. *Горький М.* Собрание сочинений в 30-ти т. М., 1953, т. 25, с. 86.
5. *Vičetić S.* Vladimir Nazor. Čovjek i pisat. Zagreb, 1976, s. 53.
6. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1975.
7. *Буслаев Ф. И.* Сравнительное изучение народного быта и поэзии. — *Русский вестник*, 1872, № 10.
8. *Istarske narodne priče* (Red., uvod i komentar M. Bošković-Stulli). Zagreb, 1959, s. 212.
9. *Гоголь Н.* Полн. собр. соч. Т. I. М., 1940, с. 127.
10. *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1865, с. 674—675.
11. *Тomašić K.* Odluka dvaju pjesnika. — *Riječka revija*, 1968, № 3, s. 190.
12. *Povijest hrvatske književnosti* (Pučka književnost). Zagreb, 1978, knj. 1, s. 596.
13. *Vičetić S.* Hrvatska književnost 1914—1941. Zagreb, 1960, s. 80.
14. *Рильский М.* Вечірні розмови. Київ, 1964, с. 142.

СВИРИДА И. И.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

(на материале стран Центральной и Юго-Восточной Европы)

Социально-исторические процессы, связанные с формированием наций у народов Центральной и Юго-Восточной Европы, зарождением и утверждением здесь капиталистических отношений, вызвали преобразование всех сторон общественной жизни. Затронули они и сферу художественной культуры. Возникающий в эту эпоху новый тип духовно-практического освоения мира нашел отражение в тех глубоких изменениях, которые происходят в творчестве, внутренней организации и функциональных взаимосвязях художественной культуры в целом.

Развитие художественной культуры у народов данного ареала, в большинстве своем лишенных в то время государственности, имело особое значение для их национального самоутверждения, служило одной из важных форм становления национального самосознания, выражением антифеодалных, национально-освободительных идей.

Историческая действительность пронизывает каждый акт художественного творчества, определяет судьбы произведений и их создателей, характер взаимосвязи мастера и общества, произведения и публики. Из объективной реальности существования художественной культуры вытекает необходимость ее рассмотрения как части общественно-исторического развития. Вместе с тем, стремясь к комплексности и полноте исследования самого исторического процесса формирования наций, перехода от феодализма к капитализму, необходимо принимать во внимание и область художественной культуры. История занимается изучением развития человеческого общества, этого «единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса» [1, т. 26, с. 58]. Частью этого единого и разностороннего процесса является художественная культура.

Нужно сделать несколько предварительных замечаний относительно термина «художественная культура». Практически не употребляемый в зарубежной науке¹, он появился в советской искусствоведческой литературе на рубеже 20—30-х годов как обозначение совокупности различных видов творчества [2]. Мало популярный в 40—50-е годы (не случайно даже как словосочетание его не фиксировал семнадцатитомный академический Словарь русского языка), он все чаще начал употребляться в 60-е годы, применяемый, правда, в разных смыслах — то относительно лишь пластических искусств, то, по-прежнему, как совокупность всех видов

¹ Отсутствие в зарубежной науке понятия «художественная культура» не означает игнорирование всего круга ее явлений. Согласно традиции, они объединяются устойчивым понятием «искусство» — art (фр.), art (англ.), Kunst (нем.), sztuka (польск.) и др.

творчества. Однако в целом введение этого понятия свидетельствовало о стремлении искусствоведения выйти за рамки изучения отдельных видов искусства. Не отрицая значение и дальнейшую целесообразность такого рода работ, ученые все острее ощущали необходимость в целостном рассмотрении процесса развития художественной культуры, что получило выражение в интересе к параллельному исследованию различных искусств [3], в желании показать их историю в широком контексте общественно-исторических и культурных событий [4], раскрыть взаимосвязь художественной и других областей деятельности [5; 6]. Становилось все более ясно, что изучение художественной культуры не может быть ограничено лишь проблемами собственно художественного творчества (этот вывод вытекал и из анализа трудов, посвященных славянской культуре [7]).

Развитие научной мысли шло не только в сторону расширения объекта исследования, но и по пути осознания его взаимосвязи с культурой в целом. В этом плане важным было издание трудов М. М. Бахтина, осуществленное в 60—70-е годы. В них утверждалась необходимость изучения искусства «путем систематико-философского обоснования факта и своеобразия искусства в единстве человеческой культуры» [8]. Актуальным оказалось и сформулированное Бахтиным положение о том, что явления искусства нужно соотносить не непосредственно с социально-экономическими факторами, а с учетом его включенности в общую систему культуры данного общества [9].

Для уяснения взаимоотношения художественного творчества и общества, автора и общества, произведения и зрителя существенную роль сыграла публикация написанной в 1925 г. книги А. С. Выготского «Психология искусства», в которой показано, что «искусство есть также важнейшее средоточие всех биологических и социальных процессов личности в обществе, что оно есть способ уравнивания человека с миром» [10].

Большое значение для придания понятийной конкретности термину «художественная культура» в 60-е годы имели работы социологов, сосредоточивших внимание на проблеме функционирования искусства [11, 12]. Осознается необходимость использования для анализа художественных процессов опыта различных наук — искусствоведения, философии, истории, социологии, психологии, семиотики, теории информации и пр. [13—15]. В результате в понятие «художественная культура» оказались включены, наряду с развитием творчества, и процессы распространения, хранения и освоения художественных ценностей [16—18]. Тем самым создавалось представление о художественной культуре как сложно функционирующем организме. Дальнейшим шагом стало осознание системного характера деятельности этого организма, т. е. взаимосвязанности составляющих его частей, их структурно-функциональной константности [19]. Такой подход к трактовке явлений художественной культуры отражал развитие советской философской, историко-культурной мысли, которая с рубежа 60—70-х годов все больше утверждает на позициях интерпретации культуры в целом как комплексного, системного явления, хотя в определении ее структуры существует большое разнообразие мнений [20—27].

В системном подходе могут быть выделены два аспекта: один — это «изучение культуры как части макросистемы общего социально-исторического процесса, второй — изучение ее в качестве самостоятельной системы, в свою очередь, включающей ряд подсистем» [28].

Одной из этих подсистем и является художественная культура — образно-эстетическое познание окружающей действительности, с первых шагов человеческой деятельности выступающее столь же необходимым элементом, как производственно-бытовое и обобщенно-теоретическое освоение мира. Художественная культура каждой эпохи — это исторически обусловленный комплекс структурно-зависимых компонентов, включающий как совокупность созданных и освоенных ею художественных ценностей, так и процессы и институты, обеспечивающие создание, распространение, хранение и освоение этих ценностей.

Эти области между собой неразрывно связаны. Нельзя рассматривать

первую из них как «высокую» сферу художественных идей и ценностей, а вторую лишь как «служебную», выполняющую подсобную роль трансляции и распространения этих ценностей в обществе. Как в произведении искусства неотделимы форма и содержание, так и в художественной культуре в целом художественные ценности и способы их создания и бытования в обществе неразрывно связаны. Между системой ценностей и типом культурных институтов каждой эпохи существует соответствие. Новые художественно-культурные идеи, общественные сдвиги с неизбежной закономерностью проявляясь в творчестве, ведут и к преобразованию форм его создания и бытования, к изменению облика художника, культурной аудитории, ее среды и уровня. Эти факторы влияют друг на друга, свидетельствуя об их взаимозависимости. Так, в эпоху формирования наций подъем национального самосознания, отражаясь в художественном творчестве, рождает и новую по характеру культурную аудиторию, новые формы художественной жизни, взаимодействия мастера и общества, в конечном итоге ведет к изменению всего характера художественной культуры, преобразая все ее области [29, 30]. Формы художественной жизни, как и характер художественного творчества, связаны с социальным, политическим состоянием общества, его мировоззрением, уровнем философского и идейно-эстетического освоения мира. Возникновение общедоступных музеев — это не просто появление нового обиталища картин, а реализация в формах художественной жизни принципа естественного равенства людей, сформулированного в годы идейного созревания буржуазных революций, это и новый подход к восприятию художественных ценностей, новая оценка роли художника и т. д. В условиях иноземного угнетения основание национального музея — это, как и художественное творчество, также форма выражения национально-патриотических, национально-освободительных идей.

Вместе с тем, убедительной является точка зрения, что именно художественное творчество является основным структурообразующим элементом художественной культуры [22, с. 191].

Художественная культура, являясь системой, сама может быть представлена как «система систем» [31], одной из сложнейших среди которых является художественное творчество [32], каждое произведение которого, в свою очередь, может быть рассмотрено как система [33]. Это дробление может быть продолжено. От того, на уровне каких структурных единиц будет вестись исследование, и зависит его «жанр». При рассмотрении системы собственно художественного творчества оно будет искусствоведческим, литературоведческим [34]. Для изучения же художественной культуры как целого ² необходим комплексный подход, в основе которого должна быть интердисциплинарность, понимаемая не в качестве механического суммирования отрывочных знаний, полученных при помощи различных наук, а дающая качественно новое представление о явлениях в их целостности [35]. Именно такого рода интердисциплинарность и должна лежать в основе историко-культурного подхода к исследованию художественной культуры. Он открывает путь к ее изучению как единой системы в ее синхронных параметрах и в исторической эволюции.

Если принять, как это утвердилось в науке, что основными характеристиками системы являются элементность, связь и целостность [36], то следует признать, что художественная деятельность с самого начала может быть рассмотрена как система. Компоненты, без которых художественная культура не может существовать, показал уже Гегель. Говоря об искусстве как форме познания абсолютного духа, он писал, что она... «распадается на произведение, имеющее характер внешнего, быденного, наличного бытия, — на субъект, его продуцирующий, и на субъект, созерцающий его и перед ним преклоняющийся» [37].

² Это направление исследований Ю. А. Лукин считает самостоятельной областью знания и называет ее «теорией художественной культуры», выделяя в ней следующие основные разделы: общая теория художественной культуры, история художественной культуры, социология художественной культуры, экономика художественной культуры, руководство художественной культурой [27, с. 34].

На протяжении исторического развития культуры эти три компонента и характер связи между ними подвергаются глубоким изменениям, что и составляет суть внутреннего развития системы художественной культуры. Постепенно «продуцирующий» и «созерцающий», пользуясь терминологией Гегеля, все больше разделяются во времени и пространстве, между ними возникают социальные, психологические барьеры, рождается потребность посреднических форм связи. Структура этого посредничества обнаруживает постоянную тенденцию к разрастанию. Это разрастание системы культуры находит выражение не только в увеличении числа ее компонентов, но и в усложнении их связи между собой и с обществом в целом. Как писал Плеханов, «чтобы понять танец австралийской туземки, достаточно знать, какую роль играет собирание женщинами корней дикорастущих растений в жизни австралийского племени. А чтобы понять, скажем, менуэт, совершенно недостаточно знания экономики Франции XVIII столетия» [38].

Эпоха формирования наций, капиталистических отношений, знаменовавшая складывание этносоциальной общности нового типа, сопровождавшаяся перестройкой социальной структуры общества, углубившимся разделением труда, расширением сферы товарно-денежных отношений, привела к дальнейшей специализации и профессионализации человеческой деятельности, ее социальной стратификации. Это в полной мере отразилось в художественной культуре: изменяется содержание и соотношение ее компонентов, происходит их усложнение, дифференциация. Ее структура достраивается, складывается в основных своих элементах, которые во многом определяют ее состав и в настоящее время. Именно в эту эпоху происходит окончательное вычленение художественной деятельности из общекультурных процессов, ее специализация, что ведет к изменению положения художественной культуры как в системах культуры, так и общества в целом. В ходе становления буржуазной формации создается новая система художественных ценностей, новый тип художественных институтов, изменяются социальные и экономические основы художественного творчества, статус мастеров, формы распространения искусства в обществе.

Медленное и относительно позднее формирование капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы задержало складывание здесь структуры художественной культуры, свойственной более развитым странам. Вместе с тем оно обусловило длительное сосуществование элементов, характерных для культуры феодального и капиталистического общества, неравномерность развития отдельных областей культуры, ее слабую материальную базу, рождение своеобразных переходных форм как в художественном мышлении, так и в художественной жизни, совмещение черт различных художественных систем, что было одним из факторов, придавших развитию художественной культуры в указанном регионе заметное своеобразие [39].

Породило оно и перенесение функций, свойственных культуре развитых европейских стран на более ранних этапах, в другие эпохи. Так, художественной культуре отдельных народов Центральной и Юго-Восточной Европы, облекавшейся уже в формы классицизма, а затем и романтизма, приходилось решать вопросы, характерные для эпохи Ренессанса. Таков, в частности, вопрос о соотношении светского и религиозного начала в жанровой структуре и содержании художественного творчества, о роли мастеров-мирян и клира в его развитии. «Открытие мира и человека» (Мишле), секуляризация эстетических идей, осуществленные Ренессансом, происходили у многих народов ареала в формах просветительства.

«Предположительно можно высказать,— писал Б. Ф. Поршнев,— что наиболее развитые и чистые формы каждого способа производства... имели место действительно лишь в ограниченных регионах, представлявших „передний край“ экономической истории. Но и остальные народы при этом не оставались историческим балластом, а прямо или косвенно служили гигантским резервуаром дополнительных ценностей, делавших в конечном счете возможным само существование и прогрессивное развитие на этом

„переднем крае“ [40]. Аналогичное наблюдение можно сделать и в области культуры, развитие которой обогащалось множественностью вариантов, возникавших в результате своеобразия проявления общих закономерностей в каждой из национальных культур [41].

Среди исторических обстоятельств, определивших особенности путей, которыми шли отдельные культуры,— характер этногенеза той или иной нации. Как известно, культура относится к числу наиболее устойчивых признаков этноса, причем каждый этнос характеризуется «не отдельным компонентом культуры, а определенной целостностью, многие составляющие которой, как правило, в той или иной степени обнаруживают устойчивые отличительные черты» [42].

Среди различных типов этнических процессов, характерных для формирования буржуазных наций [43, с. 283—292], в Центральной и Юго-Восточной Европе преобладающим был тип моноэтнической консолидации, превращения народности в нацию, что предопределяет большую цельность культурной традиции, нежели у народов, национальный синтез которых совершался в результате межэтнической консолидации, дивергенции или миксации. Однако у большинства народов указанных земель этот путь оказался нарушенным в результате потери политической самостоятельности. Для судеб культуры, как и народов в целом, важное значение имело то, на каком этапе их исторического развития произошла утрата национальной независимости, была ли сохранена целостность этнической территории, к какому культурному ареалу относились страны-завоеватели³, каков был уровень этносоциальной общности отдельных этносов к моменту их включения в общеевропейский процесс формирования наций. Ряд из них ранее не имел или в это время утратил характер этносоциального организма и оказался перед необходимостью национального пробуждения, возрождения⁴.

Существенно отметить, что для всей Центральной и Юго-Восточной Европы было характерно несовпадение этнических и государственных границ, образование многонациональных государств, в рамках которых шел процесс национальной консолидации отдельных народов, сопровождавшийся у тех из них, кто оказался в угнетенном положении, национально-освободительным движением. Это обстоятельство обусловило не только длительное сосуществование разноэтнических начал в формирующихся культурах⁵, но и их борьбу. Причем утвердились те из них, которые не были принесены извне, а составляли часть системного единства данной формирующейся национальной культуры. Вместе с тем, следует обратить внимание на тот факт, что соприкосновение культур всегда оставляет след в развитии каждой из них, соотношение «победителей» и «побежденных» в культурной области приобретает иной характер, нежели в политической, чему один из примеров — проникновение славянских, венгерских элементов в австрийскую культуру [45].

Те инонациональные элементы, которые не нарушали данной художественной системы, оказались усвоенными, другие же были отвергнуты как препятствующие ее внутреннему саморазвитию. Механическая трансплантация культурных явлений, чуждых данной системе, раньше или позже вызывает их отторжение, несмотря на попытки самого активного, вплоть

³ Можно констатировать, что для народов, попавших под власть Австрийской монархии, элементом культуры, который оказался наиболее заторможенным в своем развитии, был национальный язык; на протяжении долгого времени, вплоть до середины XVIII в., не существовало или было в сильнейшей степени задержано и развитие профессиональной литературы на отечественном языке, в то время как другие виды искусств прошли общие для европейской культуры более или менее ярко выраженные фазы Возрождения, маньеризма, барокко, классицизма, которые получали на землях каждого из народов своеобразную окраску.

⁴ Представляется логичным называть «национальным возрождением» прежде всего такой тип этнокультурных процессов, не распространяя это понятие на ареал в целом [43].

⁵ А. С. Мыльников называет это явление «многоукладностью культуры», выделяя следующие уклады: «культура данного этноса, культура генетически близкого этноса, культура инородческая, по типологии близкая, культура для данных культур внешняя или культурный фон» [44].

до насильственного их насаждения. Именно при системном, историко-культурном взгляде на этот процесс выявляются глубинные мотивировки сформулированного еще Вико в начале XVIII столетия положения о том, что идеи распространяются не путем «диффузии», а каждая нация открывает их для себя на той стадии развития, когда испытывает в них потребность [46] или как спустя полтора столетия писал А. Веселовский: «Влияние чуждого элемента всегда обуславливается его внутренним согласием с уровнем той среды, на которую ему приходится действовать» [47].

На развитие художественной культуры повлияли особенности социального состава формирующихся наций [48, 49]. Историческая судьба отдельных народов определила специфику соотношения профессионального и народного слоев в их культуре. Разделение культуры на два потока произошло в Европе в процессе формирования феодального общества и закрепилось с утверждением его сословной организации, сословной стратификации образовательных уровней. Искусство Ренессанса с его «ученостью» способствовало резкому расхождению обоих потоков. В XV—XVII вв. народная культура локализуется социально, идеологически, стилистически. Она создает своих мастеров, потребителей, особую систему распределения и регуляции.

Иноземный гнет в эпоху зрелого феодализма лишил ряд народов Центральной и Юго-Восточной Европы, таких как болгары, сербы, словенцы, словаки, возможности последовательного культурного развития, не позволил сформироваться «собственному» господствующему классу, являющемуся в ту эпоху основным носителем образованности. Эти народы не имели своего Ренессанса. Поэтому именно народная культура стала для них основным полем аккумуляции национальной творческой энергии. Здесь же религиозные формы дольше сохранили свое значение как средство культурного самовыражения народов.

Народная и профессиональная культура находятся в постоянном взаимодействии, характер которого меняется в различные эпохи⁶. Показательно, что когда в XVIII в. происходит их максимальное расхождение, одновременно возникает осознанное стремление к соединению этих двух потоков, получающее в дальнейшем форму так называемого фольклоризма. Романтизм непосредственно кладет в основу культурного процесса ориентацию на народное творчество. Именно народная культура явилась одним из основных источников национального возрождения для таких народов как сербский или болгарский⁷. Через народное творчество эти народы и входили в мировую культуру. Показательна в этом плане судьба сербского фольклора в европейской литературе.

Отмеченные общественно-исторические факторы, как и особенности собственно культурного развития, культурных традиций отдельных народов, пути их культурных взаимодействий повлияли на специфику формирования каждой национальной культуры. Однако в этом процессе проявились и общие закономерности, типологические черты, свойственные художественной культуре нового времени в целом, хотя их роль может быть различна у отдельных народов, как неодинаковы и хронологические параметры их возникновения и развития.

Существовавшие происходивших изменений определялось прежде всего тем, что в эпоху становления наций, складывания капиталистической формации наступает не только новая фаза в развитии общественных отношений, но меняется и характер соотношения индивида и социального целого. Если для эпохи средневековья условием социализации человека было его приобщение к христианству [50], то в новое время на первый план выдвигается фактор его включенности в национальный коллектив (отсюда повышенное внимание к проблеме национальных языков). Разрушается социальная

⁶ Без его учета невозможно построение каких-либо моделей художественной культуры, выявление ее типологии, что еще недостаточно учитывается в культурологических исследованиях.

⁷ Это обстоятельство служит одним из отличительных моментов между «национальным возрождением» и общеевропейским Возрождением, в основе которого была ориентация на античную культуру, хотя и славянские народы не прошли мимо ее наследия.

разграниченность предназначавшейся человеку роли. Самоотрицание личности сменяется ее самоутверждением. Вместе с тем индивид начинает обретать целостность. На этапе просветительства его деятельность понимается как результат совокупности заданных свойств естественного человека, романтизм приносит утверждение самоценности человеческой личности и ее неограниченных возможностей, следующий шаг сделал реализм, осознав конкретно-историческую обусловленность деятельности человека. Эти обстоятельства, лежавшие в основе смены художественных систем⁸ нового времени [34], определили в значительной степени и характер эволюции художественной культуры в целом.

В сфере профессионального художественного творчества [51] как важнейшие типологические моменты нужно выделить: формирование национального литературного языка и утверждение его в качестве главного средства культурной коммуникации; образование в литературе и других областях искусства национальных школ, опирающихся на традиции народной культуры, наследие прошлого, опыт других народов; распространение в художественном творчестве просветительских, национально-патриотических, а затем и национально-освободительных идей, расширение функционального содержания, а также жанрового состава искусств, рождение нового типа героя, новой иконографии, утверждение новых критериев красоты.

В эпоху формирования наций претерпевают самые существенные изменения условия развития искусства, тип мастера и зрителя. Профессионализируются все основные виды творческой деятельности, до сих пор часто совмещаемой с политической, религиозной, расширяется социальный круг заказчиков, источники финансирования творчества; развивается не только индивидуальное, но и коллективное, часто диктуемое патриотическими целями меценатство (публичный сбор средств для возведения общественных зданий, монументов и т. п.); у народов, имевших свою государственность, в качестве заказчика и регулятора художественной деятельности начинает выступать государство; меняются отношения «мастер — заказчик», их прямая связь опосредуется, все более обезличивается, обретая форму «общественного запроса», «потребности»; зарождается художественный рынок; наблюдается количественный рост людей творческих профессий, изменения в их социальном составе; происходит переход от корпоративных форм организации творческого труда к складыванию так называемых «свободных профессий»; формируются национальные профессиональные художественные кадры как часть складывающейся новой социальной группы — национальной интеллигенции; постепенно вытесняются или ассимилируются иностранцы, исчезает тип «художника-гастролера», утверждается ведущая роль национальных светских мастеров в художественной жизни; возникает система публичного художественного образования; наконец, меняется география творческой деятельности — она сосредоточивается в городах, которые превращаются в национальные культурные центры. Все это ведет к изменению и переосмыслению положения мастера в обществе, ему отводится роль творца, выразителя национальных идеалов.

Преобразуется сфера распространения художественного творчества. В эпоху феодализма она была сословно стратифицирована. Лишь храмы с их росписями на религиозные темы и звучавшей в их стенах духовной музыкой были предназначены и доступны для всех слоев общества. В остальных случаях каждый социальный круг заказчиков имел свой круг мастеров, а тем самым и свой круг произведений. Народное и профессиональное творчество были обособлены.

В эпоху формирования наций, развития капиталистических отношений, начавшейся перестройки социальной структуры общества сфера распространения художественных ценностей начинает утрачивать сословный характер, замкнутые формы художественной жизни сменяются общедоступными. Периодическая печать, развитие книгопечатания на национальных

⁸ Под художественной системой здесь понимается наиболее широкая форма конкретно-исторического художественного развития.

языках, возросшие тиражи книг, публичные галереи, выставки, концерты, национальные театры и т. п. становятся все более действенными каналами художественной коммуникации.

Одним из важнейших компонентов художественной культуры, определяющих возможность ее развития, является сфера хранения, «память». Не случайно некоторые исследователи определяют культуру как «ненаследственную память» коллектива или «долгосрочную память» [52]. Как писал Н. И. Конрад, «эстетическое накопление и составляет суть прогресса, создаваемого средствами литературы» [53]. В эпоху формирования наций происходит значительное расширение «художественной памяти». В «большой системе» культуры просветительское накопление исторических знаний приводит к историзму романтиков. В художественной культуре механизм памяти восстанавливает из забвения наследие прошлого. Сначала на первый план выходит античная традиция, послужившая для всех складывающихся европейских национальных культур источником идей и форм; затем она все больше уступает место отечественному наследию. В поле сознательного накопления художественных ценностей попадает и народное искусство. Расширение «памяти культуры» становится предметом особой заботы. «Помешательством» считал польский романтик М. Мохнацкий утрату народом памяти [54].

В рассматриваемую эпоху расширяются и средства хранения в практическом смысле. Начинается целенаправленное, систематическое собирательство художественных произведений, осознаваемых теперь не просто как фамильные или материальные ценности, но и как собственно художественные, а затем и как национальное достояние. Патриотическое собирательство отечественных произведений (инкунабул, картин, музыкальных рукописей и т. п.) становится выражением национального и эстетического сознания. Возникает и сеть учреждений, предназначенных для хранения произведений искусства — музеи, галереи. В связи с пониманием значения художественного наследия зарождается охрана памятников и реставраторское дело.

Меняет свое содержание и сфера «потребления» (освоения) художественных ценностей. Это происходит прежде всего за счет изменения адресатов художественного творчества. Их состав демократизируется, пополняясь новыми социальными группами, повышается образовательный уровень художественной аудитории, изменяется ее социальная психология. Одним из факторов, определяющих восприятие искусства, становится формирующееся национальное самосознание, которое у народов, лишенных государственной самостоятельности, проникнуто идеями национально-освободительной борьбы. Вместе с тем происходят существенные изменения и в эстетическом сознании общества.

На просветительском этапе художественная деятельность была связана теснейшим образом с общекультурной, эстетическая сущность творчества воспринималась сквозь призму его нравственно-воспитательных задач, общих для всех сфер культуры. Однако постепенно она начинает трактоваться как имеющая специфические функции и характер. Возникновение в середине XVIII в. в трудах Баумгартена понятия «эстетика» отражало процесс автономизации эстетического сознания в Европе. Однако в некоторых славянских странах, где задержалось развитие профессионального творчества, вплоть до второй половины XIX в. дискутируется вопрос, способны ли их народы к занятиям искусством и, вообще, нужно ли оно.

В эпоху формирования наций рождается общественное мнение. Оно получает свой права гражданства и в системе художественной культуры, являясь отражением процесса ее демократизации и национальной интеграции. Художественная критика становится основным полем его развития и распространения. Критика — одна из форм самосознания художественной культуры, обеспечивающая ее саморегуляцию и связь с обществом. Это специфический механизм, аналогий которому нет в других подсистемах культуры. Но в эту же эпоху возникает и другая форма самосознания художественной культуры, выполняющая также роль ее хранителя, — история искусств. И, наконец, третья форма самосознания художественной

культуры, вырастающая на стыке идеологии, национального самосознания художественно-эстетического сознания — концепции национальной художественной культуры. Они являются неформализованными регуляторами всей ее системы, в поле их воздействия попадает как само художественное творчество, так и сфера его социального обращения. Особое значение они приобрели у народов Центральной и Юго-Восточной Европы, где формулирование задач национального художественного творчества было не только элементом «конституирования» отечественной культуры, но и играло важную роль в борьбе за культурную самостоятельность и политическую независимость. Концепции национальной художественной культуры, отражая ее состояние на данном историческом этапе, имели и прогностический вектор, намечали пути ее дальнейшего развития. Теоретической мыслью были осознаны такие важнейшие моменты для становления и утверждения национальных культур, как отношение к родному языку, отечественным традициям, народной культуре, европейскому опыту, античному наследию. Были сформулированы взгляды на роль писателя, художника в жизни общества, выдвинута программа развития национальных культурных институтов.

Для характеристики каждой национальной художественной культуры как системы необходимо принимать во внимание характер ее взаимодействий с другими национальными культурами, а также способ ее «включенности» в систему мировой культуры. В новое время, с одной стороны, ярко проявляется стремление каждой национальной художественной культуры выделиться как самостоятельное и своеобразное целое, а с другой — обнаруживается тенденция к активному освоению опыта других культур, культурному сближению. В этом находит отражение общая закономерность национального развития, вскрытая В. И. Лениным [1, т. 24. с. 124].

Борьба славянских народов против османского ига, габсбургской монархии способствовала развитию идей славянской взаимности, что оказало влияние и на культуру [55], укрепило сознание близости художественно-культурных традиций отдельных славянских народов, их культурные взаимосвязи, привело к возрастанию роли России в развитии культуры всего ареала.

Формирование национальных художественных культур у народов Центральной и Юго-Восточной Европы знаменовало не только их активное включение в европейский культурный процесс, способствуя тем самым приданию ему действительно общеевропейского характера, они сыграли важную посредническую роль в развитии взаимодействий между культурами Востока и Запада. Именно в новое время зарождается осознание всемирного характера культурного процесса. Там берут начало явления, которые в XX в. привели к образованию всемирной по территориальному охвату художественной коммуникации, чем, естественно, не отрицается глубокое своеобразие отдельных национальных культур.

Рассматривая типологию художественно-культурного развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы, можно констатировать, что внутри этого ареала существовало значительное разнообразие вариантов, позволяющих выделить отдельные культурные регионы. В условиях иноземного гнета, который испытывали народы указанных земель, регионализация определялась не только чисто культурными факторами, во многих случаях они были как бы вторичны по отношению к факторам политическим — включение в состав османской или габсбургской монархии уже само по себе во многом предопределяло дальнейший путь развития. Однако далеко не полностью, ибо судьба отдельных культур отнюдь не была тождественной, они сохраняли свои многие своеобразные свойства, несмотря на попытки ассимиляции. Вопрос о культурных регионах сложный, практически неразработанный, требующий специального освещения на основе сравнительно-типологических исследований художественно-культурного процесса у отдельных народов.

Суммируя наблюдения над изменениями, происходившими в художественной культуре народов, которые вступили в эпоху формирования своей национальной общности, хотелось бы еще раз подчеркнуть необходимость

корректировки выводов в зависимости от специфики развития того или иного народа, различия между которыми были велики и в пределах каждого региона. Вместе с тем, правомерным представляется сделать вывод о том, что формирование наций, у всех народов означавшее глубокую перестройку всей их этносоциальной организации, влечет и кардинальное преобразование структуры художественной культуры, ее содержания, каналов внутренней и внешней регуляции, соотношения профессионального и фольклорного слоя, что связано с изменением ее положения в системе культуры, форм взаимодействия с обществом, а также ее места в системе мировой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
2. Иоффе И. И. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. Л., 1933, с. XVI.
3. Русская художественная культура конца XIX — начала XX в. Кн. 1—4. М., 1968—1980.
4. Бэла И. Ф. История польской музыкальной культуры. Т. I—III. М., 1954—1972.
5. Из истории освободительной борьбы и культуры славянских народов. М., 1965.
6. Культура и общество. М., 1974.
7. Свирида И. И. Художественная культура зарубежных славянских народов в советской науке. — Советское славяноведение, 1967, № 5, с. 75.
8. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975, с. 10.
9. Бахтин М. М. Смелее пользоваться возможностями. — Новый мир, 1970, № 11, с. 84.
10. Выготский А. С. Психология искусства. М., 1968, с. 331.
11. Давыдов Ю. Н. Искусство как социологический феномен. М., 1968.
12. Плотников С., Вахемтса А. Человек и искусство. М., 1968.
13. Барабаш Ю. Я. Искусство как объект комплексного изучения. К методологии вопроса. — Вопросы философии, 1974, № 10—11.
14. Вопросы социологии искусства. Теоретические и методологические проблемы. М., 1979.
15. Искусство и точные науки. М., 1979.
16. Садов Р. В. Художественная культура как элемент духовного производства. — В кн.: Коммунизм и личность. М., 1966, с. 264.
17. Коган Л. Н. О понятии «художественная культура». — В кн.: В. И. Ленин и проблемы художественной культуры. Донецк, 1969, с. 10.
18. Свирида И. И. К характеристике понятия «национальная художественная культура». — Советское славяноведение, № 1974, № 5.
19. Бирюков Б. Б., Геллер Е. С. Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1973.
20. Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966.
21. Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
22. Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1971.
23. Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974.
24. Егоров А. Г. Проблемы эстетики. М., 1974.
25. Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970.
26. Марков Д. Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. Из опыта изучения истории и истории культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. — Вопросы истории, 1973, № 10, с. 80—95.
27. Лукин Ю. А. Художественная культура зрелого социализма. М., 1977.
28. Марков Д. Ф. Выступление в дискуссии. Предмет и метод истории культуры. — История СССР, 1979, № 6, с. 144.
29. Свирида И. И. Некоторые особенности польской художественной жизни первой половины XIX в. — В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.
30. Свирида И. И. Польская художественная жизнь конца XVIII — первой трети XIX в. М., 1978.
31. Бернштейн Б. М. О месте художественной критики в системе художественной культуры. — Советское искусствознание — 76, вып. I. М., 1976, с. 261.
32. Каган М. С. Морфология искусства. Л., 1972.
33. Шабчук С. Искусство — система — отражение. М., 1976.
34. Волков И. Ф. Творческие методы и художественные системы. М., 1978.
35. Марков Д. Ф. За дальнейшую интеграцию исследований в общественных науках. — Вопросы философии, 1982, № 1, с. 82.
36. Берталянфи Л. История и статус общей теории систем. — В сб.: Системные исследования. Ежегодник 1973. М., 1973, с. 29.
37. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М., 1977, с. 383.
38. Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. М., 1922, с. 65.
39. Никольский С. В. Художественное сознание эпохи национального возрождения (на материале чешской, словацкой и болгарской литературы). — В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

40. Поршнев Б. Ф. Роль социальных революций в смене формаций. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975, с. 30—31.
41. Злыднев В. И., Мильников А. С. Общие закономерности и особенности историко-культурного развития славянских народов XVIII — 70-х гг. XIX в. — В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв. М., 1978, с. 8—29.
42. Бромлей Ю. В., Козлов В. И., Чистов К. В. К вопросу об этнических процессах в художественной культуре народов СССР. — В кн.: Культура развитого социализма. Некоторые вопросы теории и истории. М., 1978, с. 335.
43. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
44. Мильников А. С. Роль культуры в становлении национального самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы. — В кн.: Формирование национальных культур..., с. 40—41.
45. Бэла И. Ф. Вклад славянских культур в мировую культуру последних десятилетий XVIII в. и первых десятилетий XIX в. — В кн.: Славянские культуры..., с. 313—314.
46. Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940.
47. Журнал Министерства народного просвещения, 1863, декабрь, отд. II, с. 558.
48. Нидерхаузер Э. Типы историко-культурного развития славянских народов. — В кн.: Славянские культуры..., с. 35—37.
49. Освободительные движения народов Австрийской империи: возникновение и развитие, конец XVIII в. — 1849 г. Т. I. М., 1980, с. 76—124.
50. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 272.
51. Саурида И. И. К типологии явлений художественной культуры в период формирования наций. — В кн.: Формирование национальных культур..., с. 68—77.
52. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры. — В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1971, с. 147, 149.
53. Конрад Н. И. Избранные труды. М., 1978, с. 12.
54. Moschnacki M. O literaturze polskiej w wieku dziewiętnastym. Kraków, 1923, s. 47.
55. Лециловская Е. И. Идеи единения славянских культур в первой половине XIX в. — В кн.: Формирование национальных культур..., с. 114—127.

БЕГУНОВ Ю. К.

СКАЗАНИЯ О ЧЕРНОКНИЖНИКЕ ТВАРДОВСКОМ В ПОЛЬШЕ, НА УКРАИНЕ И В РОССИИ И НОВОНАЙДЕННАЯ «ИСТОРИЯ О ПАНЕ ТВЕРДОВСКОМ»

Во время занятий в Отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве наше внимание привлекла небольшая тетрадка из Музейского собрания под № 3079, без переплета, форматом в 4°. Чернильные пометы на л. 1 позволяют определить, что эта рукопись поступила в ГИМ в 1909 г. и первоначально имела инвентарный номер 45937, некогда была куплена за два рубля; имеется также штамп наверху того же листа с именем владельца: «Василия Михайловича Кашкарова библиотека». Шестнадцать ее листов исписаны мелкой скорописью середины XVIII в. На листах 1—13 об. мы прочитали текст известной русской повести конца XVII в. о Савве Грудцыне (1-й вариант 1-й редакции по М. О. Скрипилю [1]). А далее, на листах 14—16 об. следовал текст неизвестной «Истории о пане Твердовском и его славных действиях».

Новонайденную «Историю» мы попытались прежде всего соотнести с существующими в польской и русской традициях сказаниями о чернокнижнике пане Твардовском. Эти сказания начали складываться в Польше во второй половине XVI в., развивались и обрастали новыми подробностями на протяжении нескольких веков, вбирая в себя различные темы и мотивы произведений польского фольклора, а также легенд средневековых литератур Европы. Возникшие таким образом сказания о пане Твардовском находятся в ряду мировых легенд о таких чернокнижниках как староперсидский Зохак, византийский Феофил, кельтский Мерлин, испанский Киприан, итальянский Карул, чешский Жито, немецкий Фауст. Начиная с первой четверти XIX в., они стали привлекать к себе внимание ученых фольклористов, этнографов, историков литературы и общественной мысли и т. п. Одни из них объявили Твардовского фантастической копией немецкого Фауста, одетого в польский кунтуш и с саблей на боку [2—4], — биография Фауста по-польски вышла в свет уже в 1587 г. — другие стали искать прототип Твардовского в польских средневековых преданиях (Skarbnik, Piotr Dunin, Madejowa łoza, Belfagor) и даже в сочинениях римского поэта Вергилия [5—8]. Первый сводный текст сказаний о Твардовском опубликован лишь в 1837 г. в труде известного польского фольклориста и историка литературы Казимежа Владислава Вуйчицкого [9]¹.

История пана Твардовского началась в Кракове, где по преданию и сам Иоганн Фауст учился черной и белой магии в университете. В начале

¹ Переиздания труда К. В. Вуйчицкого вышли в 1851 и 1876 гг.; хронологически новейшим является комментированное издание 1972 г. [10]; подробный вариант сводного текста представлен в другой работе К. В. Вуйчицкого [11]. Ср. также [12]; русский пересказ см. [13]; современный русский перевод [14].

XVI в. в Краковском университете преподавалась даже нигромантия, т. е. наука о вызывании духов.

В сводном тексте Вуйчицкого рассказывается о том, что в Кракове жил добрый шляхтич, правдивый и чистый кармазин, «служивший мечу и кадилу» и лечивший простой народ. В свободное от врачебных занятий время Твардовский изучал чернокнижие, мечтая найти лекарство, которое заставило бы отступить смерть. Он очень хотел также приобрести обширные знания. Узнав из старой книги как вызвать дьявола, Твардовский однажды в полночь добился встречи с ним на горе Кшменке и заключил с дьяволом договор, подписав его своей кровью. Согласно этому договору нечистый должен был выполнять любые желания шляхтича, но если тот попадет в Рим, то дьявол имеет право завладеть его душой. Твардовский отдает дьяволу различные приказания: сvezти серебро изo всей Польши в рудник Олькуш и засыпать его песком, перевернуть Песчаную скалу и поставить ее тонким концом вниз и т. д. Твардовский получал все, что хотел: ездил на нарисованных конях, летал по воздуху без крыльев, скакал на петухе быстрее, чем на лошади, плавал со своей возлюбленной в лодке по Висле против течения без весел и паруса, зажигал от солнца на немецкой границе деревни на расстоянии в сто миль, вернул себе молодость с помощью чар и т. д. Женился Твардовский на молодой пани, разгадав ее загадку, а потом прогнал ее от себя. Пани Твардовская построила себе из глины домик на краковском рынке и торговала горшками и мисками. Твардовский приоделся, завел экипаж, богатый двор с многочисленной челядью, не имел недостатка и в золоте. Проезжая мимо краковского рынка, шляхтич всякий раз приказывал своим слугам разбивать горшки, которыми торговала его бывшая жена. Та в гневе проклинала его, а пан хохотал, сидя в своей красивой коляске. Сатане надоело исполнять желания Твардовского: подкараулив его в темном лесу, он потребовал поехать в Рим, а после отказа вырвал с корнем сосну и так сильно ударил шляхтича, что сломал ему ногу (отсюда прозвище Твардовского — «колченогий»). И все же дьявол перехитрил Твардовского: приехав по вызову к больному доктор Твардовский зашел в корчму, которая именовалась «Рим». Как только он переступил порог, на крыше раздалось громкое карканье ворон, уханье филина, крики сов. Твардовского встретил богатый одетый господин, из-под шляпы которого выднелись рога, из-под башмаков торчали когти, сзади же болтался хвост. Твардовский понял, что это черт и пришел час расплаты. Чтобы отсрочить развязку, он взял на руки ребенка из колыбели. Тогда дьявол обратился к нему по-латыни: «*Quid cogitas, domine Twardowski? An nescis pacta nostra? Verbum nobile, debet esse stabile*». Шляхтич обязан сдерживать данное им слово. Твардовский подчинился. Дьявол схватил его когтями и вылетел с ним через трубу камина (по другой версии — проломав кирпичную стену) к небесам. Со страшной высоты Твардовский в последний раз увидел людей, свой Краков и родную землю. У него защемило сердце от боли. Внезапно на ум пришла мысль о спасении. Шляхтич начал тихим голосом напевать кантичку (годзинку) в честь богородицы, которую помнил с детства. И она была услышана на земле и на небесах: святая дева спасла Твардовского. Но освободив его душу от адского огня, небо все же не захотело принять ее: Твардовский был осужден до судебного дня скитаться между небом и землей.

В сказании о пане Твардовском польский народ внес немало национальных черт, включив в них даже элементы социальной сатиры.

Тема Твардовского в XIX в. была подхвачена польской литературой. В эпоху романтизма польские поэты обращались в поисках вдохновения к двум основным источникам — к европейской литературе и к народной поэзии. Баллада Адама Мицкевича «Пани Твардовская» (1821) [15] (современные издания — [16—17]), была написана в комично-бытовом духе, с использованием не только народных сказаний о Твардовском, но и сказок, вроде «*Jak baba diabła wyoposyła*» и баек, вроде «*Belfagoга*» о женитьбе черта на ведьме. Отбросив традиционную назидательскую концовку предания, Мицкевич «спасает» Твардовского иначе: герой требует от черта,

чтобы тот прожил год с пани Твардовской как с женой. Услыхав об этом, черт сам спасается от шляхтича бегством [18].

В 1825 г. Ян Непомуцен Каминский написал для львовского театра пьесу «Твардовский на Кшеменке», близкую по тексту народной легенде, но отличающуюся от нее широтой и драматизмом действия, а также большим числом персонажей [19].

Классик польской прозы Юзеф Игнацы Крашевский в 1839 г. создал пространную повесть о Твардовском, используя все взятое из народных книг предания о нем [20—23]. Были также попытки сценической и поэтической интерпретации этой повести у Антония Валевского (Злочув, 1894) и у Артура Опмана (Варшава, 1905).

Юлиан Корсак в поэме «Чернокнижник Твардовский» (1840) представил шляхтича фантазером, соединившим в себе черты Манфреда и Фауста, но лишенным подлинной энергии и разума; дьявол здесь изображен в духе карикатуры — незадачливый философ, претендующий на роль глубокого мыслителя [24].

Густав Зелинский в небольшой поэме «Чернокнижник Твардовский» (1856) изобразил дьявола хитрым и измученным слугой, который пытается при первом удобном случае утащить шляхтича в пекло [25].

Видный историк, поэт и публицист Юзеф Шуйский опубликовал поэму «Пан Твардовский» [26—29]. Образы Твардовского и дьявола в ней весьма объемны и многогранны: первый — самоуверенный шляхтич, верящий только в свои идеалы и вызывающий дьявола на духовный поединок, второй — соединяет в себе черты четырех персонажей — польского домового, глубокомысленного арианского пресвитера, скептического дворянина и магната [30]. Упомянем еще мистирию польско-украинского поэта Александра Грозы «Твардовский» (1873), где дьявол — только бледная копия гетевского духа отрицания [31].

Поэты начала XX в. также обращались к образу Твардовского. Леопольд Стафф в 1902 г. написал длинную поэму в пяти песнях — «Мастер Твардовский» [32—35], в которой отразились его символично-импрессионистические искания и философские размышления о смысле добра и зла. Сказания о Твардовском, собранные из народных книг, по крайней мере, дважды выходили в свет в США [36] и Польше [37].

Украина и Россия не остались безучастными к интересным сказаниям о польском чернокнижнике. Следы их бытования обнаруживаются в фольклоре и литературе, начиная, по крайней мере, с последней четверти XVIII в. Основные факты польско-украинских и польско-русских фольклорных и литературных связей, соотносимых со сказаниями о Твардовском, были выявлены и изучены в работе акад. М. П. Алексева [38—39]. Мы позволим себе снова обратиться к этим фактам, расположив их в систематическом порядке и дополнив новыми.

1. В украинском фольклоре

1. В 1827 г. историк и литературный критик М. Т. Каченовский писал на страницах журнала «Вестник Европы»: «Герой баллады (имеется в виду баллада П. П. Гулака-Артемовского «Твардовский». — Ю. Б.) и его союз с бесом известны не менее в Польше и за Днестром, как в Малороссии и Украине: рассказы об удалстве Твардовского, об его приключениях слушаются с неослабным любопытством, и простодушные поселяне в досужные часы весьма охотно возобновляют чувство страха в своем сердце воспоминаниями о судьбе Твардовского» [40]. В балладах Мицкевича и Гулака ничего не рассказывалось об удалстве и приключениях Твардовского, не было в них и страшного рассказа о его судьбе. Стало быть, М. К. Каченовский действительно имел здесь в виду польские сказания из народных книг, имевшие хождение в украинском народе.

2. Около 1827 г. профессор Виленского университета И. Н. Лобойко посылал М. А. Максимовичу рукописный сборник западно-украинских песен, среди которых под № 2 числилась песня, которая «Згадує про бешкетника-чарівника, пана-кріпосника Твардовського» [41]. В своем изда-

нии М. А. Максимович не воспользовался, однако, присланной ему песней, и ее место заняла упомянутая выше баллада Гулака [42].

3. Польский историк В. А. Мацевский в 1830-е годы слышал от одного из русских генералов о том, что на Полтавщине возле города Лубен есть корчма под названием «Рим», где бесы якобы растерзали Твардовского [43—44]. Эта легенда не может восходить к балладам Мицкевича и Гулака, так как в них об этом ничего не говорилось.

4. В украинском фольклоре бытовала и в конце XIX в. была записана легенда о Твардовском-Повитовиче, который продал за деньги свою душу дьяволу и за это был осужден висеть между небом и землей [45]. Она также не восходит к балладам Мицкевича и Гулака.

II. В русской и украинской литературах.

Традиция Левшина

1. Русский сказочник В. А. Левшин около 1780 г. сочинил «Повесть об Алиоше Поповиче, богатыре, служившем князю Владимиру» [46]. В ней он использовал окончание легенды о Твардовском, сильно его изменив. Он рассказывает о том, как Алеша, совершив многие свои подвиги, захотел «проехать сквозь великую Польшу, спрашивал он, прибыв во оную, о ближнем пути. Указывали ему кратчайшую дорогу, но уверяли, что она с 30 лет учинилась непроходимой, и объявляли причину онаго, что в середине леса, простирающагося на сто верст, находится древнее капище, в коем погребен великой волшебник польский, который умерщвляет всех мимоходящих» [46, с. 209—210]. Попович ночует в капище и сражается с мертвецом. Затем ради жениха дочери Твардовского он останавливается в замке Твардовского и отгоняет бесов от гроба чернокнижника. Этим Алеша избавляет покаявшегося чернокнижника от власти ада: теперь Твардовский может спокойно лечь в гроб и умереть. В благодарность за это чернокнижник вручает Алеше ключи от своих сокровищ, дарит перстень, благодаря которому можно сделать невидимым, и предсказывает, что русский богатырь победит царь-девицу [46, с. 209—233].

Среди польских сказаний о Твардовском не зафиксировано ни одного, где бы богатырь сражался с бесами у гроба чернокнижника [5, с. 228—230].

2. Сын А. Н. Радищева Николай в 1801 г. опубликовал сказочно-богатырскую поэму «Альоша Попович» [47; 39, с. 192—193]. Содержание второй и третьей песен он заимствовал из одноименной повести Левшина. В дальнейшем поэмой Н. А. Радищева воспользовался А. С. Пушкин при создании «Руслана и Людмилы» [48].

3. М. Н. Загоскин дважды обращался к сказке Левшина: в первый раз когда он писал либретто оперы А. Н. Верстовского «Пан Твардовский» (1828) и второй раз — в «страшном рассказе» того же названия (1834) [49—51; 39, с. 193—194].

Традиция Мицкевича

1. Классик новой украинской литературы П. П. Гулак-Артемовский написал между 1825 и 1827 гг. балладу «Твардовский» [40; 52]. Это было яркое поэтическое произведение в духе романтизма и в подражание Мицкевичу. Только в отличие от последнего, Гулак еще более приблизил свое произведение к народному творчеству и украинскому быту².

2. В дальнейшем, благодаря Гулаку, в украинской, белорусской и русской литературах распространились различные переработки, переводы и вольные переложения известной баллады Мицкевича [53—55]. Белорусская баллада «Пані Твардоўская» распространялась даже в народе в рукописях.

Традиция Крашевского

1. Первый перевод повести Крашевского «Твардовский» принадлежит С. П. Победоносцеву и увидел свет в 1847 г. в журнале «Репертуар и пан-

² В дальнейшем текст баллады многократно переиздавался в составе сборников сочинений Гулака, например, в 1928, 1956, 1958, 1970 гг. и др.

теон театров», издаваемом И. Песоцким под редакцией Ф. А. Кони [56]. В дальнейшем этот перевод был переиздан в 1859 [57] и 1884 гг. [58] в собраниях сочинений И. И. Крашевского в приложении к журналу «Север» (1899—1902) и к журналу «Природа и люди» (1915).

2. Второразрядные русские беллетристы неоднократно пользовались текстом повести Крашевского для создания своих компиляций о Твардовском [59—60].

Традиция польских народных книг

1. Подлинные польские сказания о Твардовском по материалам польских народных книг первым пересказал на русском языке И. Боричевский [61], одним из его главных источников были «Klechdy» К. В. Вуйчицкого, которые вскоре были пересказаны С. П. Победоносцевым [43].

2. В дальнейшем к сказаниям о Твардовском обратился популярный лубочный литератор М. Е. Евстигнеев (ум. 1885 г.), чьи произведения расходились по России десятитысячными тиражами. «Жизнь и приключения пана Твардовского», сочиненные М. Е. Евстигнеевым на основе польских народных книг, а может быть, и с привлечением повести Крашевского, издавались в Москве лубочными издателями [62—65].

В последнее время распространено мнение о ранней популярности сказаний о Твардовском на Украине и в России было поставлено под сомнение акад. М. П. Алексеевым. «Все попытки исследователей установить возможность родства ранних русских повестей с легендами о Твардовском, — пишет он, — оказались бесплодными. Сказания эти стали известны сначала из баллады Мицкевича и ее переработки на Украине. В 40-х годах их пересказал И. Боричевский. Но и эти пересказы не повредили популярности лишенной всякой философской содержательности компиляции В. Левшина 1780 года. Лишь появившийся в русском переводе в конце 1840-х годов роман Ю. Крашевского «Твардовский. Повесть, взятая из польских народных преданий» (1847) познакомил русских читателей со всем циклом этих сказаний и вызвал, между прочим, весьма интереснейший отзыв В. Белинского» [39, с. 194].

Новонайденная Музейская рукопись «Истории о пане Твардовском и его славных действиях» 40-х годов XVIII в.³ позволяет внести коррективы в первую часть вывода. Прежде всего необходимо признать, что попытки некоторых исследователей установить возможность родства ранних русских повестей со сказаниями о Твардовском не были напрасными [68—70]. В их сопоставлениях по линии Фауст — Твардовский — Грудцын было и рациональное зерно. С повестью о Савве Грудцыне сказания о Твардовском роднит демонологическая тема: герой русской повести — сын устюжского купца Грудцына-Усова Савва продал свою душу дьяволу. Обманутый Названным братом (а на самом деле, сатаной), он извечал немало приключений и даже совершил подвиги на полях сражений; в конце концов, Савва был избавлен от адского огня Богородицей. В основе польской и русской демонологических легенд лежит мотив службы дьявола человеку с коварным замыслом овладеть его душой. Этому замыслу не суждено осуществиться. И Грудцын, и Твардовский, два великих грешника, были спасены Богородицей по молитве к ней. В этом нетрудно заметить нечто общее. И в польских католических сказаниях, и в русских православных преданиях о деве Марии исключительное значение придается молитве, обращенной к ней.

Неудивительно поэтому, что неизвестный русский книжник переписал в 40-е годы XVIII в. текст «Истории о пане Твардовском» с недошедшего до нас оригинала сразу же вслед за «Повестью о Савве Грудцыне». Музейская рукопись, к сожалению, сохранила не весь текст произведения о Твардовском, а только его начало — последние листы тетради оказались безвозвратно утраченными. Сохранность текста на последней странице

³ Филигранные буквы Музейского сборника — литеры «Р» и «Ф» в прямоугольнике, вписанном в картуш, может быть, относятся к 40-м годам XVIII в. (рольная фабрика М. Переяславцева). См. [66—67].

также неудовлетворительна: чернила местами выцвели, слова оказались стертými, так что не весь текст в конце удастся прочесть.

Первый вопрос, который возникает у исследователя, следующий: с каким польским текстом следует сопоставить новонайденный русский текст? Такого текста нам пока найти не удалось. Предания о Твардовском складывались постепенно, периодически переходя то из фольклора в литературу, то из литературы в фольклор.

Записи преданий о Твардовском в XVI—XVIII вв. были немногочисленными. В 1565 г. Лукаш Гурницкий закончил в рукописи свою книгу «Дворянин польский», основанную на «Дворянине» Б. Кастильоне (1528) [71—72]. Здесь помещен небольшой рассказ об ученике Твардовского Шидловецком — «Чернокнижник и горшок» [73].

Иохим Поссел, лекарь короля Сигизмунда III, в своем рукописном сочинении «Historia rerum polonicarum et pruthenicarum ab anno 1388 ad annum 1623» (1624) сообщал, что Твардовский жил при дворе польского короля Сигизмунда II Августа, правившего с 1548 по 1572 г. Известно, что вскоре после смерти королевы Барбары Радзивилувны (ум. 1551 г.), он якобы вызывал ее дух по просьбе короля. Твардовский, — рассказывает Поссел, — был принужден уехать из Кракова в Быдгош, где совершил немало чернокнижных дел [10, с. 250]. Историчность личности Твардовского подтверждал и его современник — краковский епископ Франтишек Красиньский: он встречался с ним в Виттенберге, где будущий чернокнижник слушал лекции видного немецкого ученого Ф. Меланхтона, изучал алхимию и астрологию. Встречались они и в Кракове, где Твардовский служил конюшим при дворе Сигизмунда II; предполагают, что умер Твардовский в 1578 г. [74—77].

Кацпер Твардовский, известный писатель XVII в., в 1628 г. сочинил аллегорическую поэму под названием «Pochodnia miłości Bożej z pięciu strazał ognistych», в которой рассказывал о том, как Твардовский ходил в ад добывать у сатаны рукописание, данное дьяволу еще его отцом, Юзефом за то, что нечистый некогда избавил шляхтича от разбойников. В конце концов, — рассказывает К. Твардовский, — князь тьмы отдает рукописание юноше, но грозитя в отместку погубить его душу [78].

В 1734 г. иезуит Адам Нарамовский сообщил, что ксендз Даниель Бувил знал и рассказывал о книге черной магии, принадлежавшей Твардовскому⁴ и замурованной в стене Виленской библиотеки; об этом же якобы слышал около 1620 г. ксендз Шпот [80—82].

Ни один из перечисленных здесь польских источников не имеет отношения к новонайденному нами русскому тексту, также как и к сводному польскому тексту Вуйчицкого. В отличие от последнего в русской «Истории» рассказывается о том, что сын благородного шляхтича Твердовский (в некоторых написаниях рукописи фамилия читается с искажением — «Твердомбо») обучался не в Кракове, а в «столичном полском городе Аршаве»⁵ в Академии⁶.

Согласно «Истории», Твердовский вовсе не обладал исключительными способностями, а напротив был ленив и нерадив, предаваясь «многим страстям». Поэтому к «восприятию наук» он «всегда яко истуканой в безуми пребывает». За это Твердовский был наказан главным профессором Академии: с согласия старого шляхтича он был посажен в карцер на хлеб и воду, прикован цепью к стене, принужден был принимать наказание розгами от каждого навещавшего его студента. Вот тогда Твердовский и взмолился о пощаде, призывая на помощь Люцифера, князя тьмы. Шляхтич обещал отдать ему свою душу в обмен за свободу и за знания. Дальнейшие события повести связаны с получением Твердовским от Люцифера огромных знаний, превосходящих человеческие. Через посредст-

⁴ Как доказал Е. С. Бандтке [79], эта «Liber magnus» оказалась сочинением XV в. Павла из Праги по прозвищу Жидек, и вовсе не принадлежала Твардовскому.

⁵ Варшава стала столицей Польши в 1596 г.

⁶ Некоторые университеты в Польше назывались академиями: таковы академии Краковская (осн. 1364 г.), Виленская (осн. 1579 г.), Замойская (осн. 1595 г.), Львовская (осн. 1606 г.). В Варшаве в то время университета не было.

во своей «сверхнауки» Твердовский получает безграничную власть над людьми.

Середина и окончание повести не сохранились, поэтому мы не можем судить о том, какие именно приключения выпали на долю нашего героя. Мы расстаемся с ним в тот момент, когда по приказу польского короля и с согласия главного профессора Академии Твердовский отправляется во Францию вместе с двумя французскими королевичами в качестве их наставника. Судя по второй части заголовка повести — «о его славных действиях» — в произведении рассказывалось именно о славных, т. е. достойных дворянина поступках, имевших благоприятный исход.

Мотив чернокнижия, т. е. колдовства, столь характерный для польских сказаний о Твардовском, здесь оказывается исключенным.

В настоящее время мы не располагаем данными, которые позволили бы судить о том, каким именно был текст не дошедшего до нас польского источника повести, с которого русский книжник сделал свой перевод. Да и существовал ли такой перевод? Возможно, Музейская рукопись донесла до нас пересказ, переложение или свободное сочинение на тему о Твардовском. Мы склоняемся к последнему ответу. Язык «Истории» напоминает язык повестей петровской эпохи, когда сфера применения иностранных слов была необычайно широкой. В «Истории» мы встречаем такие слова, как «авантаж», «Академия», «акедром», «аспидная доска» (в значении «грифельная доска»), «комисия», «корман», «монарх», «презентовал», «профессор», «регуль», «резиденция», «рекомандация», «студент», «фамилия», «экзаминация». Полонизмов в тексте «Истории» очень мало: «история» (*hystoria*), «тайность» (*tajność*), «вырозум» (от *wyrozumieć*), т. е. «понять». В синтаксисе повести находим канцеляризмы, свидетельствующие о принадлежности ее автора к чиновничьей среде, например: «Чего ради профессор собрав на Окодемию всех господ учителей и студентов, и призвав отца ево, обстоятельно говорил...», или: «Которой видя себя отвсюду помощи лишенная, не зная, что в жизни своей делать, во-первых, приносил слезное прошение праведному богу, дабы он по благословенному его руковождению благий промысл к получению науки своей желателно получил...».

В нашей повести звучит апология светских знаний и наук, столь характерная для произведений петровской эпохи. В одной из петровских повестей — «Гистории о некоем Шляхецком сыне, како чрез высокую и славную свою науку заслужил себе великую славу и честь и кавалерский чин, и како за добрыя свои поступки пожалован королевичем в Англии» — рассказывается об одном цесаре, устроившем у себя в чудесных зданиях «разных наук школы, в которых указал шляхецким, министрским и сенаторским детям быть в науке и по науке засеть место». Этого показало ему мало, и цесарь «собра отвсюду премудрыя учителя и определил им великий трактамент, чем убедил отвсюду великих учителей быть до оной Академии» [83, с. 295]. Овладение наукой, как тогда считалось, всегда сопряжено с обладанием высокими нравственными качествами и с совершением добродетельных поступков. Потому и этика — наука о поведении молодого дворянина — должна идти впереди других наук. Так считает и автор «Истории о пане Твердовском». Профессор Академии «начал первую науку», предоставляя Твердовскому «всеа добродетельные резоны, дабы он имел приятной смысл и желание к самоскорейшему восприятию науки». Ущербность личности Твердовского — преобладание низменных страстей — привела к потере «добрых благоприятностей», и как следствие этого — к невозможности «восприятия науки». Собственное «мнение» (а не светская наука!) толкает Твердовского на пагубный путь — в объятия нечистой силы, и побеждая движения разума и заглушая голос совести, он заключает сделку с сатаной. В итоге Твердовский овладевает высотами все той же светской науки, но какой ценой! — ценой отказа от райского блаженства и добровольного согласия на вечные адские муки. Геерой петровской «Гистории» шляхетский сын этих проблем не знает: безупречная личная добродетель приносит ему знания, но однако не приносит счастья. Причины тому — «подлое» происхождение и зависть

придворных. Твердовскому не грозит конфликт с родовитой знатью: он сам потомственный шляхтич. Он вступает в конфликт со всем миром вообще, бросая ему вызов своим сговором с нечистой силой. Так Твердовский получает знания нечестным путем. «И откуда взялся такой остроумный смысл,— читаем мы в „Истории“,— что через 4 часа не тоию все те знаемые науки учителем, но еще таковые обучил, которые во всем свете неслыханны были». И «Гистория о некоем Шляхедем сыне», как установила Г. Н. Моисеева [83, с. 150], и, вероятно, «История о пане Твердовском» были написаны в конце 20-х годов XVIII в., после 7 декабря 1725 г., когда в России была открыта Академия наук как научно-исследовательское и одновременно как учебное заведение, состоящее из трех классов — математики, физики, гуманитарных дисциплин [84]. Впрочем, указ Петра I об учреждении Академии наук был обнародован еще раньше — 28 января 1724 г.

В «Истории о пане Твердовском» об Академии рассказывается как об учебном заведении с профессором во главе, с учителями и учениками, или студентами. Любопытны и описания методов обучения, в которых главное место уделяется «довольному толкованию», задачам «на аспидной доске» при необходимости «твердить... заданыя науки». Критерием знаний в Академии считалась проверка на практике, или экзамен. Профессор и учителя «учиняют» Твердовскому «экзаминацию», чтобы убедиться в том, что он не напрасно провел время в карцере за учебниками (а на самом деле был всему обучен дьяволом).

Г. Н. Моисеева подчеркивает, что в «Истории о некоем Шляхедем сыне» говорится о реализации просветительских замыслов Петра I: собранные «отовсюду премыдрья учителя позволили новой Академии прославиться славной и премудрой наукой во всем свете» [83, с. 134]. В «Истории о пане Твердовском» автор идет еще дальше, развивая тему «Академия — светоч наук», он искусно строит конфликт и использует при этом польское сказание о чернокнижнике, бросившем вызов всему человечеству. В этом своеобразии построения новонайденной повести как художественного произведения на демонологический сюжет. Последний воспринят только внешне. Очевидно, что «История» принадлежит уже не средневековью, а литературе нового времени. Как именно происходит развязка конфликта в повести, мы не знаем. Дальнейшие поиски конкретных реалий русской действительности в дошедшем до нас отрывке повести затруднены. Имеется еще один аргумент в пользу датировки «Истории» 20-ми годами XVIII в. — упоминание указа, который получает профессор от польского короля. В этом факте следует усмотреть отражение русской жизни середины 20-х годов. Петр I считал, что Академия наук подчинена только ему и стало быть лишь царь может отдавать ей приказания.

Новонайденный нами текст «Истории о пане Твердовском» позволяет внести уточнения в упомянутый выше вывод акад. М. П. Алексева: некоторые из сказаний о пане Твардовском все же были известны в России за сто лет до появления баллад Мицкевича и Гулака, они нашли отражение в «Истории о пане Твердовском и его славных действиях». М. П. Алексеев замечает, «что у Левшина имя чародея „Твердовский“ и эта транскрипция удерживалась во многих последующих произведениях русской литературы, восходящих к левшинскому сборнику» [39, с. 191]. Такая транскрипция фамилии и в самом деле не случайна. Она связана с традицией русской рукописной повести, которую В. Н. Левшин очевидно знал. В настоящее время мы не можем судить о том, воспользовался ли Левшин заключительной частью «Истории о пане Твердовском» для своей сказки об Алеше Поповиче, поскольку в нашем распоряжении нет всего текста «Истории».

Приведем еще один любопытный литературный факт⁷. Русский автор третьей части любовно-авантюрных «Похождений... Совест-Драла, Боль-

⁷ Благодарю польскую исследовательницу Э. Малек, обратившую мое внимание на этот литературный факт.

шого носа» рассказывает о том, что плут-комедиант Совест-Драл «до того додумался, что как пан Твердовский, шляхтич польский, хотел дать на себя черту подписку» [85]. Вероятно, автор этого произведения второй половины XVIII в. также знал «Историю о пане Твердовском».

Итак, весь приведенный в нашей работе материал свидетельствует о непрерывности литературной традиции польских народных сказаний о Твардовском, вышедших из Польши и нашедших на Украине и в России свою вторую родину. В этом заслуга не только народных сказителей и бандуристов, но и безвестных книжников, вроде автора русской повести. Важно осознавать, что незримые нити связали литературную современность наших народов с древним фольклором, а среди них есть и «нить Твардовского».

В приложении к настоящей работе мы публикуем текст новонайденной повести по Музейской рукописи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

История о пане Твердовском и его славных действиях ⁸ (Рукопись ГИМ, собр. Музейское, № 3097, л. 14—16 об.)

В ⁹ самой резиденции или столичном полском городе В[аршаве] ¹⁰ один благородны шляхтич имел у себя сына, именем пана Твердомбо ¹¹, котораго по обычному и обыкновению отдал для обучения наук в Академию, и при том просил главнаго професора, дабы милостивое приложил старание ка обучению ево, за что он обязан есть безсмертно благодарить професора. По такому ево силному прошению приняв пана Твердомъбо во Академию, и начал первую науку, предствояя ему всеа добродетельные резоны, дабы он имел приятной смысл и желание к самоскорейшему восприятию науки. Однако ж вместо ожидаемаго благополучия и добраго плода, как можно было усмотреть, и многия раздающия страсти, которые побеждали молодого человека и отнимали у него все добрые благоприятности, професор видит такое суровое прирождение, весьма желателем был, как бы отвратил. Чего ради многократно наказан был розгами, и при том предствояемы были науки доволным и толкованием. Точию пан Твердомъбо ни малаго начала не имеет, но всегда яко истуканой в безуми пребывает. Чего ради професор собрав ва Окадемию всех господ учителей и студентов и призвав отца ево, обстоятельно говорил: «Боже мой, я удивляюся такому безчеловечию, как сей человек, которой можно видеть прирождения добраго и надобно б было ожидать израстающего плода, точию вместо ожидаемаго благополучия представляется живое свидетельство такова неразумия и нерадетелнаго промысла, о котором все свои радение прилагаа споро бы и при том сожелетелно есть, что в таком случае будет делать, ибо никакие добродетелства, ниже жесточайшая наказания, в том ево пред всеми сказал: «Ну ¹², господин пан Твердомбо, последнее тебе говарю при твоём родителе и при всех господах учителях, ежели отныне впредиаще не будет твоего желания ко обучению наук, в таком случае так с тобою поступлю, яко с нечестивым человеком и прикажу приковать тебя жестокими цепями, что ты ото всех чюствительное поругание принимать должен будешь». И тако бедной пан Твердомбо в последующем поругании остался. Через некоторое время присмагиван был от професора, точию ни малейшаго начало науки своей не воспринял, через что прикован был великими цепями и умеренной пищею доволствован был в сутки, и к тому ж и входящих и исходящих учеников в знак наказания принимал от каждаго немилостивыя розгами удары. Которой, видя себя отвсюду помощи лишеныя, не знаа, что в жизни своей делать, во первых, приносил слезное прошение праведному богу, дабы он по благословенному его руковождению благий промысл к получению науки своей желателно получил, а потом и мнением своим рассуждал: «Ежели толко я праведнаго бога знат-

⁸ Заголовок киноварный.

⁹ В — киноварное.

¹⁰ Испр., в ркп. — Аршаве.

¹¹ Так в ркп.

¹² Н — киноварное.

но за грехи мои умилоствити не могу, то хотя б самой Люципер развезал меня от таковых мучительных цепей избавил от сего погубительнаго несчастья, которое меня к самой смерти привлекает, и елико возможно, научил всем тем наукам, которыми меня профессор обучает, то за оное обещаюсь и кленусь именем истиннаго христианина, как в нынешнем, так и в будущем веце, душою и живатом моим вовеки вечныя христианскою кровию служить и умирить, и в том долженствую себя узаконить и утвердить в непоколеблемое основание кровию моею».

Коль ¹³ скоро пан Твердомбо такую важность подумал своим мнением, так скоро того вдруг отворились двери, в которые увидел пришедшего одного искуснаго француза, пребогатом платье, и хотя ево впервые от роду видел, точию он в первом случае назвал его: «Пан Твердовской, здравствуй», и при том ему говорил: «Я прошу объявить мне истинную справедливость, что вы пред моим приходом мнением своим розсуждали, нежели родится ис таго самая правда, так вы скорее таго без всякаго труда свое желание получить можете». Пан Твердовской вырозум то, о чем ево тако инастранной человек спрашивает и наперед знает ево тайность, без всякаго страха, но еще с прилежным прошением слово от слова объявил всю истинну, так вдруг мучащия цепи отковались и ево способным учинили и напоследок по ухищренной науки мнимаго француза, а подлиннаго Люципера, к вечному погублению возлюбленной жизни своей. И, не ведая души порезов душевную силу, и написал христианскою кровию смертную крепость дияволу, которой от него с великою радостию принял и положил в сокровенной корман, предста ему разными образы в радосном веселии. И подлинно, как не веселитца было ему, что получил такой авантаж, купил драгоценейши душевный христиански товар за самую малейшею цену временныя жизни, отобрав у такого несмысленнаго отрока божественныя регуля своим диявольским предводителством, ослепил яснейшия очи, которыя, не желая видеть неоцененнаго райскаго веселия, во тму неведения смотреть устремились. Еже так господину попущающу, диявол же действо свое исполняет, в тот же час, взяв аспидную доску, по которой бывае от профессора задачи наукам, начел его обучать. И откуда взялся такой остроумной смысл, что чрез 4 часа не точию все те знаемыя науки учителем, но еще таковыя обучил, которые во всем свете неслыханны были. И тогда почювствовал в себе, что он справедливо свое желание получил, за то мнимаго своего учителя покорнейше благодарил. Он же напротив того во верность вручил ему одно прекраснаго малчика, подобнаго же себе, точию в представлении человеческого, с таким объявлением: «Ежели ему потребно будет денег или какого имения, то изволите объявлять сему малчику, который вам с радостию служить долженствует».

Вот ¹⁴ тогда профессор и прочие учителя собрались в Академию видети свобожденнаго от цепей пана Твердовскаго, спрашивали: «Чего ради такое смелство взял собою свободитца?» Напротив чего ответствовал пан Твердовской: «Милостивые господа учителя, я сколко мог памятовать и твердить ваши заданыя науки, которые ныне помощию божескою совершенно обучил, и для таго мучащия цепи сами меня учинили свободным. Аще же вы мне в том поверить не изволите, то прошу учинить экзаминацыю». Профессор и все учинили продолжающее несчастье и превождению радостию с благополучием сказующею зело тем были довольны, и нимало оному удивлялись, что как чрез такое короткое время все науки обучил, однако ж во верность того каждой учитель зчат от профессора ево экзаминовал, точию он один по острому своему разуму против всякаго обстоятельно ответствовал, что видя ево профессор и учителя подобнаго себе товарыща за такую скороострою науку весьма благодарили и в знак преимущества акедром презентовали.

И тако пан Твердовски помощию и предводителством диявольским первенство знатной науки восприял и от всех учителей в великом предпочтении содержан был. По извесным и славным наукам Полской академии

¹³ К — киеварное.

¹⁴ В — киеварное.

обучались два французского короля сына, которые надобны были родителю своему, чего ради писал склоннейше сообщение королю полскому, дабы при одном добром учителе отправлены были во Францию, за что он сие ва одолжение паметовать долженствует. Полской король, получа сообщение, тотчас призвав профессора, катерому объявил свой повелительный указ, дабы, аще кто охотою из учителей туда отправится, а не желает, тот, каво неволею выбрав достойнаго, к его рассмотрению представил. Профессор получа указ монарха своего, пришед в Академию и собрав всех учителей и студентов, объявил королевской именной указ, не желает ли кто с французскими королевичами отправится во Францию. Ответствовали учителя и студенты: «Мы высочайшее повеление монарха своего исполнить должествуем, однако ж при том милостиво изволил розсудить, яко мы все имеем и себя, дома отцов, матерей же и детей, и фамилию, того ради разлучатца в такое отдаленное государство весма прискорбно есть, разве соблаговолите, каго избрать па очереди, дабы нам друг против друга какой обиды не воспоследовало». Между тем, услышав о препирательстве, пан Твердовски, которой пришед пред главнаго профессора: «Ежели моя в верность услуга моя будет его величеству полскому моему всемилостивейшему государю королю надобно будут ко приращению славы...¹⁵ стро... ие пофалы (?) Полской академи к французскому двору яко учителя отправитца желая и... совершенно окончит все те начатые ... королевича... елико возможно, старатца буду и... благоволите меня его величеству государю королю представить». Главной профессор, полагая свою несумненную надежду на пана Твердовского, во-первых, похвалительно его все благодарили, а потом, взяв его за руку, профессор представил пред короля ... рекомендовал его: «Вашему королевскому величеству истинно сего предстовал, что сия комиссия на такога чеснаго и безпорочнаго вашего величества раба без всякаго ... возможно и бояться ему ... при том в приращение славы вашему величеству в сей Полской области и принесение верных услуг своих обою все охотно отправитца во Францию ехать желает».

Король полской слышав ободренную рекомендацыю и при том видит его человека искусстваго и умнаго, во-первых, пожаловал его пребогатым платьем и честно ... на ево содержания стоит ... милостивым... желанием: «Ежели он исправит свою комиссию и благополучно возвратится в свое отечество, то можеш о нас видеть такое ему будет показано удоволствование, а другим несравненное милосердие». Но против сего пан Твердовски по своей сверхумной науки всеподданейше благодарил, и потом при... благополучно со французскими королевичами, отправились в надлежащий путь. Они же его в таком страхе предпochtени содержали яко должность учительская... следуя избрөнному при том в одно благополучное волношное время при весма чувственных и зеленейших...¹⁶

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скрипиль М. О.* Повесть о Савве Грудцыне. Тексты. — Труды ОДРЛ. Т. V. М. — Л., 1947, с. 231.
2. *Vogl T.* Twardowski — der polnische Faust. Wien, 1861.
3. *Leppelmann W.* Twardowski, der polnische Faust. Münster, 1910.
4. *Goldstern J.* Twardowski, der polnische Faust. — Zeitschrift für österreichische Volkskunde. Wien, 1912, H. 1—2, S. 36—46.
5. *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym, t. 2. Warszawa, 1947.
6. *Krzyżanowski J.* Polska bajka w układzie systematycznym. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963, s. 228—230.
7. *Twardowski.* — In: Słownik folkloru polskiego. Pod red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1965, s. 405—407.
8. *Gloger Z.* Encyklopedia staropolska ilustrowana. Wyd. 2, wstep J. Krzyżanowski, t. IV. Warszawa, 1978, s. 389.
9. *Wójcicki K. W.* Klechdy. Starożytnie podania i powieści ludu polskiego i Rusi. Warszawa, 1837.

¹⁵ Многоточием здесь и далее обозначаются неразборчиво написанные буквы и слова. Текст в рукописи на этом листе полустерт.

¹⁶ Далее текст рукописи не сохранился.

10. *Wójcicki K. W.* Klechdy. Starożytne podania i powieści ludu polskiego i Rusi. Wyb. i opr. R. Wojciechowskiego. Warszawa, 1972.
11. *Wójcicki K. W.* Podanie o czarnoksiężniku Twardowskim. — Tygodnik ilustrowany od 1 lipca do 31 grudnia 1862 r. Warszawa, 1862, t. VI, s. 235—237, 243—246, 256—257.
12. Podanie o czarnoksiężniku Twardowskim. — In: Józefa Ungra Kalendarz ilustrowany na rok zwyczajny 1865. Warszawa, 1864, s. 78—80.
13. *Победоносцев С.* Казимир Владислав Войтицкий. — Русский вестник, 1842, № 5—6, с. 112—136.
14. Польские народные легенды и сказки. М. — Л., 1964, с. 203—204.
15. *Mickiewicz A.* Pani Twardowska. — Dziennik literacki. Warszawa, 1821.
16. *Mickiewicz A.* Dzieła. T. 1. Warszawa, 1948.
17. *Mickiewicz A.* Dzieła wszystkie. T. 1, pod red. K. Górskiego. Wrocław, 1971.
18. *Kubacki W.* Wątpliwy awans szewca. O balladzie Mickiewicza «Pani Twardowska». — In: Adam Mickiewicz. Katowice, 1958, s. 225—233.
19. *Kamiński J. I.* Mistrz Twardowski na Krzemionkach. Krotochwila czarodziejska we 3 aktach, z powieści gminnej dla Teatru lwowskiego w kwietniu 1825 napisana... Wyst. Lwów, 1825. (Рукопись Библ. Оссолинских, № 4666/III).
20. *Kraszewski J. I.* Mistrz Twardowski. Powieść z podań gminnych. — Tygodnik literacki. Warszawa, 1839, № 28.
21. *Kraszewski J. I.* Mistrz Twardowski. Wilno, 1840.
22. Zbiór powieści J. I. Kraszewskiego. T. 62—63. Lwów, 1879.
23. *Kraszewski J. I.* Mistrz Twardowski. Warszawa, 1955 (2 wyd. — 1957).
24. *Korsak J.* Twardowski Czarnoksiężnik. — In: Nowe poezje. Dzieła, T. 2. Wilno, 1840.
25. *Zieliński G.* Czarnoksiężnik Twardowski. Warszawa, 1856.
26. *Szujski J.* Pan Twardowski. — Dziennik literacki. 1862, № 8—10; 1866, № 39—41.
27. *Szujski J.* Pan Twardowski. — Tygodnik ilustrowany. Warszawa, 1866, № 371, 373.
28. *Szujski J.* Pan Twardowski. Kraków, 1866.
29. *Szujski J.* Pan Twardowski. — In: Dzieła. Wyd. zbiorowe. Seria I. T. 1. Kraków, 1885.
30. *Matuszewski I.* Dyabeł w poezji. Historia i psychologia postaci uosabiających zło w literaturze pięknej wszystkich narodów i wieków. Studium literacko — porównawcze, wyd. 2. Warszawa, 1899, s. 249—250.
31. *Groza A.* Twardowski. Misterium z podań narodowych. Cz. 1—2. Brody, 1873.
32. *Staff L.* Mistrz Twardowski. Pięć śpiewów o czynie. Lwów, 1902.
33. *Staff L.* Pisma. T. 3, wyd. 2. Warszawa, 1931.
34. *Staff L.* Wiersze zebrane. T. 1. Warszawa, 1955.
35. *Staff L.* Poezje zebrane. T. 1. Warszawa, 1967.
36. *Boruski A.* Sławny mistrz czarnoksiężski. Stevens Point, Wisconsin, 1915.
37. *Zubrzycki J.* Mistrz Twardowski — białoksiężnik polski. Prawda z podań, s. I. 1928, 407 s.
38. *Алексеев М. П.* К сказаниям о пане Твардовском в русской литературе. — В кн.: Литература. Компаратистика. Фольклор. Кsięga poświęcona J. Krzyżanowskiemu. Warszawa, 1968, s. 870—888.
39. Славяно-романо-германские параллели. 2. К сказаниям о пане Твардовском в русской литературе. — В кн.: Славянские литературные связи. Л., 1968, с. 186—194.
40. *Каченовский М. Т.* Предисловие в кн.: Гулак-Артемовский П. П. Твардовский. Малороссийская баллада. — Вестник Европы. СПб., 1827, ч. 125, № 6 (апрель), с. 121.
41. *Попов П. М.* Перший збірник українських народних пісень. — В кн.: Українські пісні видані М. Максимовичем. Фотокопія з видання 1827 р. Підг. вид. і розвідка члена-кор. АН УРСР П. М. Попова. Київ, 1962, с. 317.
42. Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827, с. 1—9.
43. *Maciejowski W. A.* Sowizrał i Twardowski. — Biblioteka warszawska. Warszawa, 1841, t. III, s. 1—19.
44. *Maciejowski W. A.* Polska a Ruś aż do połowy XVII w. T. IV. Warszawa, 1842, s. 392.
45. Етнографічний збірник Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. 2. Львів, 1902, с. 203.
46. *Левишин В. А.* Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные, и прочие, оставшиеся чрез сказывание в памяти приключения. Ч. 1. М., 1780, с. 178—248.
47. *Радищев Н. А.* Альоша Попович, богатырское песнотворение. Ч. 1. М., 1801, песнь вторая, с. 72—73; песнь третья, с. 88—102.
48. *Ситовский В. В.* Руслан и Людмила. — В кн.: Пушкин и его современники. Вып. IV. СПб., 1908, с. 59—84.
49. *Загоскин М. Н.* Пан Твардовский. — Библиотека для чтения. СПб., 1834, т. 3, отд. I, с. 63—128.
50. *Загоскин М.* Повести, в двух частях. Ч. 1. М., 1837, с. 43—79.
51. *Загоскин М. Н.* Полн. собр. соч., т. 10. СПб., 1898, с. 129—167.
52. Твардовский. Малороссийская баллада. Соч. Петра Гулак-Артемовского. СПб., 1827.
53. *Охрименко П. П.* Творческие переработки баллады «Пани Твардовская» Адама Мицкевича в украинской и белорусской литературах первой половины XIX в. — Уч. зап. Гомельского пед. ин-та, вып. 3. Минск, 1956, с. 89—97.

54. Адам Мицкевич в русской печати. 1825—1955. Библиографические материалы. Сост. Я. Л. Левоквич. М.—Л., 1955.
55. Юрченко А. С. Адам Мицкевич в украинских переводах.— Автореф. диссерт. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. Харьков, 1967.
56. Твардовский. Повесть, взятая из польских народных преданий Иосифа Игнатия Крашевского.— Репертуар и пантеон театров. СПб., 1847, т. I, с. 59—102; т. 2, с. 1—74.
57. Крашевский И. И. Пан Твардовский. СПб., 1859.
58. Крашевский И. И. Пан Твардовский. СПб., 1884.
59. Погорельский И. Пан Твардовский. М., 1909.
60. Погорельский И. Пан Твардовский. М., 1914.
61. Боричевский И. Пан Твардовский. Повесть польская.— В кн.: Повести и предания народов славянского племени. СПб., 1840, с. 19—25.
62. Евстигнеев М. Пан Твардовский, польский колдун. Повесть, составленная по народным преданиям и легендам. М., 1868.
63. Евстигнеев М. Жизнь и приключения пана Твардовского, польского колдуна. М., 1892.
64. Пан Твардовский или колдун XVI века, легенда из народных польских преданий и рассказов. М., 1895.
65. Пан Твардовский или колдун XVI века. Старинное польское предание. Изд. I. СПб., 1905.
66. Клепиков С. А. Филигрانی и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959, с. 60.
67. Клепиков С. А. Филигрانی на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978, с. 42 (№ 654).
68. Розов В. А. Повесть о Савве Грудцыне.— Университетские издания. Киев, 1905, № 3, с. 1—7.
69. Розов В. А. Повесть о Савве Грудцыне.— Сборник статей в честь Н. П. Дашкевича. Киев, 1906, с. 234—241.
70. Bittner K. Die Faust-Sage im russischen Schrifttum. Prag, 1930, S. 63—81.
71. Górnicki L. Dworzanin polski. Kraków, 1566.
72. Górnicki L. Dworzanin polski. Opr. R. Pollak. Wrocław, 1954.
73. Krzyżanowski J. Dwa żarty Gonelli w «Dworzaninie polskim».— In: Krzyżanowski J. Paralele, wyd. 2. Warszawa, 1961, s. 40—50.
74. Wojcicki K. W. Do redaktora «Tygodnika ilustrowanego».— Tygodnik ilustrowany, Warszawa, 1864, t. IX, № 235, s. 119—120.
75. Kuchta J. Historyczność postaci Twardowskiego wedle źródeł. Lwów, 1928.
76. Kuchta J. Zabytki i tradycje historyczne po Twardowskim. Lwów, 1930.
77. Czubryński A. Mistrz Twardowski. Studium mitogenetyczne. Warszawa, 1930.
78. Świeżawski E. Do studiów nad podaniem o Twardowskim.— Biblioteka warszawska. Seria V. Sierpień. T. III, z. 8. Warszawa, 1875, s. 205—225.
79. Bandtke J. S. Historia Biblioteki i Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków, 1821.
80. Naramowski A. Facies rerum Sarmaticatum, lib 1. Warszawa, 1734, p. 28.
81. Maczyński J. Czarnoksiężka księga Twardowskiego w Bibliotece Jagiellońskiej w Krakowie.— Czas, 1856, № 30.
82. Sinko T. Krakowska «Księga Twardowskiego». Legenda bibliograficzna.— Dodatek literacki do «Czasu», 1921, № 295, 25 grudnia.
83. Русские повести первой трети XVIII века. Исследование и подг. текстов Г. Н. Моисеевой. Л., 1965.
84. Полное собрание законов Российской империи, т. VII, № 443. Регламент Академии наук от 7 декабря 1725 г. Материалы для истории Академии наук.— Летопись русской литературы и древностей. Т. V. М., 1863, с. 5—6.
85. Похождения нового увеселительного шута и великаго в делах любовных плута Совест-Драла, Большого носа, ч. III. СПб., 1789, с. 223.

К НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СЛАВИСТИЧЕСКОЙ КАФЕДРЫ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В соответствии с университетским уставом, утвержденным 26 июля 1835 г., в Московском университете вводился новый предмет «История и литература славянских наречий» [1, стлб. 971]. Одним из претендентов на занятие кафедры по этому предмету в то время был, как известно, Ю. И. Венелин. Однако его попытка получить эту кафедру успехом не увенчалась; новая кафедра досталась декану I (словесного) отделения философского факультета М. Т. Каченовскому, занимавшему до этого назначения кафедру российской истории и статистики¹. В литературе о неудавшейся попытке Венелина стать первым в истории Московского университета профессором-славяноведом² высказано немало неверных и неточных положений. Некоторые из них освещаются нами в другой статье

¹ Первоначально, до вступления в силу нового устава, Каченовскому поручалось преподавание предметов по обеим кафедрам. Это видно из отчета университета за 1835/36 академический год, где сказано: «Согласно с утвержденным г. министром народного просвещения распределением кафедр назначено преподавать учебные предметы историю и литературу славянских наречий и Российскую статистику заслуж[енному] пр[офессору] Каченовскому» [2, с. 5]. С 1 января 1836 г., с вступлением указа в силу, за Каченовским была оставлена только новая кафедра. В том же отчете читаем: «При введении в действие нового устава произошли следующие перемены в преподавателях и учебных предметах: В 1-м отделении философского факультета: заслуж[енному] пр[офессору] Каченовскому, вместо кафедры Российской истории и статистики, поручено преподавание истории и литературы славянских наречий...» [2, с. 15]. Одновременное занятие двух кафедр одним профессором, согласно п. 89 устава, запрещалось, «кроме крайних случаев, и притом на непродолжительное время» [1, стлб. 982]. Однако чтение курса по истории и статистике России Каченовский продолжал и в новом (1836/37) академическом году для студентов словесного отделения и юридического факультета [3, с. 3].

² Формально первым профессором-славяноведом в Московском университете и во всей России был М. Г. Гаврилов. Он занял «кафедру славянского языка», учрежденную в Московском университете в 1811 г. Целью этой кафедры было «ознакомить учащихся со всеми вообще славянскими книгами, с показанием соотношения русского языка к славянскому и происхождения его из славянского» [4, с. 50]. «Человек, совершенно чуждый научному языкознанию, — профессор изящных наук и эстетики, прежде преподаватель немецкого языка» [5, с. 747], Гаврилов не имел никакой славистической подготовки. По сохранившимся сведениям, содержание его лекций по «кафедре славянского языкознания» заключалось (по крайней мере в последние годы его жизни) «в чтении славянской псалтыри и в восхищении отдельными местами ее» [4, с. 51]. После смерти Гаврилова (1829), этого «невольника-слависта, в порядке времени — первого славянского профессора в России» [4, с. 51], «кафедра славянского языка» в Московском университете была упразднена, так что «первый опыт учреждения кафедры славянской филологии вышел вполне неудачным и не имел никакого научного значения» [5, с. 747]. В. И. Пичета писал (со ссылкой на цитируемую здесь работу Кочубинского!), что учрежденную в 1811 г. в Московском университете кафедру славяноведения «занимал сам Каченовский» [6, с. 37]. На ошибочность такого мнения уже обращал внимание С. Б. Бернштейн [7, с. 126, сноска 1]. Подробнее о «кафедре славянского языка», открытой в 1811 г., см. [4, с. 50—52]. Существует мнение, что «славяноведение стало предметом преподавания» в Московском университете с учреждением именно этой кафедры [8, с. 38].

[9]. Здесь же мы остановимся на вопросе о том, когда началось чтение курса лекций по новому предмету «История и литература славянских наречий».

Поскольку до вступления в силу университетского устава 1835 г. и до назначения Каченовского на славистическую кафедру курс «истории и литературы славянских наречий» в университете не преподавался³, то очевидно, что занятия по данному предмету начались не ранее указанного назначения Каченовского. Относительно времени этого назначения в историографии существуют разные мнения. Одни исследователи считают, что Каченовский получил кафедру еще до 17 августа 1835 г.— до начала 1835/36 академического года [10, с. 180]; другие называют точную дату — 31 декабря 1835 г. [11, с. 383; 12, с. 116] или просто 1835 г., без точной даты [13, с. 180]; третьи исследователи полагают, что Каченовский возглавил кафедру в 1836 г. [14, с. 113; 15, с. 214] или после 1835 г. [7, с. 126, сноска 1]. Неудивительно поэтому, что и начало занятий Каченовского по новому предмету «история и литература славянских наречий» разные исследователи относят к разным годам.

Так, И. В. Ягич писал, что Каченовский «стал читать историю и литературу славянских наречий» в 1835 г. [16, с. 924]. М. Г. Булахов указывает, что Каченовский возглавил кафедру с 31 декабря 1835 г. и что «с этого времени он преподавал славистические дисциплины» [12, с. 116]. По мнению И. Шишманова, Каченовский, «хотя и неподготовленный для своего нового предмета», уже читал его в 1836 г. [17, с. 46]. Хотя расхождения в датировке начала занятий по курсу «истории и литературы славянских наречий», как видим, и не столь разительны, все же представляется важным указать, когда же в действительности Каченовский начал чтение этого курса и когда именно, таким образом, началось преподавание славяноведения как отдельного, самостоятельного предмета на вновь учрежденной кафедре.

Ответ на этот вопрос находим в официальных отчетах о деятельности Московского университета в 1835—1837 гг. Новый университетский устав вступил в силу с 1 января 1836 г., однако не все предметы, предусмотренные им, стали преподаваться сразу же, т. е. во втором полугодии 1835/36 академического года. В отчете университета за 1835/36 гг. указано, что в связи с введением в действие устава с 1 января 1836 г. «учебные предметы по предписанию г. министра народного просвещения расположены были так, что учение было и продолжением начатого академического года и приуготовлением к общему преобразованию, которое последовало в полном объеме в начале текущего (т. е. 1836/37.— Г. В.) академического года. По этому распределению г.г. профессора занимались окончанием прежних наук, не преподавали» ряда новых для университета наук, в том числе и «историю и литературу славянских наречий» [2, с. 6, 34]. В первом полугодии 1835/36 академического года, начавшемся 17 августа 1835 г., т. е. через три недели после утверждения устава, история и литература славянских наречий в числе учебных предметов и списке «Лекций словесного отделения» не значилась [18; 19, с. 11]. Каченовский начал преподавать этот предмет с первого полугодия следующего, 1836/37 академического года студентам 3 курса I (словесного) отделения философского факультета. Согласно официальной «Таблице распределения предметов и времени преподавания в Московском университете на 1836/37 академический год» и расписанию лекций в 1-е и 2-е полугодия на «историю и литературу славянских наречий» отводилось по 4 часа в неделю; занятия проходили по четвергам и субботам по 2 часа, с 13 до 15 часов [3, с. 15]. Занятия по этому предмету посещали в 1836 г. 21 слушатель, в 1837 г.— 29 слушателей [20; 21]. Из сказанного следует, что чтение лекций по курсу «история и литература славянских наречий» в Московском университете началось в 1-м полугодии 1836/37 академического года, начавшемся в августе 1836 г.

³ О характере лекций М. Г. Гаврилова по «кафедре славянского языка» в конце 20-х годов XIX в. см. сноску 2.

В свете приведенных данных никак нельзя согласиться с утверждением Л. Минковой о том, что «кафедра славистики в Московском университете начинает свою работу с сентября 1842 г., когда Бодянский возвращается из Чехии» [22, с. 28—29].

О том, что представлял собой читанный Каченовским курс лекций «по истории и литературе славянских наречий», в настоящее время известно мало. Так, С. Б. Бернштейн, ссылаясь на воспоминания Ф. И. Буслаева, отмечает только, что Каченовский «добросовестно излагал общие руководства Шафарика» и что «дальше этого преподавание славянской филологии не шло» [23, с. 384]. В общей форме характеризует содержание этого курса и в некоторых других трудах. Например, М. Г. Булахов указывает, что Каченовский «преподавал славистические дисциплины» [12, с. 116]. В конце XIX в. И. Шишманов писал, что «неподготовленный для своего предмета» Каченовский «действительно читал о церковном, чешском и польском языке» [17, с. 46].

Ниже приводятся материалы, дающие более широкое представление о содержании лекций по славяноведению, читанных Каченовским в Московском университете в первые годы по учреждению в нем кафедры «истории и литературы славянских наречий». Материалы эти содержатся в опубликованных тогда же официальных ежегодных отчетах о деятельности Московского университета. Ввиду важности данных материалов для характеристики начальной истории преподавания славяноведения не только в этом университете, но и вообще в университетах России, приводим из отчетов полные выдержки, касающиеся лекций по «истории и литературе славянских наречий». Сделать это целесообразно еще и потому, что упомянутые отчеты в настоящее время представляют собой библиографическую редкость и потому малодоступны широкому кругу читателей. В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, например, нет отчета за 1838/39 академический год, а в Научной библиотеке Московского университета этот отчет хранится в настоящее время в Отделе редких книг.

Как уже отмечалось выше, в 1835/36 академическом году, т. е. в первом учебном году по учреждении кафедры, курс «истории и литературы славянских наречий» Каченовский еще не читал, поэтому и в разделе «Преподавание» в отчете за этот год о нем ничего не сказано [24, с. 5—8]. Преподавание этого предмета Каченовский начал в первом полугодии 1836/37 академического года.

О том, с чего именно предполагал Каченовский начать новый для себя лично и для университета курс, можно судить по краткой его аннотации, содержащейся в разделе «Лекции философского факультета I-го отделения» обзора преподавания наук в университете в том академическом году. В аннотации сказано: «Заслуженный профессор М. Т. Каченовский декан отделения преподает студентам 3 курса Историю и литературу славянских наречий: в 1-м полугодии, после общего обзора, преимущественно изложит сведения о церковнославянском, а во 2-м о богемском и польском» [3, с. 3]. Подробнее содержание уже прочитанного в указанном учебном году курса лекций Каченовского, в основном совпадающее с запланированным, изложено в отчете о деятельности университета за тот же год. В нем говорится: «Историю и литературу славянских наречий преподавал заслуженный профессор Каченовский, студентам и слушателям 3 курса по четыре часа в неделю. В первом полугодии сперва сделан был общий обзор упомянутых наречий, потом изложена история и литература языка церковнославянского. Руководством для преподавания служил план Иосифа Добровского, поясняемый введением к его же Грамматикам, статьями из Славина и Славянки, отрывками из путевых записок Мих. Бобровского, сочинениями Шафарика, наконец, пособиями отечественных наших археографов и библиографов. Во втором полугодии изложен был Этимологикон Добровского и вкратце показана история литературы богемской и польской, по указаниям Добровского и Бентковского. Способ изложения употребляем был, по большей части, хронологический. Пройдено все, что было предположено; репетиции делаемы были два раза пред вакациями. Уча-

щиеся поочередно составляли записки о лекциях в виде извлечения из того, что было преподаано» [25, с. 8].

В следующем, 1837/38 академическом году Каченовский намеревался дать студентам 3 и 4 курсов в первом полугодии «общее обозрение славянских наречий», во втором — «исключительно историю языка церковнославянского», и сверх того в оба полугодия — изложить «историю литературы богемской и польской» [26, с. 3]. Намеченную программу лекций Каченовский выполнил не полностью, хотя в отчете университета сказано, что все намеченное было выполнено. Фактическое содержание этого курса согласно отчету было таково: «В первом полугодии сделан был общий обзор наречий юго-восточного порядка, по разделению и указаниям Иос. Добровского, которого сочинения служили главным руководством для преподавателя. Во втором полугодии изложены были Правила этимологии г. Линде и для сравнения с ними Этимологикон Добровского и пройдена История славянских наречий северо-западного порядка. Способ преподавания удержан был, по-прежнему, хронологический, с присовокуплением однакож критических указаний там, где при чтении памятников письменности следовало замечать переход из наречий церковнославянского в великороссийское и другие новейшие. Пройдено все, что было предположено. Репетиции были делаемы два раза перед ваканциями, зимнею и летнею» [27, с. 8].

В 1838/39 академическом году Каченовский по первоначальной программе должен был преподавать студентам 3 и 4 курсов «в первом полугодии обозрение славянских наречий и их литературы, а во втором исключительно историю литературы богемской и польской» и, кроме того, «в течение годичного курса филологически объяснить памятники письменности церковнославянской» [28, с. 3]. В действительности же тематика прочитанных лекций отличалась от намеченной. Согласно отчету, в первом полугодии сделан был общий обзор наречий юго-восточного порядка, по разделению и указаниям И. Добровского, которого сочинения служили главным руководством для преподавателя; между тем обращено было внимание слушателей преимущественно на свойства церковнославянского, на отличительные признаки его и на отношение к прочим наречиям. Во втором полугодии после изложения Истории наречий северо-западного порядка, по доказанному опыту профессора, снова признано за полезное сообщить слушателям учение о правилах общей этимологии, по руководству г. Линде, и вслед за тем об Этимологиконе славянских наречий по книжке Добровского. Способ преподавания удержан был, где следовало, хронологический. Предположенное в программе пройдено все сплошью. Слушатели, в продолжение курса, поочередно представляли профессору свои записки об его лекциях. Репетиции делаемы были два раза перед ваканциями, зимнею и летнею» [29, с. 6—7].

В 1839/40 академическом году по намеченному плану Каченовский намеревался дать студентам 3 и 4 курсов в первом полугодии «обозрение славянских наречий и их литературы», а во втором только студентам 4 курса — «историю литературы богемской и польской»; кроме того, он предполагал в течение всего года «филологически объяснить памятники письменности церковнославянской» [30, с. 3]. Первоначальная программа лекций на этот год уже с началом занятий изменилась. Студенты 3 курса «по стечению других учебных предметов были освобождены от сих лекций с тем предположением, что в следующем году они должны выслушать вполне преподавание о славянских наречиях» [31, с. 7]. О содержании лекций, читанных в этом учебном году, в отчете сказано: «В первое полугодие сделан был общий обзор наречий; рассмотрены признаки и отличительные качества (наречий. — Г. В.) принадлежащих к юго-восточному порядку, предложена их литература, в особенности же церковнославянская и глаголическая, по указаниям И. Добровского, которого сочинения служили главным руководством для преподавателя. Сверх того обращено было внимание слушателей на ход и судьбу наречий великороссийского (до Ломоносова), южнорусского, белорусского (литовско-русского) и на их литературу. Во втором полугодии после обозрения вообще ис-

тории наречий северо-западного порядка были рассмотрены: литература чешская по руководством Добровского и Юнгмана, а польская по сочинениям Бентковского и Лукашевича. Профессор не упускал удобного случая предлагать тексты разных столетий и делать при том свои замечания. Способ преподавания удержан был, как и прежде, хронологический, где требовала того надобность. Предположенное в программе пройдено все сполна. Кроме предлагаемых вопросов в разные времена, репетиции делаемы были два раза, именно перед вакациями зимнею и летнею» [31, с. 7].

В 1840/41 академическом году «историю и литературу славянских наречий» Каченовский читал только студентам 4 курса. «Так как в прошедшем академическом году, — говорится в отчете, — они выслушали уже предварительное изложение сведений о славянских наречиях вообще с их признаками и отличительными качествами⁴, то в дополнение к тому в течение первого полугодия изложены были им правила Этимологии по Линде и общий Этимологикон по начертанию Добровского. Непосредственно за тем преподана была История чешского языка и литературы по руководству Добровского и Юнгмана; во втором полугодии пройдена История польского языка и литературы, по сочинениям Бентковского (так! — Г. В.) и Лукашевича, предложены сведения о лужатских вендах и полабах и о наречиях сих племен славянских. В оба семестра профессор занимался, между прочим, сравнительными текстами древних переводов на разных наречиях с филологическою целию, преимущественно имея в виду язык церковнославянский. Способ преподавания удержан был, где следовало, хронологический. Предположенное все пройдено. Кроме вопросов, смотря по надобности предлагаемых слушателям в продолжение всего академического года, пред вакациею сделано было краткое повторение всего, что пройдено было в оба семестра» [32, с. 11].

О занятиях Каченовского в 1841/42 академическом году в отчете сказано очень кратко: «Историю и литературу славянских наречий преподавал заслуженный профессор Каченовский студентам 4 курса, по 3 часа в неделю» [33, с. 9]. В августе 1841 г. Каченовский дома сломал ногу, долго болел и только с середины марта 1842 г. возобновил чтение лекций, но уже 19 апреля (1 мая) скоропостижно скончался в своем кабинете, сидя в вольтеровском кресле с книгой в руках [34, с. 263]. Таким образом, в последнем в своей жизни учебном году Каченовский читал лекции по «истории и литературе славянских наречий» примерно в течение месяца. Какова была их тематика, мы не знаем.

В сентябре 1842 г., уже в новом учебном году, лекции по «истории и литературе славянских наречий», как известно, стал читать вернувшийся из ученой поездки по славянским странам О. М. Бодянский, что открыло новую страницу в истории преподавания славяноведения в Московском университете.

При всей своей краткости приведенные выдержки из официальных отчетов Московского университета содержат важные сведения о читанных Каченовским лекциях по «истории и литературе славянских наречий», ученых трудах (пособиях), которыми он пользовался, и характере самих занятий. В основу официальных отчетов об этих лекциях положены несомненно данные самого Каченовского, бывшего в те годы первоначально деканом I (словесного) отделения, а затем ректором университета. В связи с этим может возникнуть вопрос, насколько достоверны эти данные, в какой мере они соответствуют тому, что и как преподавал Каченовский на деле. Конспект лекций Каченовского по «истории и литературе славянских наречий» неизвестен, как неизвестно и то, был ли он вообще. Не сохранились и студенческие записи этих лекций (во всяком случае они тоже неизвестны). Поэтому содержащиеся в приведенных выдержках из университетских отчетов сведения, остававшиеся вне поля зрения исследователей, являются как будто единственным источником, по которому в на-

⁴ Это утверждение противоречит тому, что сказано в отчете за 1839/40 учебный год, согласно которому, как видно из сказанного выше, студенты 3 курса из-за перегрузки занятиями были освобождены от лекций Каченовского с тем, однако, что «в следующем году они должны выслушать вполне преподавание о славянских наречиях».

стоящее время можно судить о первом славистическом курсе в Московском университете. Ставить под сомнение эти сведения в целом, на наш взгляд, нет оснований. Университетские отчеты ежегодно печатались и, если бы Каченовский представлял для них данные о собственных лекциях, существенно отличавшиеся от их фактического содержания и характера, он мог бы, вероятно, оказаться в неловком положении. Какой смысл было ему, заслуженному профессору, декану, а затем и ректору университета, придумывать для официальных отчетов то, чего он не делал? Мы полагаем, таким образом, что приведенные выше фрагменты из отчетов университета о лекциях Каченовского следует рассматривать как заслуживающий доверия источник сведений о первых лекциях по славяноведению в Московском университете. Что же можно почерпнуть из этого источника?

Относительно содержания лекций Каченовского следует сказать следующее. В разные учебные годы он давал «общий обзор» славянских языков или наречий, как тогда они обычно назывались, и обзор отдельных групп этих языков — «юго-восточного порядка» и «северо-западного порядка». В лекциях приводились сведения по истории языков, входящих в названные группы, в том числе по истории «наречий великорусского (до Ломоносова), южнорусского и белорусского (литовско-русского)», чешского и польского, а также сведения о лужицком (наречие «лузатских вендов») и полабском языках. Значительное место Каченовский уделял характеристике церковнославянского языка — его «свойствам» и «отличительным признакам», отношению к другим, в частности к «великорусскому и другим новейшим» наречиям (языкам). В лекциях Каченовского освещалась и литература зарубежных славян, прежде всего польская и чешская. Из литературы на языках (наречиях) «юго-восточного порядка» освещалась главным образом «церковнославянская и глаголическая». Что касается других научных областей изучения славянства — истории, этнографии, фольклора, то им в курсе лекций Каченовского, насколько можно судить по приведенным выше выдержкам, уделялось, видимо, весьма незначительное место.

Приведенные фрагменты из отчетов показывают, что Каченовский в своем курсе лекций опирался на достаточно большой круг работ своих современников и предшественников, а не только на «общие руководства Шафарика», как это следует из воспоминаний Буслаева. Прежде всего следует отметить, что основным руководством для Каченовского были труды не П. Шафарика, а И. Добровского. В отчетах сочинения Добровского неизменно характеризуются как «главное руководство для преподавателя». Каченовский следовал «плану Иосифа Добровского» при общей характеристике славянских языков (наречий), «разделению и указаниям Иос. Добровского» — при общей характеристике «наречий юго-восточного порядка», «по указаниям И. Добровского» — при характеристике «церковнославянской и глаголической литературы». Труды Добровского Каченовский использовал и при освещении других разделов своего курса — грамматики церковнославянского и других языков, истории чешского языка, чешской литературы и др. Обращает на себя внимание тот факт, что сочинения Шафарика, использованные для пояснения данной «по плану» Добровского общей характеристики славянских языков (наречий), а также, видимо, «истории и литературы языка церковнославянского», Каченовский называет только один раз — в отчете за первый год преподавания нового предмета. Ф. И. Буслаев в своих воспоминаниях писал, что, когда он был на четвертом курсе, т. е. в 1837/38 году, Каченовский читал «историю литературы славянских наречий по немецкому учебнику Шафарика» [35, с. 114]. В отчете университета за указанный год этот учебник не упоминается, а в качестве «главного руководства для преподавателя» (т. е. Каченовского) фигурируют сочинения Добровского. Очевидно, что Буслаев, хорошо запомнивший и ярко описавший внешнюю обстановку на лекциях Каченовского (об этом см. ниже), пособия, которыми пользовался профессор, указывает не совсем точно.

Кроме работ Добровского и Шафарика, Каченовский использовал также труды И. Юнгмана, С. Линде, Ф. Бентковского, П. А. Лукашеви-

ча, М. К. Бобровского. Обращает на себя внимание тот факт, что среди упоминаемых ученых нет имен таких крупных отечественных филологов тех лет, как А. Х. Востоков, К. Ф. Калайдович, внесших в 20—30-е годы XIX в. значительный вклад в изучение древнейших памятников славянской письменности и их языка. Только в отчете за первый год преподавания «истории и литературы славянских наречий» в числе других упоминаются и «пособия отечественных наших археографов и библиографов», т. е., возможно, и труды названных русских ученых.

Относительно характера занятий Каченовского на основании приведенных выдержек из отчетов университета можно сказать следующее. Основной курса по «истории и литературе славянских наречий» были лекции Каченовского, в которых он, судя по всему, преимущественно излагал содержание трудов названных выше ученых, «с присовокуплением», однако, и собственных «критических указаний». В изложении материала Каченовский обычно следовал хронологическому принципу. На занятиях студентам предлагались «вопросы в разные времена». Некоторое внимание уделялось, по-видимому, чтению и филологическому объяснению «памятников письменности» («текстов разных столетий», «текстов древних переводов»), при котором Каченовский делал «свои замечания». Студенты обязаны были вести записи лекций и поочередно представлять их Каченовскому. Перед летними и зимними каникулами проводились «репетиции», т. е. экзамены.

В целом складывается впечатление, что едва ли не центральное место в лекциях Каченовского отводилось общей характеристике славянских языков, базировавшейся, главным образом, на трудах Добровского и, в меньшей мере, Шафарика и некоторых других ученых. Из отдельных языков значительное внимание уделялось церковнославянскому. Основной упор в лекциях делался, по-видимому, на данные исторического развития славянских языков. Из литератур зарубежных славян Каченовский характеризовал почти исключительно чешскую и польскую.

Лекции Каченовского не пользовались у студентов никакой популярностью. Каченовский начал читать этот курс, когда ему шел уже 62-й год. Он не имел специальной славистической подготовки, и порученный ему новый в университете курс лекций не стал для него близким настолько, чтобы он мог привлечь к нему внимание своих слушателей. О том, как проходили лекции Каченовского, об отношении к ним студентов можно судить по ярким воспоминаниям Ф. И. Буслаева. Каченовский «читал нам, — вспоминал Буслаев уже в конце 80-х — начале 90-х годов, — на четвертом курсе вместе с третьим историю литературы славянских наречий по немецкому учебнику Шафарика. Он был тогда уже глухой и почти слепой: вдаль кое-как видел, но читать мог только в очках, которые, помогая ему вблизи, застилали перед ним в тумане все окружающее, и чтобы увидеть нас с кафедры, он должен был снимать с носа свои очки, что производил он довольно медленно, осторожно вытаскивая их из-за ушей. Таким образом мы, сидя на лавках перед самою кафедрою, были для него отделены как бы темною завесою. Всякий раз Каченовский приносил с собою Шафариков учебник, разлагал его на кафедре и старческим дряблым голосом, с передышкою, подстрочно переводил немецкую речь на русские слова. Монотонность такого чтения с неизбежными паузами, когда переводил экспромтом, наводила на нас томительную скуку, и тем больше потому, что нам самим хорошо была знакома эта немецкая книга; но мы терпели по необходимости и боялись отсутствовать на лекции. Каченовский и без того всегда отличался строгостью, а в то время, будучи ректором, требовал от нас неукоснительного исполнения своих обязанностей, и для того выдал приказание, чтобы перед каждою его лекциею дежурный субинспектор делал нам перекличку по списку и отмечал на нем отсутствующих, для доклада ректору. Нам ничего не оставалось более делать, как всем сполна приходиться на лекцию, сидеть смиренно и для развлечения каждому читать свою книгу» [35, с. 114—115]. Лекции Каченовского не вызывали у его слушателей никакого интереса, и молчаливое чтение книг на них вскоре сменилось «шаловливыми забавами», имевшими «вид театраль-

ных представлений, соединяющих в себе как бы мимику с музыкой, если только крик и грохот можно отнести к музыкальному роду» [35, с. 116]. По словам Буслаева, такие «шаловливые забавы», «увеселительные представления», «оглушительные фокусы», «шутовские комедии», завтраки, с которых начиналось «слушание, или точнее, неслушание» каждой лекции Каченовского, продолжались до вспыхнувшей однажды на лекции драки между двумя студентами. «Перепалка» между ними была «такая крупная, что даже сам Михаил Трофимович очнулся от своего усыпительного чтения, поторопился во-время стащить очки и узрел перед собою воочию на своей лекции кулачное единоборство. Всех нас объял ужас и трепет. Грозный ректор дал себя знать» [35, с. 119]. Подравшиеся студенты были наказаны, а инспектор П. С. Нахимов «для порядка и надзора распорядился, чтобы впредь на каждой лекции Каченовского присутствовал дежурный суб-инспектор» [35, с. 119].

Мы привели значительные отрывки из воспоминаний знаменитого ученого, чтобы подтвердить полное, по существу, безразличие студентов второй половины 30-х годов к вновь введенному в Московском университете предмету «История и литература славянских наречий». Отчасти в этом повинен был, как сказано выше, и сам Каченовский, не сумевший захватить внимание своей аудитории и пробудить у нее интерес к своему предмету. За внешне скучной, усыпительной манерой чтения, которая запомнилась Буслаеву, в лекциях Каченовского, однако, скрывалась несомненно определенная сумма необходимых сведений о славянских языках и литературах, почерпнутых им из трудов некоторых ученых того времени. Относительно лекций Каченовского более ценно мнение не студента Буслаева, оставшееся в памяти будущего выдающегося русского филолога, а непосредственное впечатление о них И. И. Срезневского, уже читавшего лекции по политической экономии и статистике в Харьковском университете и издавшего к тому времени ряд своих работ. Направляясь в учебную командировку в зарубежные страны, Срезневский осенью 1839 г. побывал в Москве и посетил университет, где познакомился с Каченовским. В письме своей матери от 3 октября 1839 г. он писал: «Был на лекции Каченовского и после лекции познакомился с ним... Каченовский читает сухо, несвязно, но дельно (читал о различных мнениях касательно происхождения славяноцерковного языка). ...Вечер провел у Каченовского, разговаривая с ним о Македонии, славянщине и т. д. Добрый, умный старик, и истинный ученый» [36, с. 13]. Срезневский, таким образом, за скучной и бессвязной манерой изложения материала увидел и дельное содержание лекций Каченовского. Дело, очевидно, не только в том, что Каченовский читал скучно, неувлекательно, но и в том, что интерес к славянству вообще и к зарубежному славянству в частности во второй половине 30-х годов XIX в. в русском обществе еще был слаб. Этот интерес возрастет очень быстро, одним из свидетельств чему явится блестящее начало преподавания осенью 1842 г. тех же «истории и литературы славянских наречий» О. М. Бодянским в Московском и И. И. Срезневским в Харьковском университетах, а через год и П. И. Прейсом в Петербургском университете.

В современной историографии существует мнение, что О. М. Бодянский «впервые в Московском университете создал и читал систематические лекционные курсы по языку и литературе, истории и этнографии западных и южных славян, заложив, таким образом, основы преподавания славяноведения в Московском университете» [37, с. 79—80]⁵. Это в общем правильная оценка роли и места Бодянского. Нельзя, однако, при этом упускать из виду того, что все же впервые лекции по ряду областей славяноведения в течение нескольких лет до Бодянского читал в этом университете Каченовский.

---

⁵ В другой статье Л. Н. Алексашкина подробно излагает «содержание *первых курсов* по славистике, читанных в Московском университете» О. М. Бодянским (курсив наш. — Г. В.) [38, с. 45].

ЛИТЕРАТУРА

1. Общий устав императорских российских университетов. — В кн.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I. 1825—1855. Отделение 1. 1825—1839. СПб., 1875.
2. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1835/36 академический и 1836 гражданский годы. [М., 1837].
3. Обзорение преподавания наук в Императорском Московском университете с 22-го июля 1836 года по 10-е июня 1837 года М., 1836.
4. *Кочубинский А. А.* Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888.
5. *Булик С.* Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904.
6. *Пичета В.* К истории славяноведения в СССР. — Историк-марксист, 1941, № 3.
7. *Бернштейн С. Б.* Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР. — Вопросы славянского языкознания, 1957, вып. 2. (М.).
8. *Лаптева Л. П.* Славяноведение в Московском университете с 1835 по 1917 г. (К постановке вопроса). — Вестник Московского ун-та, серия 8. История, 1979, № 2.
9. *Венедиктов Г. К.* Новые материалы к биографии Ю. И. Венелина. (В печати.)
10. *Кочубинский А. А.* Граф С. Г. Строгонов. Из истории наших университетов 30-х годов. — Вестник Европы, 1896, кн. 7.
11. *Соловьев С. М.* Каченовский. — В кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, ч. 1. М., 1855.
12. *Булазов М. Г.* Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Т. 1. Минск, 1976.
13. *Макарова Г. В.* Каченовский М. Т. — В кн.: Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.
14. *Златарски В. Ю. И.* Венелин и значение му за българите. — Летопис на Българското книжовно дружество в София. III. 1901—1902. София, 1903.
15. *Байцура Т. Ю. I.* Венелин. Братислава, 1968.
16. *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910.
17. *Шишманов И.* Венелиновите книжа в Москва. II. — Български преглед, 1898, год. IV, кн. 10.
18. Ведомость о числе слушателей каждого из учебных предметов, в Московском университете за 1835 год. — В кн.: Отчет Императорского Московского университета, с 1-го января 1835-го по 1-е января 1836 года. [М., 1836].
19. Обзорение публичного преподавания наук в Императорском Московском университете с 17-го числа августа по 20-е декабря 1835 года. М., [1835].
20. Ведомость о числе слушателей каждого из учебных предметов, в Московском университете, за 1836 год. — В кн.: Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1835/36 академический и 1836 гражданский годы. [М., 1837].
21. Ведомость о числе слушателей каждого из учебных предметов, в Московском университете, за 1837 год. — В кн.: Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1836/37 академический и 1837 гражданский годы. [М., 1838].
22. *Минкова Л. О. М.* Бодянский и Българского Възраждане. София, 1978.
23. *Бернштейн С. Б.* Вклад ученых Московского университета в изучение болгарского языка. — Известия на Института за български език, 1957, кн. IV. [София].
24. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1835/36 академический и 1836 гражданский годы. [М., 1837].
25. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1836—1837 академический и 1837 гражданский годы. [М., 1838].
26. Обзорение преподавания наук в Императорском Московском университете с 22-го июля 1837 года по 10-е июня 1838 г. М., 1837.
27. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1837—1838 академический и 1838 гражданский годы. [М., 1839].
28. Обзорение преподавания наук в Императорском Московском университете с 22 июля 1838 года по 10-е июня 1839 года. М., 1838.
29. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1838—1839 академический и 1839 гражданский годы. [М., 1840].
30. Обзорение преподавания наук в Императорском Московском университете с 22-го июля 1839 года по 10-е июня 1840 года. М., 1839.
31. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1839—40 академический и 1840 гражданский годы. [М., 1841].
32. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1840—41 академический и 1841 гражданский годы. [М., 1842].
33. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1841—42 академический и 1842 гражданский годы. [М., 1843].
34. *Каченовский В. М. М. Т.* Каченовский. (По биографическим трудам Соловьева, Погодина, Давыдова, Кавелина и личным воспоминаниям.) — Библиографические записки, 1892, № 4.
35. *Буслав Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897.
36. Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель. 1839—1842. СПб., 1895.
37. *Алексашкина Л. Н.* Бодянский О. М. — В кн.: Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.
38. *Алексашкина Л. Н. О. М.* Бодянский — первый славист Московского университета. — Вестник Московского ун-та. Серия IX. История. 1973, № 5.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ М. Г. ХАЛАНСКОГО С А. А. ШАХМАТОВЫМ

Один из крупных славистов дореволюционного времени Михаил Георгиевич Халанский (1(13) XI 1857 — 30 III (13 IV) 1910) родился в селе Расхове Щигровского уезда Курской губернии. Воспитывался в Курском уездном училище, затем в Белгородской семинарии, а в 1877 г. поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета. Здесь его учителями были А. А. Потебня, М. С. Дринов, А. И. Кирпичников. Направлением своих научных интересов, которые сосредоточились на области славянского фольклора и восточнославянской диалектологии, обязан Халанский больше всего Потебне. Еще студентом он начал печататься в научных журналах. Так, во 2-м выпуске «Русского филологического вестника» за 1879 г. была напечатана его статья «Черты народного говора Щигровского уезда Курской губернии». Выпускное сочинение Халанского «О сербских народных песнях Косовского цикла» (1881), также напечатанное в «Русском филологическом вестнике» (1882), признали настолько ценным, что постановлением Ученого совета М. Г. Халанский был зачислен штатным стипендиатом для приготовления к профессорскому званию по кафедре славяноведения. Конфликт с профессором П. А. Бессоновым послужил причиной того, что Халанский отказался от стипендии и перешел на должность учителя Белгородской гимназии. В Белгороде он написал диссертацию «Великорусские былины Киевского цикла», тоже увидевшую свет в «Русском филологическом вестнике» (1885).

Хотя работа Халанского в качестве диссертации на степень магистра была принята историко-филологическим факультетом Харьковского университета, но защита ее состоялась в Петербургском университете. Здесь Халанский встретил радушный прием А. Н. Веселовского и весной 1888 г. получил степень магистра. В 1889 г. он смог осуществить научное путешествие по южнославянским землям, во время которого собрал материал для задуманного им труда о Марке Кралевиче.

По возвращении, осенью 1890 г., М. Г. Халанский начал чтение лекций в Харьковском университете как приват-доцент кафедры русского языка и словесности, а после смерти А. А. Потебни стал во главе этой кафедры. Хотя в университете Халанский и читал курсы русского языка, его интересы были направлены в основном на изучение народной поэзии. В 1895 г. он защищает в Харькове докторскую диссертацию «Южнославянские сказания о Кралевиче Марке» (опубликована в «Русском филологическом вестнике» за 1892—1896 гг.), в которой южнославянский и русский эпосы исследуются в их внутренней связи на основании широкого сравнительно-литературного изучения эпоса славянского и западноевропейского, преимущественно германского. Большой научный интерес представляет в диссертации обширный экскурс в область славянского эпического стиха. В этом сравнительном обзоре размеров славянского эпического стиха Халанский исходит из тех общих положений относительно связи размера

песен с их содержанием, которые были высказаны Потемной в рецензии на сборник песен Я. Головацкого.

Итогом работы Халанского в области русской диалектологии является книга «Народные говоры Курской губернии» (1904), материал для которой он собирал по специальному поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Впервые публикуемые письма М. Г. Халанского показывают роль А. А. Шахматова в научной судьбе харьковского слависта и его помощь Халанскому в разработке ряда проблем, относящихся прежде всего к отечественной диалектологии. В письмах упоминаются многие отечественные и зарубежные слависты, в них нашли отражение научные дискуссии и другие аспекты славяноведческой деятельности в России конца прошлого и начала нашего века. Все это делает письма весьма важным источником по истории славистики.

Оригиналы писем хранятся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 1612, л. 1—42. При подготовке к печати опущены не вносящие много нового краткие письма от 10 и 17 апреля 1901 г., 4 и 8 февраля 1902 г., 27 октября 1908 г., а также однотипные обращения (милостивый государь, Алексей Александрович, многоуважаемый Алексей Александрович, заклячительные клаузулы (Прошу принять уверение в моем глубоком уважении к Вам и полной преданности, искренне уважающий Вас, примите уверение в моем искреннем уважении к Вам и т. д.)), а также сведения частного характера.

№ 1

Харьков, 1896, января 6 дня

Считаю своей нравственной обязанностью сообщить Вам, что чтение Вашей «Программы для собирания особенностей говоров северновеликорусского наречия»¹ оставило во мне впечатление полноты, законченности и стройности. Что особенно важно в данном случае, Вы счастливо сочетали научную серьезность требований с простотой и доступностью их выражения, крайне необходимой для тех из Ваших будущих корреспондентов, которые не подготовлены для диалектологических наблюдений. Для этих последних, несомненно, большую пользу принесут наводящие вопросы и намеки, в обилии встречающиеся в «Программе». «Программа» составлена с таким знанием дела и так обстоятельно, что, по-моему, и в таком виде, как теперь, ее можно было бы разослать. Но так как речь идет о том, чтобы предусмотреть все случайности, которые могут встретиться во время применения вопросов «Программы» к живой речи, то, согласно Вашему желанию, я представляю здесь несколько своих замечаний, вызванных чтением Вашей «Программы».

В целях наибольшей отчетливости в наблюдениях и удобства взаимного понимания (с одной стороны — корреспонденты, с другой — читатели) не будет ли удобным предложить особые знаки для оттенков сходных звуков, напр. *e* для мягкого *e* и *g* и *h* для двух *g*? Я, впрочем, не решаюсь для той же цели рекомендовать *eⁱ* и *e^a*, как рассчитанные на более тонкое чутье.

Относительно формулировки вопросов, я опасаясь, ясно ли будет для Ваших корреспондентов то, что Вы сами разумеете под выражением — «произносят ли... как мы» (§ 45). Равным образом, не произойдет ли взаимное непонимание или недоразумение, когда язык Вашего корреспондента сами Вы примете за что-то определенное, Вам известное, как типическое (§ 20). Вы сами хорошо, конечно, знаете, что в провинции чистый московский выговор редко можно встретить даже среди лиц, хорошо образованных. Ф. Е. Корш в бытность свою в Харькове подмечивал над говором некоторых профессоров Харьковского университета; покойный Потемня подшучивал над резким южновеликорусским акцентом одного казанского профессора²; между тем сам Потемня никогда не произносил: «рот», «марос», «ёш» и проч., как «произносим мы» с Вами, а всегда «род, гроб» и проч., старательно сохраняя звучность конечного согласного.

Я, конечно, понимаю, что Вам трудно иначе выразить то, что Вы хотите сказать, но, может быть, во избежание недоразумений, будет удобнее не обращаться к этому не существующему единому языку русской интеллигенции.

Что касается желательных дополнений, то можно бы, на мой взгляд, например, вставить следующие вопросы в отделе о согласных: а) о произношении *жд* на месте литературного *ж* (*урождай, рожду*); б) о существовании глубоко-гортанного произношения *г, к, х* (*калыкать, безногих*); в) § 32 дополнить упоминанием о формах *койдѣ, тбйду*; д) § 45 дополнить запросом о произношении *тц* на месте *ч* в деепричастиях (*не бываютьца*). Может быть, впрочем, этот вопрос поместить в отдел морфологии? е) по поводу § 68 можно бы еще запросить, встречается ли окончание *эй* вместо *ой* в существительных (с *бабэй*) и местоимениях (*тэй, самэй, какэй*).

В отделе вопросов, посвященных синтаксису, нельзя ли дополнить § 80, во-первых, вопросом, употребляется ли член (*т*) во всех падежах и числах; во-вторых, просьбой записать несколько полных предложений, в которых встречались бы существительные и прилагательные в сопровождении члена и, наконец в-третьих, сообщением, когда, собственно, в обыденной речи употребляется член (тогда ли, когда рассказчик относится спокойно к предмету речи или когда он в пафосе) и чувствуется ли действительная разница в значении выражений, как «баба-та» и «та баба», «хлебо-т» и «тот хлеб».

Не знаю, приписать ли недосмотру или желанию подчеркнуть вопрос двухкратные повторения одного и того же в §§ 98 и 57; 99 и 61; 43, вопрос 2 и 32, вопрос 1.

Вот и все замечания, которые набрались у меня по прочтении Вашей «Программы».

№ 2

Харьков, 8 мая 1896 г.

По поводу Вашей «Программы для собрания особенностей говоров южновеликорусского наречия»¹ могу сообщить Вам следующие замечания:

К § 2. В Щигровском уезде Курской губернии слово *хадак* употребляется в значении 'башмак'.

После § 56 не найдете ли нужным запросить о существовании форм, как *Кѳреск* или *Курѳцк* вместо *Курск*.

В дополнение к § 60 могу привести еще форму *Амченск* вместо *Мценск*.

§ 74, по моему мнению, следовало бы дополнить вопросом, переходит ли *ка, ко, ку* в *кя, кѣ, кю* в том случае, если им предшествуют шипящие, встречаются ли в одном и том же говоре формы *чайкю, копейкя* и *палочкя, бочкя* или первые встречаются, а последние нет.

§ 78 могу дополнить напоминанием о форме *зли* вместо *для*.

§ 83. Вопрос: «Может быть, *ц* вместо *ч* произносится только в некоторых словах» следует дополнить: «или *ч* вместо *ц*»; примеры последнего *чеп* (цень), *чепочка*.

После § 36 следовало бы поставить вопрос о существовании постоянного перехода *с* в *ш* в говоре женщин подгородних слобод Курска, Белгорода, может быть, и в других городах Курской и Воронежской губерний (*Шавина* вместо *Савина*, *шаломя* вместо *солома* и др.).

После § 97 не нужно ли запросить о формах: *мурлы* (щеки), брыль (поля шляпы), скуль (скулы).

В отделе об ударении интересно бы проверить форму *сунѣть*.

§ 107 можно дополнить формой *бизгѣть*.

§ 117 — *пробрѣть* вместо *пробрѣтеть*.

В конце «Программы» следовало бы запросить о местных этнографических прозваниях, в которых иногда указываются особенности говоров (*цуканѣ, саянѣ, ягунѣ, горюнѣ* или *горюнкѣ* — прозвание белорусских поселенцев в Курской губернии).

Отдел лексикологии следовало бы ввести по образцу «Программы для северновеликорусского наречия». Если Вы найдете это удобным, то в нем можно упомянуть, например, о названиях для частей ткацкого стана и

разных подробностей ткацкого производства (*нить, челнок, бердо, цѣпка, анабѣки, красна́я* и другие), а равно о следующих словах, которые интересно бы, мне лично, проверить: *дулѣн* — дурак, глухой человек; *зинью прошло* — пропало; *варькогѣбно* — важно; *пахлусить* — обмануть; *завельный до работы* — трудолюбивый; *облоухий* — человек, имеющий большие уши, *гольмам находя* — временем, порой находит; *аглоѣд* — лентяй; *мастюк* — молодец; *повз* — вдоль или возле.

№ 3

Харьков, 12 ноября 1898 г.

Посылаю на Ваше рассмотрение для напечатания в «Известиях Отделения русского языка и словесности» свою заметку о происхождении частицы *-ста* и проч., представляющую начало ряда задуманных мною очерков и заметок по истории русского литературного языка ¹.

Пользуюсь настоящим случаем переслать Вам список редких слов, встречающихся в сочинениях Плавильщикова. Может быть, что-либо из этого списка пригодится для редактируемого Вами «Словаря русского языка».

В напечатанной в 3 № «Известий» библиографической заметке г. Липовского о «Трудах Югославянской Академии наук» я встретил несколько неточностей в изложении статьи г. Маретича ², из них две следующие: а) ни я не думал доказывать «тождество Марка Краевича и Ильи Муромца», ни г. Маретич не мог возражать мне на это и б) цель моей работы не состояла в том, чтобы доказать, что Марко — центр югославянского эпоса, и у Маретича об этом нет речи.

Печатание посмертного труда Потевни приближается к концу. Г. Харциеву приходится преодолевать своеобразные трудности при ведении редакционной работы, вызываемые крайней подозрительностью вдовы Потевни и своеобразно-ревнивым отношением ее к труду покойного.

№

Харьков, 23 декабря 1901 г.

...Часть материала моей статьи о члене ¹ вошла в составленную мной, по желанию И. В. Ягича, рецензию на книгу Л. Милетича, она будет напечатана в ближайшей книжке Archiv'a ². И. В. Ягич сообщает мне, что он теперь изменяет свое прежнее мнение о происхождении члена в болгарском языке, допускает туземное происхождение его, хотя и не считает вопрос решенным в этом последнем смысле мною окончательно ввиду факта потери болгарским языком флексий — очевидно, под иностранным влиянием. Но мне казалось и кажется теперь, что вопрос о склонении в болгарском языке нужно отделить от вопроса о члене. Ведь не повлекло же за собой потерю падежных флексий установление постпозитивного члена в русских и германских наречиях ³.

Я теперь снова усиленно занят русским эпосом — об Илье Муромце ⁴. Исходным пунктом для моих теперешних работ послужили фонетические исследования Ваши и Ф. Ф. Фортунатова. Некоторые из Ваших выводов дали мне основание предложить согласное, как мне кажется, с научной — филологической и исторической — теорией решение давнишнего вопроса об отношении Ильи Муромца русских былин к Pias von Reussen немецкого эпоса. Вопреки своему прежнему предположению, я теперь, основываясь на тех посылках, которые установлены фонетическими исследованиями Вашими и Фортунатова, нахожу возможным объяснить все варианты имени русского князя немецкой поэмы об Ортните — Eligas, Elias, Pias — из древнерусских диалектических вариантов имени *Ольгъ* при немецкой форме этого имени с начальным He (Helgi, Helgr, Heilagr).

Я устанавливаю теперь такое же отношение между именами *Волья* (Вольга Святославович), *Елья* (Elia Mogowlin) и *Илья* (Муровец, Муромец), считая их относящимися первоначально к одному лицу, какое существует или между формами *още, еще и ище* или между формами *водный, едный и їдный*.

Разумеется, вопрос о происхождении имени и прозвища Ильи (прозвище Ильи Муровец, Муромец я считаю народно-этимологическим изменением от слова Мурманский, Урманский, — так точно, как в названии преподобного Лазаря Мурманского Муромским *) пришлось поставить в связь со сказанием о нем, и так возникла необходимость пересмотреть все русские сказания об Илье. /.../

Работа по эпосу отвлекает меня от приведения в порядок довольно значительных материалов по диалектологии Курской губернии, постепенно собиравшихся мною в течение нескольких лет ⁵.

Отнимает время и необходимость вести описание рукописей и старопечатных изданий, поступающих в Комитет по устройству Археологического съезда.

Благодарю Вас за снабжение меня изданиями Академии по истории русского языка и словесности, по славянским древностям, литературе и этнографии и прошу не оставлять книжными посылками на будущее.

P. S. Если напечатан курс лекций Ф. Ф. Фортунатова по старославянскому языку, то я был бы весьма благодарен за доставление мне возможности воспользоваться им; до сих пор я пользовался неоконченным и неброшюрованным экземпляром лекций Щепкина, гостившего у Бориса Михайловича Ляцунова, издания 1888 г. ⁶.

№ 5

Харьков, 1902, января 25 дня

Из всех отгисков моих статей о курских говорах и песен, к ним приложенных, у меня остались только две брошюры о «саянах» ¹; одну из них отправляю Вам одновременно с этим письмом. Последний «свой» экземпляр Курских песен ² мне пришлось уже несколько лет назад пожертвовать в библиотеку университета Гарварда (С. А. Соединенные Штаты). Теперь я очень занят мыслью о переиздании своих записей с дополнениями. С этой целью я примкнул к Комитету по устройству Археологического съезда в Харькове и, пользуясь его пособиями, проехал в некоторые местности Курской губернии, наиболее интересные для меня и мне менее знакомые (между прочим, к «горюнам» в Путивльском уезде и к «саянам» в Курском и др.). /.../

Пользуясь своими последними наблюдениями, я хочу обратить Ваше внимание на то, что в посылаемой Вам брошюре слово «саяны» употреблено неверно, как неверно, то есть слишком широко, употребляют его местные курские этнографы (Марков, Добротворский ³). «Саянскими» называют себя только жители нескольких сел Курского, Фатежского и Щигровского уездов — все большей частью бывшие монастырские крестьяне Знаменского Курского монастыря, — южновеликоруссы, отличающиеся от соседей, тоже южновеликоруссов, заменой *ц* через *с* (*улица*, *сарь*, *авса* — овца), шепелеватым произношением *с* и *ж* (*дос* — дождь, *доззык*, *сиштра*, *раштаюсь*), заменой *г* через *ј* (*в Тыганрбя*, *княиня*) и многими характерными словами и оборотами: *лесли* (вместо если), *нинб придеть*, *нинб нет*, *плуеть стада*, *грустил* = грабил, *асарбчил* = сглазил и др. Саянки носят интересный костюм, резко отличающий их от всех прочих крестьян Курской губернии: рубаху с распитыми рукавами — «падносак», панёву, «завёску» (фартух), а на голове красивую и дорогую (от 25 до 40 рублей) сороку с «позатыльником», шитым золотом и серебром. /.../

Хотя я и не заметил, чтобы саяны произносили *сае* вместо *сабъ*, однако слышал, как поддразнивают саянов: «Эй, ты сае, мае!» Но «горюны» по говору и, кажется, архаизмам быта и ритуала еще интереснее.

Очень Вам благодарен за разъяснение относительно слова *Ольгъ*. Мне очень приятно было убедиться в том, что я верно понял Ваше положение о вероятности существования в русском языке слов, известной груп-

* Таким образом, не только в имени, но и в прозвище *Ilia von Reussen* и Илья Муровец, — мец — полное согласие, если, разумеется, стать на точку зрения норманистов: *Ilia von Reussen* — Илья Муромский, т. е. Мурманский, Урманский: «а нынъ русьь отъ тѣхъ варягъ прозвашася: сице бо варязи звахуся русью» (Никоновская летопись).

пы, с начальными *e* и *o*. До сих пор я беседовал по этому вопросу с Б. М. Ляпуновым и с Ф. Е. Коршем, которые тоже находили (последний еще в 1899 г.) вероятным предположение о существовании вариантов имени Олега с начальным *e*: *Ельгъ* и *Ельга*. Я имею в виду возможность образования форм *Елья* — *Илья* (еще и от *Ельгъ в форме звательного-именительного пад. на *e*: аналогичную форму *Олгѣ*, т. е. *Ольге* (именительный пад.) я нашел в одном летописном памятнике, откуда *Ольк и *Олья* — *Волья*.

Если формы имени «русского князя» в «Орнните» — *Eligas*, *Elias*, *Ilas* и *Ilas* восходят к русским вариантам имени Олега — *Ельгъ, *Ельга, *Елья, *Илья, *Илля, то сходство содержания поэмы об Орнните со сказанием русской летописи о походе Олега в Суд (формы *Suders*, *Sunders* в Орнните) может быть понято в смысле отражения древнерусских героических сказаний об Олеге в немецком эпосе XIII—XIV в.

Популярность имени Олега Вещего на Руси в XIII—XVII веках доказывается книжными сказаниями о нем XV—XVII в. Эти сказания связывают Ольга древних летописей с Вольгой и Ильей Муромцем былин. Уже в древней летописи Олег представляется то самостоятельным князем, то воеводой Игоря. То же раздвоение образа Олега продолжается в поздних сказаниях о нем, причем в одних он является могущественным князем Новгородским, в других воеводой — только уже не Игоря, а Владимира. К первой группе книжных сказаний примыкают былины о Вольге Святославиче, ко второй — об Илье Муромце. Первые развивались, вероятно, главным образом в Новгороде, вторые в Южной и Западной Руси, откуда перешли на северо-восток.

Благодарю Вас за присылку отписок Вашей статьи об общерусских летописных сводах (III—IV) ⁴. Как видите, Ваши исследования летописных сводов имеют существенное отношение к моей теперешней работе по русскому эпосу...

№ 6

Харьков, 25 мая 1902 г.

Деньги — 200 рублей — и открытый лист мною уже получены, и я еще благодарю Вас от всей души за содействие предположенной мной экскурсии. В начале июня предполагаю тронуться в путь. Одним из первых пунктов, в котором я сосредоточу свои наблюдения, будет село Городянское Львовского уезда Курской губернии, где живут «саяны».

До последнего времени я был очень занят двумя интереснейшими московскими летописями XVII в., по типу подходящими к Иоакимовской летописи. Я встретил в них варианты к летописным сказаниям о первых русских князьях, особенно об Олеге, об Ольге и Владимире. Сказанием об Ольге и Владимире я воспользовался уже для статьи по эпосу, о которой я Вам писал и главные выводы которой я изложил в Сборнике в честь Ф. Ф. Фортунатова. Сказание об Ольге со своей заметкой я посылаю Вам: может быть, Вы найдете возможность поместить эту статью в «Известиях». Еще посылаю заметку о «Плаче князя Юрия Всеволодовича» ¹ с приложением самого памятника, заимствованного из одной из тех летописей, которые были у меня в руках. Мне кажется, что этот «Плач» близко родствен со «Словом о погибели Земли Русской» — отрывком, в котором имя князя Юрия упоминается.

Мне удалось найти у своих родственников второй выпуск песен, записанных мной в Щигровском уезде. Прошу и этот выпуск принять от меня на память. †

№ 7

г. Белгород Курской губернии, 14 июня 1902 г. †

Я несколько дней уже живу в Белгороде и собираю сведения о говоре жителей села Болховца, прежде города Болховца (до 1782 г.) /.../

Говор Болховца южновеликорусский, «егунский» с умеренной заменой неударяемого *e* посредством *я*, с более частой заменой его посредством *и* (*чигб*). Характерной особенностью этого говора является замена *ц*

посредством *с*: *улиса, сарь, сёрса* и мягкое произношение *ч*, сближающее его с *ш* (я изображаю этот звук посредством *ч'ш'*).

Привожу для образца одну из песен, записанных мной от крестьянина с. Болховца Рагозина:

Вох ды малóтьч'ш'ик ды малóтьч'ш'ик маладóй,
разувдáлая галóвушка твая!
Вот и што в тибé за ум-разум такóй?
Вот и што ў тебе за абыч'ш'ий за глупóй?
Ни замáй минé, удóвки маладóй;
я спавы́кла удóвкаю сидéть,
спауч'ш'илась худу славушку тирпеть.
Худá слáвушка дасáдушка мая́
дашла́ славушка да бáтюшки магó,
а мáтушки параскáзана усé.
Сидéла и я у бáтюшки в тёримя,
а в мáтушки пат кася́тч'ш'итым акно́м,
сидела и я, у зилéнай сат глидéла,
мнóга мнóга в саду д́ива в́идила:
пта́шка к пта́шки пирилéтавая,
саловью́шка пирипóрхавая,
салúютса, милúютса.
Пакатýлись удову́шки слéзы з глас.
Вот и што éта за пт́иса, за тварь!
Всякая тварь себé пару панилá.
Пайдú младá вдоль на ўлисы гуля́ть,
пайдú младá сабе пару дабавáть.
Ни дабúду, — так прабúду.
Ой ля, лёли, ох люшиньки, лёли.

Мной записано до сих пор более 12 песен. Завтра! предполагаю закончить здесь свои дела и направиться в Львовский уезд.

№ 8

1902, июня 18 дня

/.../ Население [Львовского уезда] — сплошные *егуны́*, южновеликорусские, с более развитым аканьем, чем те егуны, которые живут в Болховце, так что их можно бы назвать *ягуны́*, а болховецких егунов — *игуны́*. И егунские говоры Курской губернии распределяются, подобно евунским (от *ево, иво* и *яво*), на две главные ветви по изменению *е*: *игуны́* говоря *игó* вместо *его* и во многих случаях часто заменяют *е* посредством *и* там, где *ягуны́* заменяют его посредством *я*. Крестьяне, примыкающие к Льгову, жители сел Нижние Деревеньки, Подгородняя слобода, Городенское и др., большей частью грамотные и подверглись известной нивелировке. Вообще Дмитриевский и Фатежский уезды Курской губернии в отношении фонетики и этимологии не представляют особого интереса, но со стороны лексикологии, по-видимому, они очень интересны и нужно пожить долго там, чтобы собрать интересный словарный материал, что я и приведу в исполнение в недалеком будущем (*усканаббили, канаббить, канаббитца* — поднимать беспокойство, сутолоку, *патусмъл* (*ѣ = е*), *пардзбрéндили, схуѣлчитца*). /.../!

№ 9

Харьков, 1902, октября 12 дня

Я только что окончил приведение в порядок своих записей и заметок, относящихся к говорам Курской губернии. Получилась довольно толстая тетрадь, которую, впрочем, легко можно сократить, буде Вы найдете это необходимым, во второй ее части, содержащей образцы говорков, почти исключительно — песни. Питаю уверенность, что главные говоры Курской губернии мной отмечены; тем не менее не решаюсь присоединить

диалектологическую карту губернии. При песнях не везде указаны параллели, но это и не так необходимо и будет дополнено во время просмотра корректур ¹.

№ 10

Харьков, 1903, мая 5 дня

В период съезда ¹ мне не удалось сообщить Вам свой план ближайших работ по русской диалектологии. Я хочу теперь для Харьковской губернии сделать то же, что сделал для Курской, причем здесь центр тяжести будет лежать в малорусских говорах. Первые два лета (1904 и 1905 гг.) я не предполагаю беспокоить Вас хлопотами о доставлении Открытого листа, так как надеюсь на получение такового через посредство Московского Археологического Общества, а затем буду беспокоить Вас и прибегну к Вашей заботливости.

А. И. Соболевский, которому я успел сообщить этот план (попытка осуществить еще студенческие мечты), по-видимому, одобряет его. Его предложение съездить к воронежским цуканам я с удовольствием исполню в 1904 году, так как лето 1903 г. мне нужно для моих других работ, а предполагаю я провести его в г. Алуште (прекрасный уголок, дача Магденко), куда выеду из Харькова не раньше 10-го июня.

Для съезда славистов 1904 г. ² я предполагаю представить реферат «Об исторических основах русского героического эпоса», а если успею и будет время на съезде, то еще, может быть, «О происхождении эпических размеров у южных славян».

№ 11

Харьков, 28 сентября 1903 г.

8-го августа исполнилось 30-летие служебной деятельности М. С. Дринова. Наш историко-филологический факультет и состоящее при нем Историко-филологическое общество решили чествовать 30-летие научно-педагогической деятельности М. С. Дринова а) особым праздником, который назначен на 2-е ноября и будет состоять в поднесении приветствий юбиляру на дому и парадном обеде (если позволит здоровье юбиляра) и б) изданием Сборника статей по славяноведению, посвященных юбиляру его учениками, товарищами и почитателями его научной деятельности. Сборник предполагается в 20 печатных; каждая статья не будет превышать размера одного печатного листа; печатание сборника начнется с конца этого года или с начала следующего 1904-го ¹. Позвольте обратиться к Вам с просьбой не отказать в принятии участия в осуществлении наших планов чествования М. С. Дринова; особенно нам было бы дорого Ваше участие в Сборнике. Наши денежные ресурсы не позволяют нам спешить с печатанием, так что время доставки статьи для Сборника может быть отложено и до марта — апреля следующего года.

Для подготавливаемого мной сборника материалов по диалектологии Харьковской губернии уже поступают интересные материалы ².

Я начал переписывать статью для «Сборника статей по славяноведению»; но смущает незнание пределов, которые определены для отдельных статей этого Сборника.

№ 12

4 января 1904 г.

Благодарю Вас за весьма интересную статью для юбилейного сборника М. С. Дринова ¹: ему она будет в высшей степени приятна. /.../

От души поздравляю Вас взаимно с Новым годом. Был бы Вам очень благодарен, если бы у Вас нашелся для меня экземпляр Вашего последнего труда о полногласии ². Предполагаю назначить эту тему для студенческого медального сочинения на 1904 год.

Харьков, 1905, марта 15 дня

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой от лица нашего факультета. В числе конкурентов на вакантную лектуру французского языка в нашем университете выступает молодой французский ученый г. Мазон¹, ученик профессора П. Буайе², живущий в Париже. В своем curriculum vitae г. Мазон упоминает о составленном им обзоре французской части библиографии славяноведения для академического издания «Славяноведение в повременных изданиях» и отправленном Вам в июне 1904 года. Историко-филологический факультет, желая ознакомиться с этим трудом г. Мазона, уполномочил меня обратиться к Вам с просьбой не отказать в присылке одного оттиска этой работы г. Мазона, хотя бы даже в корректуре. Если же рукопись г. Мазона еще не была в наборе, то не найдете ли возможным прислать ее в наш факультет для ознакомления с ее объемом и содержанием, на самое непродолжительное время. Личность г. Мазона нам, вообще представляется очень симпатичной, и мы хотели бы проверить то приятное впечатление, которое оставили в нас как его письма, изложенные правильным русским языком, так и рекомендательное письмо профессора П. Буайе.

Пользуясь благоприятным случаем исполнить свой долг по отношению к Вам и поблагодарить Вас от всей души за содействие, благодаря которому мои материалы по курским говорам были приведены в порядок и увидели божий свет. Без Вашего участия они, вероятно, так и остались бы в виде черновых заметок. Теперь я przygotowляю к печати I выпуск материалов по диалектологии Харьковской губернии, в который войдут записи образцов малорусской речи, доставленных мне некоторыми лицами³. /.../

№ 14

Вашей статье для Сборника в честь Н. Ф. Сумцова¹, мы, разумеется, будем очень рады; печатанье Сборника идет медленно, и прислать статью далеко не поздно. Благоволите прислать на мое имя для передачи по назначению.

До крайности затянулось у нас печатанье Сборника в честь и память М. С. Дринова — всецело по вине типографии. Теперь идет печатанье речей, произнесенных в торжественном заседании нашего Историко-филологического Общества, посвященном чествованию покойного.

Приношу Вам свою глубокую благодарность за доставление мне Вашего исследования «Корсунской легенды о крещении Владимира». Надеюсь и я скоро доставить Вам один из немногих авторских экземпляров составленной мной истории нашего факультета за 100 лет его существования. Этот труд отнял у меня три года напряженной работы исключительно по архивным материалам и доставил переутомление и конъюнктивит. Он же помешал мне принять участие в берлинском Сборнике в честь И. В. Ягича.

ПРИМЕЧАНИЯ

К письму № 1

¹ Была издана дважды — (отдельно) Программы для собирания особенностей народных говоров. I. Программа для собирания особенностей говоров северновеликорусского наречия. СПб., 1895; (в журнале): Известия ОРЯС АН, 1896, т. I, кн. 1, с. 173—234.

² Имеется в виду В. И. Григорович.

К письму № 2

¹ Напечатана в: Известия ОРЯС АН, 1896, т. 1, кн. 3, с. 593—646.

К письму № 3

¹ Статья М. Г. Халанского «Из заметок по истории русского литературного языка. I. О присловьях: *-стани*, *-ста*, *-сте* и *-су (сь)*», посланная

А. А. Шахматову, была напечатана в редактируемом им журнале «Известия ОРЯС АН», 1899, т. IV, кн. 1, с. 265—276.

² Рецензия Т. Маретича на докторскую диссертацию М. Г. Халанского «Южнославянские сказания о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Сравнительные наблюдения в области героического эпоса южных славян и русского народа» (Русский филологический вестник, 1893—1896, т. XXVII—XXXV) была напечатана в «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti», 1897, t. 132.

К письму № 4

¹ Статья «Из заметок по истории русского литературного языка. II. О члене в русском языке» была напечатана в «Известиях ОРЯС АН» (1901, т. VI, кн. 3, с. 127—169).

² Рецензия на работу Л. Милетича «Членътъ в българския и руския език» (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, 1901, т. XVIII, с. 5—67) была напечатана в «Archiv für slavische Philologie», 1901, Bd. XXIV.

³ В диссертации М. Г. Халанского (см. прим. 2 к письму № 3) изучение поэтической биографии Кралевича Марка проводится параллельно с сопоставительным анализом многих мотивов восточных славян. В связи со сходными сюжетами эпоса о Кралевиче Марке рассматриваются былины о Добрыне, Алеше, Соловье Будимировиче, Ставре, Иване Гоудиновиче и др., но наиболее полно исследуются мотивы эпической биографии Дуная и Ильи Муромца, т. к., по мнению ученого, почти все мотивы поэтической биографии Ильи содержатся в цикле сказаний о Кралевиче Марке. Таким образом, исследование сюжетов южнославянского эпоса явилось и началом исследования былин об Илье Муромце.

⁴ В книге «Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет» (Харьков, 1955, с. 169) об этих событиях сообщается следующее: «Выступления студентов Харькова в ноябре — декабре 1901 года носили ярко выраженный политический характер... Демонстрации студентов, поддержанные рабочими, 28 ноября — 2 декабря проходили под лозунгами „Да здравствует пролетариат!“, „Да здравствует 8-часовой рабочий день!“, „Да здравствует политическая свобода!“, „Долой самодержавие!“ На улицах происходили схватки студентов и рабочих с казаками и полицией. 113 человек — участников демонстрации — было исключено из университета, а всего из Харькова было отправлено в ссылку 250 студентов. 2 декабря университет был закрыт».

⁵ На первых порах М. Г. Халанский занимался изучением курских говоров по собственной инициативе.

⁶ «Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка» были напечатаны уже после смерти Ф. Ф. Фортунатова и М. Г. Халанского. Издание было осуществлено Отделением русского языка и словесности Российской Академии наук (Петроград, 1919). Переизданы в книге: *Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды*, т. 2. М., 1957, с. 5—256. М. Г. Халанский пользовался литографированным изданием, предназначенным для студентов Московского университета (М., 1888).

К письму № 5

¹ Имеется в виду отдельный оттиск статьи «Сведения и заметки о говорах русского языка» (Русский филологический вестник, 1889, № 1), посвященной говору саянов.

² «Русские народные песни, записанные в Щигровском уезде Курской губернии». Печатались в «Русском филологическом вестнике» за 1879, 1880, 1881, 1883 гг.

³ Н. Добротворский в этнографическом очерке «Саяны», напечатанном в журнале «Вестник Европы» (1888, т. V, кн. 9, с. 197—213) смешал в одно этнографическое целое разнородные массы населения Курской губернии. В этом очерке он ссылается и на Е. Л. Маркова, писавшего (в частном письме), что «вероятнее всего саяны принадлежат к группе инородцев финского племени».

⁴ *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV вв.— Журнал Министерства народного просвещения, 1900, № 9.

К письму № 6

¹ Обе статьи были напечатаны в «Известиях ОРЯС АН» (1903, т. VIII, кн. 2, с. 168—176) под общим заглавием: «Материалы и заметки по истории древне-русского героического эпоса. I. Сказание о взятии Царяграда великой княгиней Ольгой. II. Плач великого князя Юрия Всеволодовича».

К письму № 9

¹ Книга М. Г. Халанского «Народные говоры Курской губернии. (Заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии)» была издана как «Приложение к отчету по 2-му отделению Академии наук за 1902 год». СПб., 1904, с. 1—382.

К письму № 10

¹ 10—15 апреля 1903 г. в Петербурге происходил предварительный съезд славянских филологов и славистов. Сопровождения съезда сосредоточивались главным образом на обсуждении предложенного Отделением русского языка и словесности Академии наук вопроса о целесообразности и способе издания энциклопедии по славяноведению.

² В 1904 г. съезд не состоялся в связи с началом русско-японской войны.

К письму № 11

¹ Почетъ. Сборник Харьковского Историко-филологического общества, т. XV. Сборник статей по славяноведению, посвященных профессору М. С. Дринову. Харьков, 1908.

² В бумагах М. Г. Халанского, хранящихся в Центральном историческом архиве УССР (фонд 2061), имеются следующие не публиковавшиеся материалы под заглавием «Народные говоры Харьковской губернии»:

1. Песни, собранные Н. Нигровским в слободе Панютовке Старобельского уезда Харьковской губернии в 1902—1903 гг. Во вступительной статье отмечены главные особенности говора.

2. Весеілля (малороссийская свадьба). Собрал Н. Водолазский в слободе Старый Салтов Волчанского уезда Харьковской губернии.

К письму № 12

¹ Статья А. А. Шахматова в этом сборнике (с. 63—74) носит заглавие «Один из источников летописного сказания о крещении Владимира».

² *Шахматов А. А.* О полногласии и некоторых других явлениях.— Известия ОРЯС АН, 1903, т. VII, кн. 1, 2 и 1903, т. VIII, кн. 1.

К письму № 13

¹ Анри Мазон, французский филолог-славист (1881—1967). Работал в Харьковском университете.

² Поль Буайе, французский филолог-славист (1864—1949).

³ Материалы опубликованы не были (см. прим. 2 к письму № 11).

К письму № 14

¹ *Шахматов А. А.* Мстислав Лютый в русской поэзии.— Пошана. Сборник Харьковского Историко-филологического общества, т. XVIII. Издан в честь проф. Н. Ф. Сумцова. Харьков, 1909, с. 82—91.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Летопись важнейших событий советско-болгарских отношений дружбы и сотрудничества. 1944—1980 гг. Киев, 1981, 184 с.

Небольшая по объему «Летопись», подготовленная в Институте истории АН УССР (отв. ред. П. С. Сохань), дает представление об истории отношений дружбы и сотрудничества Советского Союза и Народной Республики Болгарии в период с 1944 по 1980 гг. Составитель (В. В. Павленко) использовал центральные советские и болгарские газеты, а также документы трехтомного издания «Советско-болгарские отношения», подготовленного советским и болгарским министерствами иностранных дел. Это позволило довольно полно отразить картину разносторонних связей, явившихся важным фактором сближения народов и успешного строительства социализма.

В «Летописи» представлена хроника отношений СССР и Болгарии с момента, когда в Болгарии пало монархо-фашистское правительство и установилась народно-демократическая власть Отечественного фронта.

С этого времени отношения между СССР и Болгарией приобрели всесторонний характер. Это и военные, и дипломатические, и политические, и экономические, и культурные связи, имеющие под собой глубокие исторические корни братской дружбы русского и болгарского народов, скрепленной совместной борьбой против иноземных захватчиков.

Так, советско-болгарское боевое сотрудничество, зародившееся на заключительном этапе второй мировой войны, когда Отдельная болгарская армия участвовала в боях против гитлеровской Германии в составе 3-го Украинского фронта, как показывает «Летопись», развивается и обогащается в годы мирного строительства. Это не раз подчеркивалось на торжественных заседаниях, проходивших в сентябре 1974 г. в Москве в дни празднования 30-летия создания Болгарской Народной Армии, и в феврале 1978 г. в Софии — в дни 60-летия Вооруженных Сил СССР.

В марте 1945 г. в Москве между СССР и Болгарией было подписано первое торговое соглашение, сыгравшее исключительно важную роль. Оно открыло широкие перспективы создания длительных и прочных экономических связей между обеими странами, все многообразие которых на протяжении 35 лет можно проследить по книге.

Взаимные поставки промышленного оборудования и продовольствия, предо-

ставление денежных кредитов, передача технической документации и непосредственное участие специалистов в строительстве важнейших объектов народного хозяйства — стали закономерной необходимостью, приведшей к сближению экономики двух стран, к эффективной интеграции. Очень важная роль в этом принадлежит Межправительственной советско-болгарской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, созданной в 1964 г.

Культурное сотрудничество СССР и Болгарии, являясь качественно новым типом отношений, основывающихся на взаимном обогащении социалистических культур, развивалось и углублялось в области науки, литературы, искусства, образования, здравоохранения, печати и др.

Возникли новые формы сотрудничества: обмен делегациями, организация выставок, гастрольные поездки деятелей культуры, недели музыки, книги, кино, празднования юбилеев. Особенно широко, как видно из материалов хроники, отмечались 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции и 25-летие социалистической революции в Болгарии, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина и 90-летие со дня рождения Г. Димитрова, 100-летие освобождения Болгарии от османского ига и годовщины подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ.

Практическая ценность «Летописи» бесспорна. Она дает возможность проследить любое направление советско-болгарских отношений, выделить основные этапы развития этих отношений.

К сожалению, в «Летописи» не упомянуты такие материалы, как интервью, выступления, статьи общественных деятелей, представителей культуры, науки и искусства, использована печать не всех национальных республик Советского Союза, освещающая связи с Болгарией.

«Летопись» будет с интересом встречена научными работниками, пропагандистами, советской общественностью, всеми, кто интересуется проблемами связей братских социалистических стран. «Летопись» наглядно показывает, как с каждым годом расширяются, углубляются и совершенствуются политические, экономические и культурные связи обеих стран.

Ермакова Д. А.

Я. ЦЕЗАР, З. СНИТИЛ. *Чехословацкая революция 1944—1948*

На протяжении 70-х годов чехословацкие ученые неоднократно обращались к одному из важнейших событий в послевоенной истории своей страны — исторической победе трудящихся над буржуазией в феврале 1948 г. Коренному повороту в судьбах чешского и словацкого народов были посвящены монографии, сборники документов и воспоминаний, хроник [1—9].

Интерес этот вполне объясним и закономерен. В результате победного Февраля перед трудящимися Чехословакии открылась широкая перспектива созидания нового общества, свободного от всех форм социального и национального гнета. Это событие подтвердило возможность осуществления мирного перехода к социализму в условиях индустриально развитой страны; с сильными буржуазно-демократическими традициями, что убедительно свидетельствует о жизнеспособности марксистско-ленинских положений о социалистической революции и их международной значимости.

Рецензируемая книга известных чехословацких историков Я. Цезаря и З. Снитила представляет собой сводную работу, обобщающую результаты достижений марксистской историографии ЧССР по проблеме. Вместе с тем нужно отметить и присущие ей определенные элементы новизны в методологическом плане. От предыдущих исследований книгу выгодно отличает попытка ее авторов увязать опыт революционных событий 1944—1948 гг. в Чехословакии с ходом мирового революционного процесса, с разнообразными политическими аспектами противостояния сил социализма и капитализма в начале второго этапа общего кризиса капиталистической системы. На этой основе вырисовывается общая картина развития чехословацкой революции как одного из составных звеньев мирового революционного процесса второй половины 40-х годов, отчетливее отражаются ее общие и специфические черты.

Достоинством работы является исследование того, как главные мероприятия народно-демократической революции создавали предпосылки для полного завоевания рабочим классом политической власти, построения и функционирования социалистического общества. Поэтому авторы вполне логично связывают перерастание народно-демократической революции в социалистическую с непрерывностью процесса строительства социализма в Чехословакии.

В книге рассматривается развитие революции в Чехословакии во взаимосвязи всех ее сфер. Я. Цезарь и З. Снитил не ограничиваются анализом и обобщением отдельных политических сторон революционных преобразований, но органически соединяют их с экономическими и социальными аспектами. Такая диалек-

тическая взаимозависимость важных факторов развития революции помогает более четко осуществить основную концептуальную линию.

Поставив перед собой цель глубже обобщить на основе изданной ранее литературы основные черты исторических закономерностей революционного процесса в стране, авторы не воспроизводят полный набор фактов, а стремятся рационально использовать те из них, которые в методологическом плане наиболее эффективно отражают специфику развития революции и предпосылку перехода к строительству социализма.

Более трети книги посвящается характеристике различных международных событий 30—40-х годов. На наш взгляд, было бы целесообразнее остановиться на анализе лишь тех внешнеполитических факторов, которые непосредственно влияли на революционный процесс в Чехословакии.

Остальные 12 глав (X—XXI) посвящены разнообразным проблемам развития народно-демократической революции и перерастания ее в революцию социалистическую. В каждой из них лаконично и последовательно рассматриваются формы и методы деятельности Компартии Чехословакии, которая сумела правильно сориентироваться в сложной внутриполитической обстановке, расстановке классовых сил и разработать конкретную программу осуществления целого комплекса социально-политических мероприятий в интересах широких масс трудящихся. Авторы подробно излагают задачи, которые пришлось решать чехословацким коммунистам: конкретизация отношения к другим политическим партиям, укрепление ведущей роли рабочего класса уже на начальном этапе народно-демократической революции, привлечение на сторону народа армии, усиление влияния в национальных комитетах, органах безопасности, утверждение принципов равноправия чехов и словаков в рамках единой республики, разоблачение происков внутренней контрреволюции и др.

Определенный интерес вызывает глава XVII «Экономические основы социализма», в которой Я. Цезарь и З. Снитил дают конкретную оценку осуществляемому на этапе народно-демократической революции экономическим преобразованиям, из которых они особо выделяют экспроприацию имущества крупных капиталистов, видя в ней предпосылку для ликвидации капиталистического строя (с. 304). В отличие от ряда других исследователей они не оставляют вне поля зрения осуществление денежной реформы, налоговой политики, ценообразования.

Авторы книги по установившейся традиции кульминационным моментом борьбы между рабочим классом и буржуазией считают отставку 20 февраля

1948 г. 12 буржуазных министров. Анализ февральских событий они отвели только 25 страниц (с. 353—378). Достаточно подробная хроника победного Февраля была уже дана в ранее выпущенной монографии М. Боучека и М. Климеша [3, с. 113—115].

В заключительной главе «Победный февраль 1948 г. и ленинский путь революции в Чехословакии» проанализированы итоги революционных событий, сформулированы важнейшие их закономерности и особенности, подтверждающие и обогащающие положения марксистско-ленинской теории социалистической революции. Особое внимание уделяется взаимодействию благоприятных внешних условий для мирного развития революции в Чехословакии (интернациональной солидарности международного рабочего класса и особенно поддержки Советского Союза) и степени зрелости и единства внутренних революционных сил.

Ценным является вывод о том, что мирный путь революции был путем острой политической борьбы и не мог быть реализован при нейтрализации большей части населения. Он возможен лишь в случае активной поддержки широких народных масс в условиях противоборства с буржуазией, занимавшей тогда еще прочные политические и экономические позиции, имевшей к тому же большой опыт политической борьбы, манипулирования сознанием народа при помощи коалиционной политики и системы парламентаризма. Завоевание на сторону рабочего класса большинства нации не только создавало предпосылки успеха на выборах, но и должно было стать гарантией победы в случае других вариантов борьбы за власть, не исключая и вооруженный путь.

Эти и другие положения и обобщения имеют принципиальное значение, так как сущность революции 1944—1948 гг. в Чехословакии усиленно извращалась правыми оппортунистами, особенно во

время внутриполитического кризиса в 1968 г. Общественно-политическая система с 1945 г. с чертами политического плюрализма и сосуществованием нескольких хозяйственных укладов изображалась ими как созревшая модель «чехословацкого социализма», развитие которой будто было приостановлено Февралем 1948 г.

Поэтому рецензируемая книга, анализируя важнейшие процессы народно-демократической революции и перерастания ее в социалистическую, убедительно доказывая их историческую закономерность и подтверждение в конкретных условиях марксистско-ленинских положений, имеет большое идейно-политическое значение. Она поможет широкому кругу читателей, особенно молодежи, лучше разобраться в сложном водовороте революционных событий в Чехословакии в 1944—1948 годах. Высокую оценку дал ей орган КПЧ газета «Руде право» [10].

Любченко В. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Adámek V.* Boj KSČ za přerůstání národní a demokratické revoluce v socialistickou v letech 1945—1948. Praha, 1972.
2. *Husák G.* Z bojů o dnešek. Praha, 1973.
3. *Bouček M., Klimeš M.* Dramatické dny Unora 1948. Praha, 1973.
4. Unor 1948, základ vítězství socialismu v Československu. Praha, 1973.
5. Rozhodující střetnutí. Dokumenty, podzim 1947 — únor 1948. Praha, 1973.
6. Cestou socialistického vývinu. Bratislava, 1973.
7. Unor 1948 ve vzpomínkách pametníku. Praha, 1974.
8. *Bouček M., Klimeš M., Vartíková M.* Program revoluce. Praha, 1975.
9. *Melichar V. a kol.* Československý Unor 1948 a socialistické státy. Praha, 1977.
10. *Rudé právo*, 1980, 23.V.

П. П. СЕВОСТЬЯНОВ. Перед великим испытанием. Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. М., 1981, 367 с.

Неполных 22 месяца с начала второй мировой войны до нападения фашистской Германии на нашу страну — ничтожно малый срок в истории. Но в этот период произошли события мирового значения. Им посвящена монография доктора исторических наук П. П. Севостьянова. Книга основана на солидной источниковой базе. Автором использованы архивные материалы, труды советских и иностранных историков, мемуары видных государственных и военных деятелей и дипломатов, документальные публикации. В монографии характеризуется международная обстановка, сложившаяся в результате начала второй мировой войны, раскрывается внешнеполитическая деятельность Советского правительства, направленная

на укрепление обороноспособности страны и обеспечение безопасности границ СССР, на укрепление внешнеполитических позиций Советского государства.

Как указывается и в предисловии, автор поставил перед собой задачу комплексного исследования деятельности советской дипломатии за указанный период. Фактически же изложение событий выходит за установленные автором хронологические рамки, что представляется вполне оправданным. Автор поступил правильно, охарактеризовав пред историю начала второй мировой войны, международную обстановку конца 30-х годов, позиции ведущих западных держав, а также историю борьбы СССР за предотвращение второй мировой войны. Цен-

ным является то, что события тех лет рассматриваются с перспективы четырех десятилетий, когда можно проследить развитие тогда только намечавшихся тенденций во внешней политике ряда государств.

Убедительно и ярко показана в книге деятельность советской дипломатии по организации коллективного отпора миролюбивых стран агрессии фашистской Германии. Весной 1939 г. правительство СССР обратилось к правительствам Англии и Франции с предложением о создании антигитлеровской коалиции, основой которой явились бы военно-политический союз и взаимная помощь. Это предложение, как известно, было отклонено. Автор, оперируя неопровержимыми фактами и документами, разоблачает лицемерие западной дипломатии, которая, под прикрытием фраз о стремлении к обузданию агрессора, делала все для того, чтобы направить гитлеровскую агрессию на восток, против Советского Союза. Об этом, в частности, красноречиво говорит позиция, занятая военными миссиями Англии и Франции на совещании, проходившем по инициативе СССР в августе 1939 г. и окончившемся неудачей по вине правительств этих государств.

Оставшись без военных союзников под прямой угрозой гитлеровской агрессии, да, кроме того, имея на Дальнем Востоке соседом милитаристскую Японию, связанную с Германией антикоминтерновским пактом, Советский Союз оказался перед перспективой оборонительной войны на два фронта с двумя мощными милитаристскими державами. В этих условиях Советское правительство было вынуждено выработать срочные меры по обеспечению собственной безопасности, а также принять предложение правительства Германии о заключении пакта о ненападении. В книге аргументированно опровергаются измышления западной пропаганды относительно якобы имевшего место тайного сговора СССР с Германией. Автор книги подчеркивает, что Советское правительство пошло на подписание упомянутого договора только после того, как полностью выявилось нежелание правительств Англии, Франции и Польши заключить соглашение с СССР о совместной борьбе против гитлеровской агрессии и были исчерпаны другие возможности обеспечения безопасности СССР. Еще одним исключительно важным результатом такого шага правительства СССР, подчеркивается в книге, было то, что советско-германский договор от 23 августа препятствовал созданию единого антисоветского фронта империалистических держав. Это имело огромное значение для исхода второй мировой войны, которая началась не выступлением сплоченного фронта держав «оси», а с вооруженной агрессии одной лишь Германии, да и сам процесс сплочения сил держав-агрессоров замедлялся на целый год. Таким образом, было выиграно некоторое время для консолидации миролюбивых и революционных сил, что способствовало образованию могучей антигитлеровской коалиции.

В обстановке развязанной Германией

мировой войны Советский Союз продолжал крепить свою обороноспособность. Эта задача стала особенно актуальной в условиях, когда после оккупации Польши вооруженные силы гитлеровского вермахта оказались на западных рубежах СССР.

Автор подробно освещает деятельность Советского правительства по обеспечению безопасности советских границ на северо-западе. Важное значение имели переговоры с правительствами Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы. Западные державы, и в первую очередь Германия, стремились превратить эти страны в форпост подготовляемого нападения на Советский Союз. Разгром финских милитаристов, толкаемых Германией на агрессивную войну, снял на некоторое время прямую угрозу, нависшую над Ленинградом, а договор от 12 марта 1940 г. укрепил безопасность СССР в этом районе. Подробно рассказывается в книге и об укреплении советских границ в районе Прибалтики, которую гитлеровская Германия готовилась использовать в качестве трамплина для нападения на СССР.

В результате двусторонних переговоров в сентябре-октябре 1939 г. были заключены договоры о взаимной помощи между СССР и тремя прибалтийскими государствами. Однако вскоре правительства Эстонии, Латвии и Литвы под влиянием фашистских элементов стали на путь саботажа договоров с СССР. Но сам факт их заключения способствовал активизации в этих странах демократических и революционных сил. Усилилось движение, возглавляемое компартиями, за ликвидацию реакционных, антинародных режимов, которое привело в июне 1940 г. к формированию народных правительств. Проведенные затем свободные выборы принесли победу трудящимся. Высшие законодательные органы трех прибалтийских республик, выполняя волю своих народов, приняли решение о восстановлении Советской власти. Верховный Совет СССР удовлетворил просьбу Литвы, Латвии и Эстонии о вхождении в состав Союза ССР. Таким образом, победа революционных сил в прибалтийских республиках перечеркнула попытку Германии превратить их в антисоветский плацдарм.

В последующих главах монографии рассматривается вопрос о развитии взаимоотношений СССР с Англией, Францией, США, с балканскими государствами, с Турцией, Ираном, Афганистаном, а также с государствами Дальнего Востока. Советский Союз последовательно выступал при этом как знаменосец мира. П. П. Севостьянов показывает роль СССР в консолидации миролюбивых и антифашистских сил, огромный вклад советской дипломатии в создание антигитлеровской коалиции.

Заключительная глава книги посвящена взаимоотношениям СССР с Германией и Италией. Автор разоблачает коварство, агрессивный характер и методы действий дипломатии этих двух фашистских государств, особенно Германии, направленных на укрепление своего гос-

подства в порабощенных странах и государствах-сателлитах, мобилизацию материальных и людских ресурсов для нападения на СССР, подготовка к которому всячески маскировалась «миролюбивыми» жестами. Материалы книги подтверждают, что и в этих сложнейших условиях, когда неизбежность фашистского нападения на СССР становилась все

более очевидной, КПСС и правительство СССР делали все возможное для того, чтобы оттянуть срок вступления в войну, используя каждый день мира для подготовки к отражению нападения.

Монография П. П. Севостьянова — серьезный вклад в советскую историческую науку.

Ольшанский П.

Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, 292 с.

Рецензируемый сборник статей представляет собой дальнейшее звено в работе коллектива Института славяноведения и балканистики АН СССР по изучению сложного комплекса проблем, связанных с этногенезом славян, развитием этнического самосознания и формированием государственности в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы. заслугой авторов этого сборника, как и предыдущих, посвященных аналогичной тематике [1; 2], является широкий многосторонний подход к поставленным проблемам, стремление решать их междисциплинарно на основе комплексных исследований, о чем свидетельствует наличие в сборнике статей историков, лингвистов, фольклористов, археологов. В этом видится залог дальнейшего успешного развития исследований таких важнейших вопросов, как этногенез и формирование ранней государственности славян и других народов данного региона, которые могут найти свое решение лишь на путях комплексного изучения, что подчеркивается во введении, автором которого является инициатор сборника ныне покойный В. Д. Королюк, посвятивший последние годы своей жизни интенсивной разработке этой проблематики.

Основу книги составляют статьи сотрудников трех секторов Института. Первая часть посвящена рассмотрению некоторых аспектов древнеславянской общности и миграции славян. В. В. Иванов и В. Н. Топоров (Москва) в статье о древнем славянском праве в свете данных лингвистики подают известный юридический материал в новом лингвистическом ракурсе, что позволяет по-иному увидеть ряд аспектов развития славянского правосознания на его древнейших этапах. Д. А. Мачинский (Ленинград) представил ряд интересных положений о миграциях славян в I тысячелетии н. э., внося ряд уточнений в устоявшуюся хронологию и в направление миграции, обосновывая тезис о передвижении праславян из Приднепровья в Повисленье, затем на юг, в Подунавье, а позднее о распространении отдельных групп славян и культурных импульсов в обратном направлении (с. 50—51). В статье Л. А. Гиндина (Москва) о хронологии славянизации Карпато-Балканского пространства содержится аргументированная критика ранней датировки (I—II вв. н. э.) проникновения славян в транскар-

патские области, предложенной в свое время известным чешским археологом Л. Нидерле, и обосновывается тезис о наличии в южной Паннонии и Дакии славянского населения в середине V в. н. э.

Во второй части сборника затронута проблематика образования славянских народностей и их взаимоотношений с соседями. Здесь центральное место занимает статья Г. Г. Литаврина (Москва) «Народы Балканского полуострова в составе Византийской империи в XI—XII вв.», где рассмотрена сложная проблематика взаимных контактов, процессов романизации и ассимиляции, предложен ряд новых решений. Статья Е. П. Наумова (Москва) содержит критический обзор югославской историографии и наблюдения автора над источниками по проблеме формирования сербской народности и участия в этом процессе балканских владов (XII—XIII вв.). Автор приходит к выводу, что «влады в пределах средневекового Сербского государства... зафиксированы лишь на его рубежах» (с. 199). Удачную попытку совместить данные археологии и агрографии при изучении вопросов экономического развития славян в долинах рек Струмы и Вардара в VII—VIII вв. представляет статья О. В. Ивановой. Ряд интересных наблюдений над текстами письменных источников содержат статьи А. И. Рогова (Москва) («О понятии „Русь“ и „Русская земля“») и С. А. Иванова (Москва) («Болгары и русские в изображении Льва Диакона»).

В статье Б. Н. Флора (Москва) о формировании государственности и самосознания чехов делается попытка на основе анализа ряда письменных памятников связать вытеснение старых племенных названий новыми, ориентированными на территориальную структуру раннефеодального государства, с процессом становления государства и распада племенного самосознания. Однако способы разграничения племенных и территориальных названий на раннем этапе еще несовершенны, что можно наблюдать и в статье (с. 112—114), поэтому автору не всегда удается доказать свои предположения, хотя в наличии самого процесса этатизации и интеграции племен к XII в. сомневаться не приходится. Несмотря на ряд спорных положений (носителями самосознания зарождающейся древнечешской народности Б. Н. Флора

считает лишь княжеских дружинников (с. 109), интерпретация 15 civitates Баварским географом как княжеств с их центрами), в статье содержится много интересных наблюдений. В методологическом отношении особо ценным представляется типологическое сопоставление судеб славян Чешской долины с соседними славянскими народами.

Определенным вкладом в освещение истории западнославянских племен служат статьи А. Н. Саливона (Курган) «Самосознание ободритов» и Я. Д. Исаевича (Львов) «Висляне и лендзяне в IX—X вв.». А. Н. Саливон на основе широких теоретических обобщений, выработанных советской этнографической наукой, объективно, строго научно подошел к освещению вопроса о самосознании ободритов, подчеркнув синкретичность этнического и политического на уровне обыденного сознания в обстановке постоянной борьбы с внешним противником у полабских славян. Анализ источников о древнепольских племенах позволил Я. Д. Исаевичу сделать ряд важных наблюдений о трансформации племенных самосознаний в общепольское и о значительной роли племени лендзян-ляхов в формировании Древнепольского государства.

В третьем разделе, озаглавленном «Языческая культура славян и этнография», помещены статьи О. А. Терновской (Москва) о сходствах и различиях в жатвенной обрядности славян и А. В. Гуры (Москва) об ареалах и терминологии славян-

ского свадебного обряда. В обеих статьях собран и систематизирован интересный материал, даны типологические сопоставления. Статьи не замыкаются в рамках чистой фольклористики, позволяя глубже проникнуть в языческие пласты народной культуры славян. В разделе «Хроника» дана обширная информация о работе сектора древней истории и истории средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР за последнее десятилетие и содержится ряд других материалов, безусловно заинтересующих специалистов по этногенезу и этнической истории славян.

Недостатком сборника (очевидно, упрек следует адресовать издательству) является большое количество опечаток, в особенности в сносках на иностранных языках.

В целом рецензируемый труд представляет значительный интерес как новыми сведениями по затронутым проблемам, так и попыткой преодоления узкоспециализированного подхода к изучению кардинальных комплексных проблем развития славян.

Мельников Г. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
2. Этническая история восточных романцев. (Древность и средние века). М., 1979.

Н. В. ЯКОВЛЕВА. *Современный роман Югославии*. М., 1980

Рецензируемая книга посвящена югославской литературе наших дней. Вряд ли нужно говорить о своевременности появления этой работы: необходимость исследований по литературам народов социалистических стран давно назрела. Ведь подлинно научное обобщение явлений и процессов современной социалистической культуры возможно лишь на основе пристального изучения конкретного материала. И хотя литература Югославии представлена в русских переводах достаточно широко, да и статей о югославских писателях опубликовано немало, особенности современной прозы этой страны впервые стали в книге Н. Яковлевой предметом специального критического разбора, сочетающего конкретный анализ с попытками систематизации сложного, разнородного материала.

Автор взялся за исследование литературы многонациональной страны, не пытаясь упростить свою задачу и ограничиться рамками одной или двух национальных литератур. В книге нашли отражение поиски писателей Сербии, Хорватии, Словении, Черногории, Боснии и Герцеговины, Македонии — республик современной СФРЮ, значительно различающихся между собой по историческим корням культуры, условиям развития,

восприятию тенденций мирового литературного процесса.

Н. В. Яковлевой пришлось в самом начале своей работы решить нелегкую проблему, связанную с выбором принципа расположения и освещения лучших произведений современной югославской прозы. Сложность задачи усугублялась еще и тем, что речь в книге идет о литературе сегодняшнего дня, находящейся в движении, в развитии. Несколько крупных романов таких авторов, как М. Лалич, А. Исакович, Д. Чосич, Б. Зупанчич, наконец, завершающие тома эпопеи М. Крлежи «Знамена», включались в круг авторских интересов сразу же по их выходе в свет.

Принцип построения книги вернее всего было бы, пожалуй, определить как жанрово-тематический. Н. Яковлева распределила огромный материал послевоенного периода (хронологически исследование начинается с романов И. Андрича, увидевших свет в 1945 г., а заканчивается анализом последнего романа Д. Чосича, вышедшего в 1979 г.) по пяти главам. Несмотря на обилие затронутых тем, нетрудно выделить мотив, который явно занимает автора больше других.

Н. Яковлева пристрастна к историческому жанру во всех его многообразных

трансформации — от романа-документа до романа-параболы, вольно трактующего исторический сюжет. Лучше других ей удается анализ исторических романов, написанных в русле реалистической традиции. С интересом читаются страницы, посвященные исторической прозе И. Андрича, роману Д. Чосича «Время смерти», действие которого происходит в дни первой мировой войны, исторической дилогии М. Црнянского о «великом переселении» австрийских сербов в Россию в XVIII в. Да и в произведениях о второй мировой войне и революции автор умеет найти и четко выделить ощущение исторической перспективы, чувство истории у таких несхожих романистов, как М. Лалич, Б. Чопич, Ц. Космач. К лучшим страницам книги Яковлевой принадлежат разборы романов М. Селимовича «Дервиш и смерть» и «Крепость». Нельзя не пожалеть о том, что малая разработанность проблематики литературы социалистических стран не позволяет исследователям сосредоточиться на частных темах, представляющих значительный интерес. Зачастую от литературоведов-славистов требуется разработка «глобальных» проблем в связи с относительно малой известностью отдельных представителей национальных литератур, в то время как корректно проведенный анализ отдельной темы способен внести немалый вклад и в теорию и методологию. А ведь из советских исследований нередко черпает материал по культуре социалистических стран и зарубежное славяноведение и балканистика. Хотелось бы надеяться, что это противоречие разрешимо и что жанр конкретного научного исследования в области литературы и культуры социалистических стран займет свое место по праву.

Это отступление вызвано тем, что глава «Новое и старое в „новой“ прозе» рецензируемой книги воспринимается как отдельный очерк об отражении современной темы в литературе Югославии, почти не связанный с основным ходом авторской мысли. Глава носит во многом информационный характер, затрагивая ряд произведений 60—70-х годов. Тема явно находится на периферии научных интересов автора, вынужденного часто опираться на мнения других критиков. Но основным недостатком главы о «новой» прозе представляется нарушение пропорций. Книги писателей, чьи позиции симпатичны автору («Я. Данило» Д. Сулича, «Венок Петрии» Д. Михаиловича) преподнесены с пафосом, которого они никак не заслуживают по своим художественным достоинствам, да и по качеству социального анализа. Рядом с приводимыми в соседних главах отрывками из Андрича, Крлежи, Лалича цитаты из слабой современной прозы звучат чуть ли не комически.

Высказанным выше замечанием, пожалуй, и исчерпываются сколько-нибудь серьезные претензии к нужной, интересной работе Н. Яковлевой. Читатель может не соглашаться с автором по той или иной проблеме (так, например, и в югославской, и в советской критике высказыва-

лось суждение об экзистенциалистских корнях мировоззрения М. Селимовича, которого Яковлева не разделяет), однако автор умеет отстоять свою позицию, последовательно изложить свой взгляд на «трудные» книги и весьма нелегких писателей.

Удачна последняя глава — «Проверка историй» — размышления о судьбах современного романа-эпопеи. Чувствуется, что анализ крупномасштабного романа — «конек» критика, тема, которой он занимается давно и серьезно. Прекрасно ориентируясь в творчестве М. Крлежи-романиста и тщательно разобрав недавно вышедший в свет роман Д. Чосича, Н. Яковлева приходит к важным выводам общего плана. Она справедливо отмечает, что романы названных выше писателей, так же как и произведения О. Давичо, М. Краньца, М. Лалича объединяет стремление исследовать на историческом материале проблему «истоков» современного общества. «Система жанровых разновидностей романа находится в постоянном движении, — утверждает Н. Яковлева, — и в процессе этого движения некоторые формы, считавшиеся исчерпанными, вновь обретают жизнеспособность» (с. 204). При этом, по мнению автора, расширение охвата жизненных явлений достигается за счет совершенно новой организации материала. Эта мысль подкреплена размышлениями о художественной специфике эпопеи М. Крлежи «Знамена» как романа историко-политического, использующего и достижения классического реализма, в частности, семейного романа, и новейшие литературные тенденции, как, например, обращение к документу. Яковлева ощущает характерную черту творчества Крлежи — сосредоточенность действия вокруг личности героя — и объясняет ее тем, что «человек для М. Крлежи не объект истории, а ее субъект, активное начало» (с. 177).

Подъем эпического монументального жанра в югославской литературе 60—70-х годов автор рассматривает как важнейшую черту литературного процесса. «Стремление и способность литературы к осмыслению гуманистических ценностей, накопленных на пути исторического движения народов Югославии к социализму» (с. 205) представляется Н. Яковлевой залогом дальнейшего развития югославской прозы.

Книга содержит немало интересных наблюдений. Однако ограниченный объем монографии и стремление охватить все богатство тем и жанров югославского романа делают эти наблюдения фрагментарными.

«Современный роман Югославии» — первая попытка анализа сложных явлений многонациональной литературы одной из европейских социалистических стран. Автор ее намечает немало заслуживающих внимания тем, ставит серьезные проблемы. Хочется надеяться, что за этим исследованием процессов современной югославской культуры последуют и другие.

Вагапова Н. М.

Рецензируемая книга Дануши Кшицовой явилась итогом многолетней работы автора по изучению жизни и творчества известного чешского поэта, переводчика и культурного деятеля, пропагандиста русской литературы и искусства в Чехии Франтишека Таборского (1858—1940).

В исследовании рассматриваются биография Ф. Таборского, его поэтическое творчество в соотношении с русской литературой; переводы из Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Блока и других поэтов, русской народной словесности, статьи о русской литературе, фольклоре и театре. Надо заметить, что этим не исчерпывается вся сфера соприкосновения Таборского с русской культурой (он писал о русской живописи и об архитектуре), но раскрытие его связей с изобразительным искусством России и не входило в задачи автора, хотя частично о них и говорится. Что же касается связей Таборского с русской литературой и фольклором, то их основная проблематика освещается в книге достаточно полно и обстоятельно. И это — одно из достоинств исследования.

Выходец из семьи сельского сапожника, Ф. Таборский, несмотря на материальные трудности, сумел закончить Славянскую гимназию в Оломоуце (1878), а затем филологический факультет Пражского университета (1884). Уже в годы учебы Таборский выступает на страницах моравских периодических изданий. Его взгляды формировались и развивались в традициях национального возрождения, под влиянием идей «славянской взаимности». Интерес к русскому языку и России зародился у Таборского еще в гимназии и не покидал его всю жизнь. После окончания университета он стал преподавателем, а с 1912 г. — директором Высшей женской школы в Праге, где проработал до выхода на пенсию (1921). Таборский принимал активное участие в литературной и культурной жизни Чехии как поэт и переводчик, как большой знаток и популяризатор славянских культур, прежде всего русской. Углубленному познанию последней способствовали поездки Таборского в Россию (1896, 1909—1910).

Как поэт Таборский в основном находился под влиянием поэтических принципов «руховцев» и «люмпровцев» (Чех, Сладек, Врхлицкий, Зейер и др.). Одновременно он обращался и к опыту русской поэзии, русского фольклора, что, как отмечает Д. Кшицова, заметно уже в первых поэтических сборниках «Стихотворения» (1884), «Мелодии» (1892). Инспирации, идущие от «Демона» Лермонтова, прослеживаются в отдельных местах поэмы «Легенда староновая» (1927). Особенно близок Таборскому был Пушкин. С освоением художественного опыта русского поэта в разной степени связаны, например, такие произведения Таборского,

как неоконченный роман в стихах «Старая комедия», «Сказка о человеке, который хотел быть богом», целый ряд лирических стихотворений. Порой Таборский использовал ритмы, стиль и мотивы русских былин. Иногда русская литература становилась темой отдельных стихотворений чешского поэта («Читая Толстого и Достоевского», сборник «Мелодии»). В целом русская поэзия, по мнению автора книги, способствовала укреплению в творчестве Таборского реалистического начала, его сближению с жизнью.

Центральное место в монографии занимают вопросы переводческой и популяризаторской деятельности Таборского. В начале 90-х годов, когда Таборский выступил с первыми переводами из русской поэзии, в Чехии существовало два переводческих направления. Одно, восходящее к практике Врхлицкого, исходило прежде всего из того, что переводить надо размером оригинала, адаптируя при этом переводный текст в соответствии с индивидуальным стилем поэта-переводчика. Другое, связанное с именем Сладека, руководствовалось принципами так называемого «верного перевода», т. е. точного сохранения не только ритмики, но и содержания и стилистики оригинала. Таборский, как и ряд других представителей литературного поколения 90-х годов, тяготел к «верному переводу», хотя впоследствии прибегал и к новым переводческим принципам.

К наиболее значительной части переводов Таборского относятся четыре тома его переводов из Лермонтова, над которыми он работал много лет (I, 1892; II, 1895; III, 1918; IV, 1929). Хотя многие произведения Лермонтова переводились в Чехии и раньше, тем не менее переводы Таборского существенно расширили представления чешских читателей о русском поэте, впервые знакомили с его ранней лирикой (1829—1830), неоконченной поэмой «Сашка», «Казначейшей», драмой «Маскарад» и другими произведениями. Проведя аналитическое сопоставление лермонтовских переводов Таборского с переводами его предшественников и последователей, Д. Кшицова приходит к заключению, что Таборский был первым систематическим и последовательным переводчиком Лермонтова, обстоятельно изучившим его творчество, черепишку и работы о нем. Переводы Таборского явились в свое время крупным событием в чешской литературной жизни, продвижением в освоении поэтического наследия Лермонтова.

Другим особенно близким Таборскому поэтом был Пушкин, которого он переводил долгие годы: в юбилейном 1899 г. в журнале «Словански пришеглед» Таборский опубликовал восемь лирических стихотворений Пушкина; целый ряд переводов появился в 1910-е годы; позже

Таборский перевел вступление к «Руслану и Людмиле» (1928); в 1936 г. вышли переводы «Памятника» и «Деревни», а в юбилейном 1937 г. — «Моей родословной». В общей сложности в разное время Таборский перевел несколько десятков стихотворений Пушкина. Лучшее, как считает Д. Кшицова, ему удавались переводы политической лирики и сатирических произведений, хуже — интимно-лирических стихотворений. Таборским были переведены все сказки Пушкина, неоднократно издававшиеся и явившиеся по мнению автора книги, особо ценным вкладом в чешскую пушкиниану. Эти произведения были особенно созвучны Таборскому, всегда живо интересовавшемуся освоением богатств народного творчества.

При переизданиях Таборский стремился совершенствовать свои переводы. Хотя Таборский не был первым переводчиком Пушкина, именно ему принадлежит заслуга в ознакомлении чешских читателей с лицейскими стихами и многими эпиграммами Пушкина, с десятой главой «Евгения Онегина», со стихотворениями «И. И. Пущину», «Восстань, о Греция, восстань!», «Сказки», «Бова» и др. Не все переводы Таборского из Пушкина равноценны и одинаково выдержали испытание временем. Надо иметь в виду, что наряду с ним в Чехии выступали такие искусные переводчики пушкинской поэзии, как Э. Красногорская, З. А. Юнг, Б. Матезиус, П. Кржичка, Й. Гора, И. Барт, Ф. Галас и другие, каждый из которых внес в историю пушкинских переводов что-то свое. Почетное место здесь принадлежит и Таборскому.

Один из разделов книги Д. Кшицовой посвящен переводу Таборским комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Начав работу над ней в 90-е годы, Таборский завершил ее лишь к 1932 г. Сравнивая переводы Б. Коленского (1895), Ф. Вевера (начало 10-х годов) и Таборского, автор отмечает, что Таборский ближе к оригиналу, однако в его переводе много ружимов.

Специально рассматриваются Д. Кшицовой переводы Таборским произведений Ф. И. Тютчева, Я. П. Полонского, А. К. Толстого, С. Я. Надсона, К. М. Фофанова и других русских поэтов. С некоторыми их произведениями он ознакомил чешского читателя впервые. В рукописи остался сделанный Таборским перевод поэмы А. Блока «Двенадцать». Особо говорится в книге о переводах Таборского из русской народной поэзии, были и сказок.

Свои переводы с русского Таборский нередко сопровождал пояснительными статьями и комментариями, становясь, таким образом, популяризатором русской литературы, нередко выступая и с самостоятельными статьями по ее истории. В этом отношении особенный интерес представляют его историко-биографические работы о Лермонтове и Пушкине. Лермонтову Таборский посвятил четыре статьи. Первая из них была опубликована в 1891 г. в журнале «Час» в связи с пятидесятой годовщиной со дня смерти поэта. Она интересна тем, что в ней о Лер-

монтове говорится не только как о романтике, но и как о реалисте («Казначейша», «Сказка для детей», «Герой нашего времени»). Три другие статьи Таборского о Лермонтове являются предисловиями к переводам. Более подробно в рецензируемой книге говорится об одной из них, предисловии к III тому, которая в расширенном виде была напечатана и в журнале «Наше доба» (1917). В основу этого объективного освещения творчества Лермонтова положена биография поэта. От других чешских статей о Лермонтове она отличалась новизной привлеченного материала, в ней впервые использовалась переписка поэта. В статье «Карел Гинек Маха спустя сто лет» (1936) Таборский обратил внимание на большую типологическую близость чешского поэта к Лермонтову, чем к Байрону, как считали другие чешские авторы.

В творческом наследии Таборского исключительное место принадлежит Пушкину: о нем он писал на протяжении пятидесяти лет. Среди множества статей Таборского в книге рассматриваются такие, как «Об эпиграммах Пушкина» (1912), «Молодой Пушкин» (1925), «Тель Фонвизина» (1937), «Пушкин и Гавличек» (1937) и др. В 1937 г. по приглашению посла СССР в Чехословакии С. С. Александровского Таборский принял участие в юбилейном издании «Вечный Пушкин». Итогом всей работы Таборского по изучению Пушкина явилась первая чешская книга о поэте — «Пушкин — певец свободы» (1937). Опираясь на достижения советских пушкинистов, он дает в ней обстоятельное научное описание жизни и творчества Пушкина, широко привлекая для этого переписку поэта. Д. Кшицова видит значение этой монографии прежде всего в том, что Пушкин представлен в ней как «великий политический поэт», что в ней объективно, исторически верно «показана его революционность» (с. 105).

В заключительной части книги говорится о работах Таборского, посвященных русскому театру. Наиболее значительной из них является книга «О русском театре» (1935), охватывающая период от времен Алексея Михайловича до XX столетия. Эта публикация несмотря на некоторые неточности, существенно восполняла в Чехии пробел в информации об истории русского театра.

Позитивной особенностью книги Д. Кшицовой является рассмотрение переводческой и популяризаторской деятельности Таборского в историческом контексте, на фоне всей суммы аналогичных ей культурных явлений в их ретроспективе и перспективе. Следует сказать, что автор не выпрямляет сложную эволюцию взглядов Таборского. В книге говорится и о его связях с неославизмом, и о его тяготении к масариковскому позитивизму, о первоначальном непонимании и неприятии им Октябрьской революции, которые он постепенно преодолел и, как пишет Д. Кшицова, на склоне лет, в 30-е годы, «постиг неизбежность революции, которая обусловила возникновение „земли завоеванных прав“» (с. 26), стоящей на страже мира и противостоящей угрозе фашизма.

Этапными моментами в сближении Таборского с Советской Россией были, как отмечено в книге, работа над переводом поэмы Блока «Двенадцать», участие в подготовке книги «Вечный Пушкин», написание монографии «Пушкин — певец свободы» и, наконец, создание стихотворения «СССР» (1937), о котором посол СССР в ЧСР писал поэту: «Ваше прекрасное стихотворение, написанное к двадцатилетию Октябрьской революции, принадлежит к самым ценным и чистым дарам, полученным моей страной из дружеской Чехословацкой республики» (с. 23).

Перед автором книги о Таборском и его отношении к русской литературе стояла сложная задача отобрать из весьма обширного материала самое главное, учитывая при этом уже существующую разработку отдельных частных вопросов, связанных с темой монографии. В основном эта задача успешно решена, несмотря на ограниченный объем публикации. Правда, читателю хотелось бы, чтобы в разделе «Поэтическое творчество Таборского и русская литература» была не только общая, несколько отвлеченная констатация фактов творческого осмысления чешским поэтом тех или иных явлений русской поэзии, но и их конкретное аналитическое рассмотрение с проникновением в художественную ткань произведений. Раздел «Переводы Таборского из поэзии А. С. Пушкина», вероятно, выиграл бы, если бы содержал более точные сводные сведения о статистике сделанных Таборским пушкинских переводов, тем более, что некоторые из них в существующей

библиографии (см. книгу «Наш Пушкин», Прага, 1949, с. 384—399) не отражены. Затрагивая вопрос об интересе Таборского к детскому фольклору славянских народов, стоило бы вспомнить о существующих публикациях К. И. Чуковского.

Есть в книге несколько неточностей. Так, например, в 1891 г. отмечалось не восьмидесятилетие, а пятидесятилетие со дня смерти Лермонтова (с. 37); Вяземский хотя и был дружен с некоторыми из декабристов, хотя и сочувствовал их устремлениям, но сам декабристом, как это следует из книги (с. 76), не был. Нельзя считать правомерным объединенное отнесение к представителям «чистой поэзии» таких разных и по характеру творчества и по времени деятельности поэтов, как Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой, Я. П. Полонский, С. Я. Надсон, К. М. Фофанов и Д. С. Мережковский.

Встречаются в книге о Таборском случаи недостаточно точного цитирования, искажения имен. Однако все эти частные недочеты не препятствуют общему положительному впечатлению от книги Д. Кшицовой. Эта серьезная, основательная и объективная работа — еще один существенный шаг вперед на пути изучения чешско-русских литературных связей. Книга сопровождается русским и английским резюме, библиографическим перечнем переводов Таборского, списком литературы о нем и указателем имен, содержит ряд дополняющих текст иллюстраций.

Кишкин Л.

Славянское и балканское языкознание, вып. 6. Проблемы морфонологии. Отв. ред. Т. В. Попова, С. М. Толстая. М., 1981, 340 с.

Статьи сборника, представившего собою заметное явление в отечественной лингвистике, основываются на обширном, часто уникальном языковом материале. Рассматриваются морфология русского, польского, чешского, словацкого, верхне- и нижне-лужицкого, болгарского литературных языков, русских, западноукраинских, польских, болгарских говоров, неславянских языков Балкан; предметом изучения являются также древнесербские рукописи XIV—XVI вв., одна из южновеликорусских рукописей XVI в., морфонологические явления в индоевропейской глагольной парадигме и аблаутные ряды раннепраславянского периода. Подход к этому материалу свидетельствует о внимании исследователей к различным областям морфонологии: в их поле зрения оказываются и морфонологические чередования, и акцентология.

Сборник предстает перед читателем как большая коллективная работа, ориентированная на современную морфонологическую проблематику и разносторонне отражающая ее в конкретных исследованиях. Авторы разрабатывают важные в теоретическом плане вопросы о существо-

вании особого морфонологического уровня и его месте в структуре языка, о позиционном подходе к описанию чередования фонем в морфонологических классах слов, о явлениях морфонологической синтагматики.

Морфонологический уровень, его место в структуре языка и его особенности — одна из основных тем статьи Т. В. Цивьян «Морфонологический уровень в описании балканского языкового союза (БЯС)». Во вступительной части статьи автор обосновывает общее положение о существовании особого морфонологического уровня в структуре грамматического яруса языка. Это положение получает конкретную разработку при установлении морфонологической структуры БЯС: автор выявляет акцентуационные альтернативные схождения, а также схождения в альтернативах гласных по долготе — краткости между славянскими и неславянскими языками Балкан. Проведенное исследование дает возможность наметить основные черты единого акцентуационного комплекса, который дополняет описание глубинной грамматической структуры БЯС. Родственная мысль заключена в статье Т. В. Поповой «Морфонологическая ха-

характеристика слова как основание для установления диалектных соответственных явлений». На уникальном материале говоров болгарского языка показано, что морфонологическое чередование — это сложное явление, связанное с фонетическим, морфологическим, лексическим языковыми уровнями. При этом определяющими признаками морфологические факторы: чередование следует рассматривать как морфонологическое только в том случае, если оно предопределено морфонологической позицией (с. 217). Тонкий и глубокий анализ языковых фактов подводит автора к существенным лингвогеографическим выводам. Вопрос о морфонологическом уровне затронут и в ряде других статей.

Несколько статей посвящено описанию чередования фонем в морфологических классах слов.

Вяч. Вс. Иванов в статье «Морфонологические чередования в индоевропейском глаголе» реконструирует источники альтернатив, отразившихся в славянских, балтийских и раннебалканских (протоармянских и фригийских) глагольных парадигмах (морфонологическое чередование *e*: нулевая ступень в атематических глаголах, группа итеративно-интенсивных глаголов древнего атематического типа в славянском и балтийском с огласовкой *o). Обширный материал древних и новых индоевропейских языков дает возможность определить относительную хронологию преобразований в морфонологических чередованиях и установить огласовку корня в отдельных формах индоевропейской глагольной парадигмы.

В статье Ж. Ж. Варбот «Еще один тип вторичного аблаута в славянских языках» прослеживается история развития рядов славянского аблаута в праславянский период и в период самостоятельного существования отдельных славянских языков. Праславянские аблаутные ряды, претерпевающие в отдельных славянских языках пересечение и раздвоение в пределах одного этимологического гнезда, вызвали к жизни вторичный аблаут, различающий генетически сходные лексемы, например, **der-/*dor- /*dъr-/*dĕra/*dĭra/*dyra/*dura*. Автор отмечает, что гипотеза о вторичном аблауте не всегда находит подтверждение в конкретном материале. Так, затруднительно расценивать *dyra и *dura как результат функционирования аблаута в гнезде *der-iz-za отсутствия звена **dъr-*, представляющего собой точку пересечения и раздвоения аблаута. В этом и подобных случаях автор предлагает реконструировать отсутствующие звенья с вторичным аблаутом, что представляется логичным и перспективным системным решением ряда проблем морфонологии не только в этимологическом, но также и в синхронно-описательном плане.

В анализе фактов современных славянских языков и их диалектов значительное место отводится чередованиям в словоизменительных парадигмах.

Морфонологические чередования, сопутствующие склонению существительных, рассматриваются в статье М. И. Ермаковой «Грамматические чередования

как элемент характеристики парадигмы имени существительного в верхне- и нижнелужицком литературных языках». Статья представляет собой обстоятельное описание морфонологических чередований в исходе основы существительных. Работа выполнена с применением понятия «грамматическая позиция», которое автор истолковывает как положение основы перед тем или иным словоизменительным аффиксом. Именно словоизменительные аффиксы обуславливают появление строго определенных фонем в исходе основы, ср. в.-луж. Д. ед. *susod-ej*, М. ед. *susodź-e*; пример показывает, что присутствие фонемы *d* в исходе основы обусловлено окончанием *-ej*, присутствие же *dź* — окончанием *-e*, а вовсе не фонемой *e*, допускающей перед собой оба члена чередования. Внимание автора к подлинно морфонологическим явлениям дает ему возможность описать существенные стороны морфологии: в статье перечислены и охарактеризованы все грамматические позиции в склонении существительных обоих языков (с. 287), составлены инвентари чередующихся фонем (с. 289) и на основе парадигм чередования проведена классификация существительных (с. 289—295). Вместе с тем необходимо отметить, что обусловленность фонем в какой-либо морфологической парадигме грамматической позицией (т. е. парадигматический аспект в морфологии) с неизбежностью влечет за собой вопрос о существовании какой-либо обобщенной единицы в составе морфонологического уровня, обнаруживающей себя при позиционном чередовании фонем. В статье этот вопрос не получил рассмотрения, что придало всей статье некоторый крен в сторону синтагматики, а именно, на передний план выдвинулся анализ сочетаемости фонем, находящихся на конце основы, с окончаниями существительных, которому должно было быть отведено место на периферии статьи.

Описание морфонологических чередований в спряжении глаголов является отправной точкой в исследованиях С. В. Бромлей и С. М. Толстой. В статье С. В. Бромлей «Проблемы продуктивности в связи с изучением морфологии русского глагола» поставлен вопрос о роли морфонологической продуктивности, т. е. продуктивности определенных формообразовательных разрядов. Автор убедительно показывает, что при синхронном изучении литературного языка морфонологическая продуктивность неуплонима; она обнаруживается в диахронических изменениях разрядных характеристик глагола (*ду-ль* и *дм-уть*, где *y//m*, → *ду-л* — *дуй-ут*, где *ø//j*) и в междиалектных соответствиях (ср. *се-л* — *сѣд-ут*, где *e//ad*, и *сѣ-л* — *сѣд-ут*, где *ø//d*; *бѣ-л* — *буд-ут*, где *u//yð*, и *бу-л* — *буд-ут*, где также *ø//ð*). Морфонологическая продуктивность связана с продуктивностью суффиксальных глагольных типов, но не сводится к ней: очень показательны, что глаголы «непродуктивных» классов *жил* — *живут* (*ø//a*), *дел* — *денут* (*ø//n*), *клат* — *клатут* (*ø//ð*), *гнил* — *гниют* (*ø//j*), несмотря на их кажущуюся «изолированность» в глаголь-

ной системе, не вовлекаются в процесс перестройки основы благодаря поддержке со стороны устойчивой морфонологически продуктивной модели *нуль фонемы // согласная фонема* (с. 203). В статье С. М. Толстой «Морфонологические типы глагольных парадигм в польском литературном языке» представлена классификация глаголов по морфонологическим признакам. Опираясь на детальный анализ конкретных форм глагола (учитываются полный или усеченный вид основы и тип чередования), автор указывает морфонологические признаки, составляющие морфонологическую характеристику глагольной парадигмы (с. 269), и на ее основе проводит классификацию основного массива глаголов, в которой различаются 29 типов парадигм; за ее пределами остаются лишь нестандартные глаголы. Статья Г. К. Венедиктова «Заметки по морфологии болгарского глагола» построена на материалах, собранных по программе «Болгарского диалектологического атласа», и представляет собой подробное описание морфонологических особенностей у вторичных форм несовершенного вида в болгарских говорах.

В двух статьях — Н. Е. Ананьевой и Г. П. Нецименко — рассматриваются морфонологические чередования на стыке корня и суффикса при словообразовании, относящиеся к области синтагматики и играющие существенную роль для построения морфологической типологии языка. Отдельные положения этих статей нуждаются в некоторых коррективах. Так, необходимо четко отграничить звук от фонемы (см. Н. Е. Ананьева — с. 238, Г. П. Нецименко — с. 302), так как морфонология имеет дело не со звуками речи, а с обобщениями этих звуков, т. е. с фонемами, функционирующими в составе морфологического яруса, где они служат для конструирования морфов и словоформ.

Статья Э. А. Калынь «К вопросу о разделении звуковых чередований на фонетические и нефонетические» представляет собой опыт применения правил синтагматики к разграничению фонетических и морфонологических чередований в говорах, представленных ограниченным языковым материалом.

Я. Горечкий в статье «Морфематический аспект морфонологии в словацком литературном языке» знакомит читателя с понятием вариантов морфемы, вычленение

которых базируется на принципах Пражской лингвистической школы.

О. Лясковский в своей статье «Какую морфонологию выбрать?», проводя детальный морфонологический анализ польских образований на *-stwo/ctwo, -ski/cki*, приходит к выводу о преимуществе операционного описания языковых фактов перед реляционным.

Три статьи в сборнике посвящены вопросам акцентологии. В статье А. А. Зализняка «Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в.» детально исследован акцентуированный переводной хронограф («Космография») в сопоставлении с рядом других памятников XIV—XVII вв. Автор производит анализ акцентуации отдельных глагольных форм и распределения глаголов по акцентным типам (акцентные парадигмы *a, b, c*), устанавливает основные тенденции акцентной эволюции, выделяет комплекс акцентологических архаизмов («Космографии») (особенно многочисленных в подвижной а.п. *c*) и ее инноваций по сравнению с реконструируемым православнославянским состоянием. Статья Р. В. Булатовой «Акцентуация неприводных имен существительных *a*-основ в древнесербских рукописях XIV—XVI вв.» содержит обширный языковой материал, демонстрирующий наличие в акцентной системе именных *a*-основ трех типов, которые являются непосредственным наследием праславянских акцентных парадигм, но одновременно выявляющих и тенденцию к нивелировке различий между исконными а.п. *b* и *c*. Статья В. В. Лопатина представляет несомненный интерес как опыт описания отношений между словообразовательными средствами языка и ударением, прослеженных на большом материале современного русского словообразования (см. таблицы на с. 183—197).

Сборник убеждает в том, что морфонология занимает важное место в изучении структуры языка и является областью активного развития теории в традициях различных лингвистических школ. Благоприятное впечатление производит разнообразие тематики, надежная оснащенность языковым материалом и чистота его обработки. Сборник, несомненно, привлечет к себе внимание не только славистов, но и языковедов других специальностей.

Ильина Н.

НОВАЯ ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ ГРИГОРИЯ ЦАМБЛАКА

Рецензируемая работа проф. Лондонского университета Мюриель Хэппелл [1] относится к числу интересных исследований о Григории Цамблаке, появившихся в славяноведении за последнее время. Свои выводы исследовательница строит на обширном фактическом материале и результатах научных работ славистов XIX—XX вв. В качестве источников М. Хэппелл привлекает данные Нико-

новской летописи, Синодика царя Бориса, жития Стефана Дечанского, Степенной книги царского родословия, хроники У. Рейхенталя, Повести временных лет, Ипатьевской, Ермолинской, Псковских, Вологодско-Пермских и Западно-русских летописей, Киево-Печерского патерика, Рогожского летописца, житий св. Саввы и деспота Стефана Лазаревича, Летописного свода 1497 г. и других исто-

рико-литературных памятников. Ею также были использованы материалы вашигтонского Центра византийских исследований, по приглашению которого она стажировалась в США в 1971—1972 гг., и ряд микрофильмов, полученных из советских древлехранилищ. М. Хэппелл творчески подошла к наблюдениям предшествующих исследователей (Е. Голубинский, П. Сырку, М. Г. Попруженко, Э. Калужняцкий, Э. Турдяну, А. И. Яцимирский, С. Радойичич, И. Дуйчев, Й. Иванов, Р. Ветон-Ватсон, П. Настурель и др.) и сумела создать увлекательную книгу о церковной карьере Григория Цамблака.

Монография состоит из введения, шести глав, заключения и приложения. Введение посвящено обзору крупнейших работ о Цамблаке, опубликованных славистами в XX в.: А. И. Яцимирским, Э. Турдяну, В. Киселковым и К. Мечевым. Она отмечает, что многие проблемы жизни и деятельности Григория Цамблака до сих пор остаются нерешенными, и биография этой замечательной личности славянского средневековья еще слабо освещена. Принимая во внимание противоречивый характер данных о жизни Григория Цамблака, М. Хэппелл пытается восстановить биографию этого плодовитого писателя, анализируя исторические события, которые прямо или косвенно связаны с его именем.

В первой главе — «Ранний период жизни Григория Цамблака» автор стремится реконструировать юные годы и формирование личности будущего всероссийского митрополита. Она воссоздает духовную и официальную атмосферу Тырново — столицы Второго Болгарского царства, где, по всей видимости, родился и вырос Григорий Цамблак. По ее предположению, он происходил из богатого аристократического рода Цамблаков, занимавших высшие ступеньки в церковной и административной иерархии Болгарии и Византии. Датой рождения Цамблака автор ориентировочно считает 1365 г. на основании анализа «Слова надгробного всероссийскому митрополиту Киприану» Цамблака.

Под воздействием представителей Тырновской литературной школы и пророчества Киприана, предсказавшем ему блестящую духовную карьеру, Цамблак, вероятно, стал монахом и покинул столицу еще до взятия ее османскими войсками в 1393 г. Скорее всего, он переехал на Афон, а затем в Константинополь, где продолжал свое образование. По-видимому, еще в Тырново Григорий Цамблак овладел греческим языком и тем комплексом знаний, который получали дети именитых болгарских бояр. К сожалению, наука не располагает данными о том, сколько лет и в каком монастыре находился Григорий Цамблак на Афоне. Более определенными являются сведения о месте его пребывания в Константинополе. В цамблаковском житии Стефана Дечанского указывается, что известное время он провел в константинопольском монастыре Пантократора. В последнем десятилетии XIV в. Цамблак приступает к созданию своих произведений, ко-

торы в дальнейшем принесут ему известность. Одно из них — «Слово Похвальное Георгию Победоносцу» — точно датируется 1397 г. В 1401 г., по предположению автора, Цамблак уже находился среди приближенных константинопольского патриарха Матая, выполняя функции секретаря и выступая иногда в качестве переводчика со славянских языков. (Версия основана на упоминании имени Григория в двух документах патриаршей канцелярии.)

В Константинополе перспективы для молодого болгарского монаха были не очень многообещающими. Гораздо больше возможностей могло открыться ему в России, благодаря поддержке константинопольского патриарха и авторитету его дяди, митрополита Киприана. Но для этого Григорию Цамблаку вначале следовало проявить свои способности. Это ему удалось сделать в Молдавии, куда он был послан с миссией патриарха Матая в 1401 г.

Анализу этой миссии для расследования обстоятельств назначения монаха Иосифа на молдавский митрополичий престол без ведома Константинополя посвящена вторая глава монографии: «Григорий Цамблак в Молдавии». М. Хэппелл не сомневается, что посланным был именно Цамблак. Как известно, в начале XV в. в Молдавии было создано житие Иоанна Нового Белгородского. В заглавии этого памятника сообщается, что его автор — игумен обители Пантократора, т. е. Григорий Цамблак. Цамблаковское авторство мартирия ослабляется П. Настурелем [2], выдвинувшим три основных аргумента: а) Иоанн Новый погиб не в Белгороде (Аккермане), а в местечке Белый мыс на Крымском полуострове; б) по свидетельству молдавского хрониста Г. Уреке останки подвижника были перенесены в Сочаву в 1415 г., когда Цамблак находился уже в Киеве; в) в памятнике присутствует масса грецизмов, говорящих в пользу его греческого, а не славянского происхождения.

М. Хэппелл справедливо отмечает, что в житии имеется множество топографических неточностей. Белгород, например, помещается автором у Босфора, а не в устье Днестра. По предположению исследовательницы, речь идет о Киммерийском Босфоре, где и произошла казнь мученика. Касаясь второго аргумента, М. Хэппелл пишет, что хроника Г. Уреке создавалась в середине XVII в., и за точность описываемых в ней событий нельзя поручиться. Кроме того, анализ включенного в хронику рассказа о перенесении мощей Иоанна Нового показывает, что он был списан с дефектного списка. Наличие же грецизмов в тексте жития может быть истолковано в пользу авторства Цамблака, знавшего греческий язык и следовавшего греческим литературным образцам.

В Молдавии Цамблак провел около года, проявив себя блестящим проповедником и составив мартирий Иоанну Новому. Видимо, результаты расследования удовлетворили Константинополь, поскольку избранный без его санкции митрополит Иосиф остался в своей должности на протяжении нескольких лет.

После завершения молдавской миссии Цамблак возвратился в Константинополь и здесь следы его на некоторое время теряются. А. И. Яцимирский предполагал, что в течение нескольких лет Цамблак оставался в Молдавии и стал игуменом Нямецкого монастыря. Однако по замечанию М. Хэппелл, главным храмом этой обители являлся храм Вознесения, а не Пантократора. Исследовательница считает, что встречающегося почти во всех списках жития Иоанна Нового упоминание монастыря Пантократора появилось после того, как Григорий стал игуменом Дечанской обители, где главный храм носил именно такое название.

Этот период жизни Цамблака освещается в главе «Сербская интерлюдия». В отличие от Болгарии, павшей под ударами османских завоевателей в конце XIV в., Сербия сумела сохранить свою независимость на правах полувассала Османской империи. Здесь сложились сравнительно благоприятные условия для литературной деятельности, и часть болгарских книжников устремилась в сербскую землю. Среди них были такие известные писатели, как Константин Констанский, ученик Феодосия Тырновского монах Роман и другие. Сюда же перебрался и Цамблак. По предположению исследовательницы, Григорий пригласил к себе на службу деспот Стефан Лазаревич. Пребывание в Сербии, по мнению Хэппелл, было наиболее счастливым периодом в жизни Григория Цамблака. Будучи игуменом обители Пантократора в Дечанах он создает житие Стефана Дечанского, рассказы о перенесении мощей Петки Тырновской из Видина у Сербии и другие произведения. Возможно, он провел бы в Дечанах остаток своей жизни, но в 1406 г. его позвало в дорогу письмо Киприана.

В главе «Приглашение в Россию» рассматривается политическая ситуация в русских и украинских землях в конце XIV — начале XV в., деятельность митрополита Киприана и обстоятельства вызова Цамблака в Москву. Сепаратистская политика литовского князя Ольгерда, который, воспользовавшись ослаблением Золотой Орды, прибрал к рукам часть украинских земель вместе с Киевом и противопоставил себя Москве, имела своим результатом образование автономной епархии и учреждение киевского митрополичьего престола. Киевским митрополитом в 1375 г. стал Киприан, намеревавшийся после смерти московского митрополита Алексея распространить свои полномочия и на Москву. В сложной дипломатической борьбе ему удалось осуществить свое намерение в 1390 г. Однако Киприан испытывал большие трудности в управлении далекими украинскими землями и, когда его здоровье пошатнулось, он вызвал своего племянника в Москву. Возможно, Киприан хотел добиться от Василия I признания Григория своим преемником или же сделать его митрополитом на Украине, где росла католическая опасность. Смерть Киприана расстроила эти планы.

Узнав о смерти Киприана на полпути в России, Цамблак, согласно гипотезе

М. Хэппелл, направился в расположенный неподалеку от Константинополя Плинаирский монастырь, где у него имелось много друзей среди славянских монахов.

В главе «Цамблак в Киеве» описывается дальнейший ход событий. Константинополь откликнулся на просьбу Василия и в 1410 г. прислал в Москву митрополита Фотия, однако тот вскоре нажил себе много врагов. Витовт, не добившись утверждения своей кандидатуры, воспользовался противоречиями в Москве и инсценировал заочное судебное разбирательство над Фотием. Под его нажимом девять русских епископов избрали на киевский митрополичий престол Григория Цамблака. Такой выбор обуславливался цамблаковским авторитетом как проповедника и нежеланием местных епископов вступать с Фотием в борьбу, исход которой был неясен.

По предположению исследовательницы, Цамблак в это время находился в Киеве для произнесения написанного им «Слова надгробного митрополиту Киприану». Избрание его на митрополичий престол произошло в конце июня — начале июля 1414 г., а затем он отправился в Константинополь с сопроводительным письмом Витовта, просившего утвердить новоизбранного митрополита. Перед отъездом Цамблак побывал в Москве с целью переговоров с Фотием или установления контактов с фотиевской оппозицией. Константинопольский патриарх не поддержал кандидатуру Цамблака, и тогда Витовт на свой страх и риск 15 ноября того же года провозгласил Цамблака киевским митрополитом. Попытки Фотия доказать юридическую несостоятельность этой акции соответствующими посланиями в Киев и Константинополь не увенчались успехом.

Деятельность новоявленного митрополита рассматривается в главе «Григорий Цамблак в Констанце». За четыре года пребывания его на этом посту (1415—1419), она не была достаточно активной. Его деятельность характеризуется, главным образом, участием в Констанцском церковном соборе 1418 г., куда он был послан Витовтом с целью полемики по вопросам веры. В Констанце всероссийский митрополит произнес речь, сокращенная версия которой приводится в дневнике кардинала Филластри. Главным в ней является предложение о единении под эгидой папы и созыве своеобразной генеральной ассамблеи с участием представительств западной и восточной христианской церкви. В речи Цамблака содержится также радость по поводу преодоления схизмы в западной церкви и избрании Мартина V на папский престол. Как известно, это избрание произошло уже после отъезда Цамблака из Киева. Очевидно, он готовился произнести совсем не такую речь, сокращенный вариант которой мы находим в филаластриовом дневнике.

По предположению исследовательницы, первоначально подготовленная митрополитом речь отражена в «Слове похвальном Григория Цамблака архиепископа Киева и всея Руси, иже у Фроленьги и у Костентии собору Галатом, Италом и

Римленому и всему Галатом». Список произведения с таким длинным и путанным заголовком хранится в Библиотеке Академии наук Литовской ССР под шифром МС. 105 (л. 41—44). Хотя список относится к XVI в. и уже в самом заглавии содержится ряд неточностей (Флорентийский собор, например, перепутан с Константинопольским), исследовательница полагает, что по стилю и содержанию данный памятник может быть атрибутирован как цамблаковский. Он гораздо более яркий и эмоциональный, и включает в себе призыв к доброй воле во взаимоотношениях между двумя церквами. В нем нет ни малейшего намека на готовность восточной церкви пойти на уступки и признать над собой главенство папы. Возможны две версии: либо Цамблак прочитал на соборе не эту речь, либо она была искажена латинским переводчиком Маврикием. Возможно также, что переводчик оказал давление на Цамблака и для его же блага сгладил все острые углы цамблаковской речи. Таким образом, обвинения Цамблака в предательстве интересов православия богословами и некоторыми его биографами являются необоснованными.

Вскоре после выступления Цамблак покинул Констанцу и возвратился в Киев, и здесь следы его теряются. По предположению М. Хэппелл, его жизнь унесла свирепствовавшая в 1419 г. эпидемия «моровой язвы». Именно под этим годом в русских летописях сообщается о кончине Григория. Отсутствие титула и указания на место погребения Цамблака заставляют думать, что еще до смерти он сложил с себя полномочия митрополита и постригся в монахи.

Основной вывод М. Хэппелл состоит в том, что Цамблак по призванию был скорее писателем, чем политиком. Его административные амбиции объясняются прежде всего традициями цамблаковского рода, а не велением сердца. В политическом плане ему было далеко до его дяди Киприана: для этого у него не хватало твердости характера, настойчивости, дипломатической гибкости.

В приложении к монографии М. Хэппелл приводит цамблаковское «Слово надгробное митрополиту Киприану» в английском переводе и указывает имен собственных и географических названий.

Работу английской исследовательницы отличает основательность изученных источников, легкость изложения запутан-

ных исторических фактов, остроумное построение гипотез.

Однако в логических построениях М. Хэппелл имеются и уязвимые места. Неясно, например, почему Цамблак написал надгробное слово митрополиту Киприану через восемь лет после смерти последнего и произнес его в Киеве, а не в московском Успенском соборе, где тот был погребен. Скорее всего, получив известие о кончине дяди, он не поехал в Константинополь, а продолжил свой путь и затем некоторое время прожил в Москве. Здесь Цамблак написал и прочитал свое произведение в Успенском соборе, и только потом отправился поближе к патриаршему двору, чтобы заручиться поддержкой на киевское или московское митрополитство.

Вопрос об авторстве жития Иоанна Белгородского можно будет прояснить лишь после критического издания списков памятника, которых в советских хранилищах насчитывается более сорока. В отношении двух вариантов цамблаковской речи на Константинопольском соборе можно сделать другое предположение: вильнюсский вариант создавался Цамблаком для Витовта, а в действительности им была произнесена другая речь, вошедшая в дневник Филастры. Это послужило причиной смещения Цамблака с митрополичьего престола и возведения на него Фотия. На наш взгляд, более целесообразной была бы публикация не хорошо известного исследователям «Надгробного слова Киприану», а малоизученного вильнюсского варианта речи Цамблака.

Наши замечания не могут умалить ценности рецензируемого труда. Его появление — весомый вклад в исследование биографии Григория Цамблака — выдающегося писателя славянского средневековья.

Калиганов И. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Heppell M.* The Ecclesiastical Career of Gregory Camblak. London, 1979, 134 p.
2. *Nasturel P.* Une prétendue oeuvre de Grégoire Tsamblak «Le martyre de Saint Jean le Nouveau». — Actes du premier congress international et sud — est européennes, VII (Sofia, 1971), p. 345—351.

CONTENTS

<i>Chugajev V. P.</i> Soviet Union and Other Slavonic Countries. <i>Nedorezov A. I.</i> Changes of the Social Structure and Cultural Life of Society — Main Aspects of the Leninist Plan of Socialistic Construction. <i>Tarasov B. N.</i> The British Policy towards Jugoslavia (June 1941 — November 1942). <i>Kopasheva M. I.</i> The Public, Political and Cultural Connections between the USSR and Czechoslovakia in the Mid-1930s. <i>Pribylov V.</i> Poland and the Problem of Reorganization of the League of Nations Council in 1926. <i>Pashchenko E.</i> Slavonic Motifs in the Vladimir Nazor's Creative Work. <i>Svirida I. I.</i> The Artistic Culture of the Nations Forming Epoch as a Problem in Cultural History (Centr and South Eastern European Countries' Case). <i>Begunov Yu. K.</i> Polish, Ukrainian and Russian Tales about Twardowski the Magician and the Newly Discovered «Pan Twerdowski's History»	3
---	---

FROM THE HISTORY OF SLAVONIC STUDIES

<i>Venediktov G. K.</i> On the Initial History of the Slavonic Department at the Moscow University. <i>Franchuk V. Yu.</i> From the Correspondence between M. G. Khalanski and A. A. Shakhmatov	91
---	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Ermakova D. A.</i> Летопись важнейших событий советско-болгарских отношений дружбы и сотрудничества. 1944—1980. <i>Lyubchenko V. G. J.</i> Cesar, Z. Snitil. Ceskoslovenská revoluce 1944—1948. <i>Olshanski P.</i> Севостьянов П. П. Перед великим испытанием. Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. <i>Melnikov G. P.</i> Формирование раннефеодальных славянских народностей. <i>Vagarova N. M.</i> Н. Б. Яковлева. Современный роман Югославии. <i>Kishkin L. S. D.</i> Kšicová. Ruská poezie v interpretaci Františka Taborského. <i>Iljina N.</i> Славянское и балканское языкознание, вып. 6. Проблемы морфологии. <i>Kaliganov I. I.</i> The New Attempt to Reconstruct the G. Tsamblak's Biography	111
---	-----

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, хорошо обработанных литературно, в готовом для печати виде, подписанные автором. И текст, и ссылки обязательно должны быть напечатаны на машинке с одной стороны листа через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, домашний адрес, служебный и домашний телефоны.

2. Автору посылается копия отредактированного экземпляра статьи, которую он подписывает в печать. Правка в верстке не допускается.

3. Объем статей не должен превышать 30 стр., рецензий — 5—7 стр.

4. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам. Ссылки помещаются внизу страницы, нумерация ссылок сплошная по всей статье.

5. Классики марксизма-ленинизма цитируются по последнему изданию.

6. Иллюстрации принимаются только в пригодном для воспроизведения виде (фото — контрастное на белой глянцевой бумаге, рисунки — тушью) в двух экземплярах. На обороте каждой иллюстрации должны быть указаны (мягким простым карандашом) фамилия автора и номер иллюстрации. Подписи под рисунками должны быть напечатаны на машинке на отдельной странице в двух экземплярах.

7. Ссылки на литературные источники должны быть оформлены в соответствии с правилами ГОСТ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
Я. В. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

Технический редактор *Е. В. Сеницына*

Сдано в набор 11.10.82   Подписано к печати 21.12.82.   Т-20157   Формат бумаги 70×108^{1/16}
Высокая печать   Усл. печ. л. 11,2   Усл. кр.-отт. 13,5 тыс.   Уч.-изд. л. 13,0   Бум. л. 4,0
Тираж 1129 экз.   Зак. 2105

Издательство «Наука», 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 2
2-я типография издательства «Наука». 121009, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 р. 20 к.

Индекс 70891

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ
"САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ"
ИНДЕКС 70891